

ДЕКАБРЬ 2010

РусскийМир.ru

ЖУРНАЛ О РОССИИ И РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

ПРИШЛИ
НАВЕКИ
ПОСЕЛИТЬСЯ

НАРИСОВАННАЯ ТЕРПИМОСТЬ

ДЛЯ ЭТОГО ПОСТУПКА, НАВЕРНОЕ, НУЖНО БЫЛО не только врожденное чувство терпимости (как сейчас говорят – толерантности), но и определенная гражданская решимость. В Санкт-Петербурге прошла выставка детского рисунка «Параллельный Петербург». Почему – параллельный? Потому что выставлялись те, кого иногда шовинистически пренебрежительно называют «понаехавшими», – дети гастарбайтеров или просто людей, перебравшихся в Питер из разных отдаленных – южных – уголков некогда большой, единой страны.

И эти дети нарисовали другой мир. Где все – немного по-другому. И язык немного другой – вроде похож на русский, но не совсем уже русский. Или еще не совсем русский. Вектор развития тут не очевиден. Либо параллельные миры пересекутся, либо – нет. Не только в Питере – во всей России. Речь идет, в сущности, о параллельной России.

О проблемах интеграции иммигрантов давно уже повсюду говорят в Европе. Люди чужой культуры пытаются жить по своим законам там, где до недавнего времени принцип мультикультурности не подвергался никакому сомнению. Это не могло продолжаться бесконечно. Мультикультурность стала подвергаться сомнению по мере того, как терпимость аборигенов к пришельцам стала работать с перебоями.

Мы в России лишь в самые последние годы – сообразно активизации миграционных потоков – стали осознавать серьезность вставших перед нами проблем. Как побудить прибывающих к нам к интеграции в наше общество, к интеграции в нашу бытовую культуру? Притом так, чтобы не оскорбить их национальных чувств, чтобы не унижить их культуру, не уничтожить насильно их традиции, не направить их на путь ожесточения и даже джихада? Все эти вопросы легче задавать, чем получать на них ответы. Потому что ответов на самом деле никто не знает. Потому что вроде все – за терпимость и дружбу, но потом, когда в мусульманский праздник где-то на улице режут баранов, пишут возмущенные письма в инстанции, чтобы такая практика была прекращена.

Мы – слишком разные, чтобы вот так просто и легко найти ответы на трудные вопросы. К самой этой мысли надо еще привыкнуть. Начиная привыкать – посмотрим на детские рисунки, все-таки их не марсиане рисовали. Нам предстоит долгий путь привыкания. Как от детства – до зрелости. Успех – отнюдь не гарантирован.

[01]

**ВЕРБИЦКАЯ
ЛЮДМИЛА АЛЕКСЕЕВНА**

Председатель попечительского совета, президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, президент Санкт-Петербургского государственного университета [01]

[02]

[05]

[03]

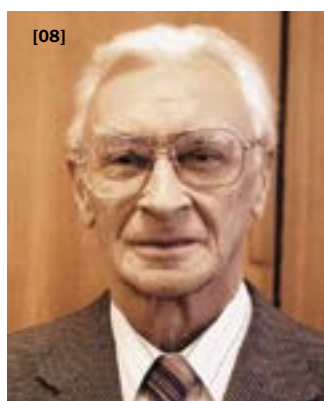
[06]

[04]

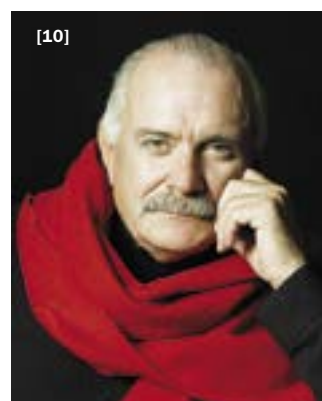
[07]

[08]

[09]

[10]

ЧЛЕНЫ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА

**БОГДАНОВ
СЕРГЕЙ ИГОРЕВИЧ**

Председатель наблюдательного совета Российского общества преподавателей русского языка и литературы, проректор Санкт-Петербургского государственного университета [02]

**ВИНОКУРОВ
СЕРГЕЙ ЮРЬЕВИЧ**

Начальник Управления Президента Российской Федерации по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами [03]

**ДЗАСОХОВ
АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ**

Председатель комиссии Совета Федерации по культуре, заместитель председателя комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО [04]

**ДОБРОДЕЕВ
ОЛЕГ БОРИСОВИЧ**

Генеральный директор ФГУП «Всероссийская государственная телевизионная радиовещательная компания» [05]

**ИГНАТЕНКО
ВИТАЛИЙ НИКИТИЧ**

Генеральный директор ИТАР – ТАСС [06]

**ИЛАРИОН
(АЛФЕЕВ ГРИГОРИЙ
ВАЛЕРИЕВИЧ)**

Митрополит Волоколамский, председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата [07]

**КОСТОМАРОВ
ВИТАЛИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ**

Президент Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина [08]

**ЛАВРОВ
СЕРГЕЙ ВИКТОРОВИЧ**

Министр иностранных дел Российской Федерации [09]

**МИХАЛКОВ
НИКИТА СЕРГЕЕВИЧ**

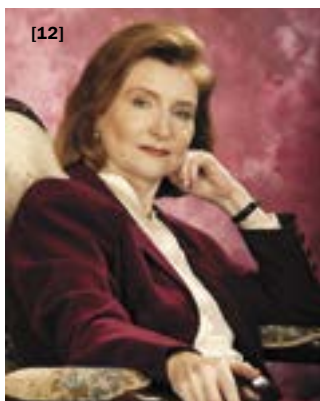
Президент Российского фонда культуры [10]

**МУХАМЕТШИН
ФАРИТ МУБАРАКШЕВИЧ**

Руководитель Федерального агентства по делам СНГ, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству («Россотрудничество») [11]

[11]

[12]

[17]

**НИКОНОВ
ВЯЧЕСЛАВ АЛЕКСЕЕВИЧ**
Исполнительный директор
правления фонда «Русский
мир», президент фондов
«Политика», «Единство
во имя России» [17]

[13]

[14]

[18]

[19]

[15]

[16]

[20]

[21]

**НАРОЧНИЦКАЯ
НАТАЛИЯ АЛЕКСЕЕВНА**
Президент Фонда истори-
ческой перспективы, глава
отделения Некоммерческо-
го фонда «Институт демо-
кратии и сотрудничества»
в Париже [12]

**ПИОТРОВСКИЙ
МИХАИЛ БОРИСОВИЧ**
Директор ФГУК «Государ-
ственный Эрмитаж» [13]

**ФУРСЕНКО
АНДРЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ**
Министр образования
и науки Российской
Федерации [14]

**ЮРКОВ
ЕВГЕНИЙ ЕФИМОВИЧ**
Заместитель генерального
секретаря Международной
ассоциации преподава-
телей русского языка и
литературы, заведующий
кафедрой филологического
факультета СПбГУ [15]

**ЯКУНИН
ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ**
Президент ОАО «Россий-
ские железные дороги»,
председатель попечитель-
ского совета Фонда Андрея
Первозванного и Центра
национальной славы [16]

**МОРГУНОВ
СЕРГЕЙ ЕВДОКИМОВИЧ**
Первый заместитель
исполнительного
директора правления
фонда «Русский мир» [18]

**КАЛИНА
ИСААК ИОСИФОВИЧ**
Руководитель
Департамента
образования
Москвы [19]

**ПРОКОФЬЕВ
ПАВЕЛ АЛЕКСЕЕВИЧ**
Заместитель директора
департамента
Генерального секретариата
МИД Российской
Федерации [20]

**ШАРКОВ
АНАТОЛИЙ СЕРГЕЕВИЧ**
Начальник департамента
Референтуры Президента
Российской Федерации [21]

СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

[06]

[24]

[30]

ГЕОРГИОТ / КОКОШКИН КОНСТАНТИН

[36]

ИТАР-ТАСС

[40]

РУССКИЙ МИР

- 06 | Ценностный код
- 13 | Благодатная миссия
- 17 | «У русских и испанцев одинаковые комплексы – мы оттаиваем от диктатуры»
- 20 | Русский с шотландским акцентом
- 22 | Берег недалек

ИСТОРИЯ

- 24 | Война – имя собственное

НАСЛЕДИЕ

- 30 | Дорога к храму
- 36 | Не вижу зла
- 40 | Нетающий иней

ФОРУМ

- 46 | По обе стороны зоны RU

ВЫСТАВКА

- 50 | «Здесь – папа, в Таджикистане – бабушка»

МУЗЕЙ

- 54 | Легенда о сотворении мира

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

- 62 | Расстрел

[50]

[72]

[80]

ЛЮДИ И ВРЕМЯ

- 66 | Исполнена ангельской крепости
- 72 | Велопрогулки под водой
- 76 | «Неупиваемая чаша»

ФОТОРЕПОРТАЖ

- 80 | Как рождается сказка

ПУТЕШЕСТВИЕ

- 88 | Живущие по воле Бога

Фонд «Русский мир»

Исполнительный директор
правления фонда «Русский мир»
Вячеслав НИКОНОВ

Главный редактор,
руководитель информационно-
издательского управления
Георгий БОВТ

Шеф-редактор
Лада КЛОКОВА

Арт-директор
Дмитрий БОРИСОВ

Заместители главного редактора:
Елена КУЛЕФЕЕВА
Оксана ПРИЛЕПИНА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор
Елена МЕЩЕРСКАЯ

Распространение и реклама
Ирина ГРИШИНА
(495) 980-25-60

Над номером работали:
Ксения БОБРОВИЧ
Александр БУРЫЙ
Михаил БЫКОВ
Сергей ВИНОГРАДОВ
Александр КОПИРОВСКИЙ
Ирина ЛУКЬЯНОВА
Алексей МАКЕЕВ
Дмитрий ПОЛЕТАЕВ
Евгений РЕЗЕПОВ
Любовь РУМЯНЦЕВА
Игорь САВЕЛЬЕВ

Верстка и допечатная подготовка
ООО «Издательско-полиграфический центр
«Гламур-Принт»
www.glamourprint.ru

Отпечатано в типографии
ООО ПО «Периодика»
Москва, Гарднеровский пер., 3, стр. 4

Тираж 12 000 экз.

Адрес редакции:
119285 Москва,
ул. Мосфильмовская, 40а
Телефон: (495) 981-54-04
Электронный адрес:
ek@russkiymir.ru

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-30492
от 19 ноября 2007 года

Редакция не рецензирует рукописи
и не вступает в переписку

Фото на обложке
PHOTAS/ALAMY

ЦЕННОСТНЫЙ КОД

Оксана Прилепина

В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМ ЦЕНТРЕ
ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ МГУ
3 НОЯБРЯ СОСТОЯЛАСЬ IV АССАМБЛЕЯ
РУССКОГО МИРА.

ПЕДАГОГИ И СТУДЕНТЫ, ДЕЯТЕЛИ науки и культуры, политики и бизнесмены, священники, муллы и раввины, журналисты и чиновники из более чем 70 стран – на традиционной, уже четвертой по счету, Ассамблее, которую фонд «Русский мир» ежегодно проводит накануне Дня народного единства, можно было изучать географию распространения на планете русского языка и русской культуры.

Будущее миллионов людей

Ассамблея прошла под девизом «Учитель Русского мира», поскольку уходящий, 2010 год был объявлен в России Годом учителя. До начала торжественной церемонии открытия гости с интересом осматривали фотовыставки «Московский Кремль – символ Русского мира» и «Мир Русского мира» – авторские работы Вячеслава Никонова.

Особым вниманием пользовался мультимедийный стенд, развернутый на Ассамблее редакцией интернет-портала фонда «Русский мир». «Мы готовы зарегистрировать в нашей новой социальной сети «Русский мир» любого желающего», – объяснил руководитель портала Дмитрий Перельгин. Участники этой социальной сети могут легко общаться друг с другом, находить друзей и коллег по всему миру, обсуждать вопросы языкознания и т.д. Несмотря на то, что социальная сеть начала работать совсем недавно, в ней уже зарегистрировались несколько сотен человек.

Когда фанфары возвестили о начале церемонии открытия, на сцену огромного зала Интеллектуального центра МГУ поднялся ректор Московского университета Виктор Садовничий, который на правах хозяина поприветствовал гостей Ас-

самблеи. «Русский мир – уникальный феномен, объединяющий в себе Россию и русское зарубежье, самобытность и универсальность, верность традициям и энергию становления. Это общность, в которой видят свое будущее миллионы людей разных национальностей, возрастов и профессий», – отметил Виктор Садовничий. В адрес участников Ассамблеи свои поздравления направили прези-

дент Дмитрий Медведев и премьер-министр Владимир Путин. Исполнительный директор фонда Вячеслав Никонов кратко подвел итоги работы фонда за 2010 год, отметив открытие 61 Русского центра и 40 Кабинетов Русского мира в 63 странах, реализацию 40 грантовых программ, направленных на поддержку русского языка за рубежом. И остановился на тех событиях из жизни фонда, которые «запечатле-

лись в сердце». Прежде всего – на международной акции «Память сердца», о которой было объявлено на III Ассамблее. «Победителями всемирной акции «Память сердца», в рамках которой мы попросили людей из всех уголков земли присылать документы, воспоминания, рассказы о людях, о памятниках, о событиях, стали ветераны Великой Отечественной, которые не были в Москве или в России после распада СССР, или совсем молодые ребята из поисковых отрядов, – рассказал Вячеслав Никонов. – Помню, как они возлагали венки у Могилы Неизвестного солдата. Звонящая утренняя тишина, слезы в глазах, просветленные лица. Или еще один образ: тысячи и тысячи верующих, держащих в руках обжигающие свечи, ожидая молитвы вместе со Святейшим патриархом Кириллом в дни его пастырского визита на Украину. Это небольшие эпизоды в жизни «Русского мира-2010», коих, я уверен, будет еще великое множество и в нашей стране, и по всему миру».

Глава попечительского совета фонда, президент Санкт-Петербургского государственного университета, президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ) Людмила Вербицкая сообщила, что в следующем году V Ассамблея Русского мира пройдет в Северной столице, и сорвала шквал аплодисментов, заявив: «Интерес к нашему удивительному языку возродился именно потому, что возродилась наша Россия. Мы верим, и у нас есть на то основания, что планета заговорит по-русски!» Участники Ассамблеи приветствовал Святейший патриарх Московский и всея Руси Кирилл, затронувший в выступлении тему смыслов и ценностей Русского мира. Он отметил особую роль учителя, сказав, что «от его трудов зависит, как будет думать, чувствовать и поступать человек будущего», затем проследил духовный путь России от Киевской Руси до наших дней и продолжил рассуждения о будущем. «Следующим шагом нашего духовного развития, – подчеркнул па-

триарх, – может стать формирование цивилизационной традиции, которая уже переходит границы одного народа, генерирует способы духовной и материальной жизни, объединяющие в одно общество людей разных этносов и культур. В прошлом таким примером стала византийская цивилизация. Мое горячее желание состоит в том, чтобы все страны, принадлежащие к цивилизационной традиции Руси, осознали общее ценностное достояние не как угрозу своей самостоятельности, а как бесценный ресурс в глобальном мире. Это сознание только начало формироваться».

На церемонии открытия также выступили специальный представитель президента Российской Федерации по международному культурному сотрудничеству Михаил Швыдкой, министр образования и науки Андрей Фурсенко, руководитель Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству Фарит Мухаметшин.

В финале гостей Ассамблеи ждал сюрприз. Юные красавицы Гватемалы с южным восторгом исполнили на русском языке «Калинку» и детскую «Улыбку» – зал прилагал усилия, чтобы тоже не пуститься в пляс. Девушки – воспитанницы православного приюта для детей-сирот «Дом Рафаэля Айау» при монастыре Святой Живоначальной Троицы, поддержанного фондом «Русский мир» весной этого года.

Понять истину

Центральным событием мероприятия стала подиумная дискуссия «Смыслы и ценности Русского мира». В ней приняли участие Фарит Мухаметшин, глава РЖД Владимир Якунин, кинорежиссер Никита Михалков, зампрединдентуа президиума Международного совета российских соотечественников князь Никита Лобанов-Ростовский и директор Института философии РАН Абдусалам Гусейнов.

«Каждый человек, взрослея, задает себе вопрос: «кто я?». На мой взгляд, Русский мир сегодня – это глобальная цивилизационная общность трети миллиарда людей, объединенных в первую очередь самоощущением, осознанием общности настоящего и будущего», – отметил Вячеслав Никонов. По мнению главы фонда, у каждой цивилизации есть собственный ценностный код: набор матриц, понятий, норм, моральных принципов, отличий хорошего от дурного – что и делает цивилизацию народом. Это французское *Liberte, egalite, fraternite*, американское «исключительность и демократия» и т.д. Русским кодом являются прежде всего свобода, которая понимается как либерализм, воля, а порой и нелюбовь к заданным рамкам, порыв к прекрасному; справедливость, то есть высшая правда, не зависящая от установленных властью законов; совесть, равноправие как воздаяние по заслугам, достоинство, уважение себя и предков и мир. «Мир – это лад, согласие, предупреждение вражды», – уточнил Вячеслав Никонов, – это вселенная русского

духа и русского пространства, это община, всегда выживавшая взаимовыручкой, и, конечно, это вера. Вера в свою страну, в себя и в то, что Всевышний не оставит Россию своим покровительством, наставит на путь истинный и даст путеводную нить в будущее».

Тональность дальнейшего хода дискуссии определило выступление Никиты Михалкова. Зал резко разделился на две неравные части. Большинство с чувством аплодировало, другие – нет. Равнодушных не было. «Есть время перемен, а есть время подмен. Мы живем во время великих подмен», – заявил режиссер. Эти подмены вездесущи: они в культуре, искусстве, политике, в СМИ, в Интернете – отрицание ценностей глубоко укоренилось в сознании людей. В порочную норму вошли нелюбовь к земле, к себе, к своему государственному устройству. Выход из общественного нигилизма Михалков видит в «просвещенном консерватизме как системе провинциальных отношений». «Если читать Интернет, – продолжал режиссер, – то, чтобы быть достойным гражданином страны, должно презирать эту страну, ненавидеть ее руководство, постоянно находить в ней нечто такое, что в результате отворачивает другие культуры от Русского мира... Если сейчас мы не поднимаемся с колен духовно, то привыкнем, принохаемся. И вот здесь у меня возникает серьезный вопрос: а сами-то мы способны это сделать?»

Князь Никита Лобанов-Ростовский поделился с аудиторией последней новостью. «Граф Шереметев и я письменно предложили создание памятника Примирения в России, и патриарх его благословил, – сказал князь. – Граф Шереметев спросил Его Святейшество, что он думает, если мы установим памятник на месте памятника Дзержинскому, фундамент которого был поставлен Екатериной Великой. Патриарх одобрил предложение, мы ему очень благодарны». В своем докладе Лобанов-Ростовский затронул болезненную тему – ежегодное сокращение Министерством иностранных дел бюджета по отношению к организациям диаспоры. «Московское правительство сделало предложение новому мэру умень-

шить помощь Международному совету российских соотечественников – сейчас на нас приходится одна семнадцатитысячная процента бюджета Москвы. Это меньше, чем «откат» на постройку здания, как здесь говорят. Дорогие друзья, ситуация очень и очень серьезная. Мы можем хлопать себя по плечу и говорить, какой чудный русский язык и какие хорошие мероприятия мы будем делать, но без средств мы не можем этого совершить».

Абдусалам Гусейнов, директор Института философии РАН, сосредото-

чился на культурной политике фонда «Русский мир», которая «помогает понять истину, что национально-культурное единство должно быть важнее социальных и партийных различий, которые нас разделяют». В финале Вячеслав Никонов объявил о новой международной акции, которую будет проводить фонд «Русский мир» в следующем году. Акция под названием «Первый в космосе» будет посвящена 50-летию полета Юрия Гагарина. 12 апреля 2011 года было предложено сделать праздником Русского мира.

Мировые споры

Мировые споры с большой сцены перетекли в небольшие залы. Одновременно прошли подиумная дискуссия «Учитель Русского мира», рабочее совещание «Современное радиовещание: Россия. Европа. Мир», а также круглые столы и семинары: «Русский мир и модернизация России», «Русскоязычная диаспора: идентичность, ценности, партнерство», «СМИ Русского мира», «Грантовые программы фонда «Русский мир», «Правовые основы и практика работы Русских центров», «Русский язык в системе образования зарубежных средних и высших учебных заведений».

В разговоре о грантах фонд отчитался о проделанной работе. За три года «Русский мир» получил 2241 заявку, из них одобрил каждую третью – 710. В Европе поддержано 254 проекта, в России – 220, в странах СНГ – 154, в Северной и Южной Америке – 35, на Ближнем Востоке – 20, в Азии – 20, в Австралии – 6, в Африке – 1. «Эти цифры – не просто отчет, а итог колоссальной работы, которую провел фонд», – пояснила Ольга Винтайкина, заместитель руководителя Управления грантов. Но большая часть обсуждений на семинарах была посвящена юридическим и практическим тонкостям получения грантов, изменениям в процедуре. «Часто из разговоров с будущими грантополучателями вытекает, что нас считают госорганом, проводником государственной политики, – сказал руководитель юридической службы фонда Валерий Подмазко. – Это глубокое заблуждение. Мы некоммерческая

организация и с точки зрения ООН – неправительственная, которая специально создана для достижения двух основных целей: пропаганды русского языка за рубежом и поддержки программ изучения русского языка за рубежом и в РФ».

Обсуждения на тему русского языка в системе образования высших и средних учебных заведений дошли до размышлений об образе России в глазах иностранных соседей. «В русской школе не будут учить, что Россия – это враг, в русскоязычной – пожалуйста. Это пример нашей страны, – размышлял председатель Всеукраинской общественно-педагогической организации «Русская школа» Александр Кондряков. – В Киеве с начала 90-х годов из 155 русских школ осталось 6. Может, и здорово, что 40 процентов украинской молодежи думает на русском. Но о чем они думают? Что лучше: думать на русском о том, что северный сосед постоянно угнетал Украину, или на украинском – какие великие были Чехов, Толстой и Достоевский? Или совсем простой недавний пример. Что хуже: чиновник отвечает на русском, что не может

выделить средства на ремонт Дома Чехова в Ялте, потому что это собственность Украины, или я отвечаю на украинском, что мы не можем выделить те же самые деньги, потому что это писатель российский?»

На подиумной дискуссии «Учитель Русского мира» ректор Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина Юрий Прохоров обозначил «одну из самых больших проблем в учительской среде». «Учителя русского языка как раз очень хорошо владеют предметом, – сказал ректор, – но в значительно меньшей степени владеют Русским миром, потому что, к сожалению, из-за определенных общественно-политических событий последних 20–30 лет педагоги не были в России». Но сложности с представлениями о Русском мире не только в физической изоляции. Профессор кафедры русского языка факультета международного переводчика Университета Монса (Бельгия) Александр Авеличев всю жизнь изучает Русский мир и не может дать однозначного ответа на вопрос, что же это такое. «Со времен выдающегося социолога Эмиля Дюркгейма известно, что нации от-

личаются друг от друга принятыми и используемыми большинством символами, идеями, традициями, привычками и т.д. Но в современном переходном российском обществе возник целый веер специфических картин мира. До сих пор существует советский социалистический образ мира – *homo soveticus*, западнический – либеральный или либерально-демократический образ, православно-русский, соборный и другие. И каждый из адептов считает свое видение единственно верным, достойным и соответствующим традиционному русскому менталитету».

На круглом столе, посвященном СМИ Русского мира, журналисты из дальнего зарубежья и российских регионов рассказывали о проблемах своих изданий. И в итоге пришли к выводу, что главный вопрос – не стороннее финансирование или его отсутствие. Проблема в необходимости формирования качественного контента – такого, который бы всегда находил своего читателя и подписчика. Некоторые участники обсуждения весьма критично оценивали собственную работу и работу своих коллег, призывали редакторов определиться в конце концов «с местом под солн-

цем», прекратить перепечатывать чужие тексты. «Мы все постоянно надеемся на гранты и финансирование со стороны таких организаций, как «Русский мир». И сами ничего не делаем для того, чтобы работать действительно профессионально, превращать наши издания в востребованный продукт. Если вас не читают, значит, вы издаете что-то не то», – считает главный редактор интернет-газеты E-Dialog (Париж) Вера Медведева. «Хорошей русскоязычной прессы в Евросоюзе сейчас нет», – согласен президент Европейской медиаакадемии (Бельгия) Леонид Сокольников.

В целом все восемь семинаров, круглых столов и дискуссий прошли плодотворно, дискуссии выходили на такой уровень, что никакого времени хватить и не могло. И после закрытия официальной части Ассамблеи вечером в холле продолжались расспросы, консультации, обмен опытом и мнениями. Эту «работу» смогла прекратить только начавшаяся рок-опера «Юнона и Авось» в постановке Театра Алексея Рыбникова – первый показ спектакля в Москве в оригинальной композиторской версии спустя 30 лет после премьеры в 1980 году. 🎭

БЛАГОДАТНАЯ МИССИЯ

Оксана Прилепина

ПРЕЛЮДИЕЙ К АССАМБЛЕЕ СТАЛ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФОРУМ УЧИТЕЛЕЙ ЗАРУБЕЖНЫХ ШКОЛ С ПРЕПОДАВАНИЕМ РУССКОГО ЯЗЫКА, КОТОРЫЙ СОСТОЯЛСЯ 2 НОЯБРЯ В ГОСУДАРСТВЕННОМ ИНСТИТУТЕ РУССКОГО ЯЗЫКА ИМ. А.С. ПУШКИНА (ГИРЯП). ЭТО ПЕРВЫЙ В ИСТОРИИ НОВЕЙШЕЙ РОССИИ МЕЖДУНАРОДНЫЙ СБОР 200 ПЕДАГОГОВ-РУСИСТОВ ИЗ 55 СТРАН. НА ФОРУМЕ ОБСУЖДАЛИСЬ ВАЖНЕЙШИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО. ОРГАНИЗАТОРАМИ ВЫСТУПИЛИ ФОНД «РУССКИЙ МИР», МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ, МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ И РОССОТРУДНИЧЕСТВО.

РОССИЙСКИЕ СЛОВЕСНИКИ не избалованы съездами и форумами. За последнее столетие таких событий было всего четыре. В 1917 году прошел Первый всероссийский съезд учителей русского языка, после этого русисты собрались только в 1988 году на Всероссийском съезде учителей СССР, в 2003 году организова-

ли Всероссийский съезд методистов и учителей-словесников, в начале 2010 года в Астане провели Первый съезд учителей стран СНГ. Такого масштабного мероприятия, как Международный форум учителей зарубежных школ, в истории России не было никогда. Так что неудивительно, что в его работе приняли участие исполнительный директор

фонда «Русский мир» Вячеслав Никонов, замминистра образования и науки Исаак Калина, президент Санкт-Петербургского государственного университета, президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ) Людмила Вербицкая, руководитель Россотрудничества Фарит Мухаметшин и ректор ГИРЯП Юрий Прохоров.

Открывая форум, Вячеслав Никонов подчеркнул, что «после испытаний тяжелого XX века настало время собирать камни. Собирать не земли, а людей. Это огромная реальность Русского мира, который оказался разбросанным по всей планете – от Австралии до Аргентины. За пределами России больше, чем в самой России, людей, говорящих по-русски и относящих себя к Русскому миру. Это еще одна Россия за пределами России».

Фарит Мухаметшин сообщил, что Россотрудничество планирует в 2011 году значительно увеличить долю средств на развитие зарубежных школ с преподаванием русского языка. В первую очередь финансирование пойдет на поставку учебной литературы, создание совместных учебников, библиотек, лингафонных кабинетов и коорди-

национных методических центров дистанционного обучения. «Правительство России одобрило нашу инициативу разработать концепцию поддержки русского языка за рубежом, – сказал Фарит Мухаметшин. – На базе этой концепции мы в 2011 году составим программу нашей деятельности за пределами РФ. Со следующего же года решением президента РФ мы становимся учредителями 14 школ в странах СНГ». Исаак Калина сказал добрые слова в адрес «Русского мира»: «Если бы каждая организация, учредителем которой является Министерство образования и науки, – а таких организаций около 2 тысяч – за такой короткий срок сделала бы то, что делает фонд «Русский мир», дела в образовании были бы еще лучше». Людмила Вербицкая в своем выступлении пришла к выводу, что «реальный статус русского языка в ряде государств на территории бывшего СССР гораздо выше его правового статуса». Эту мысль под-

твердили представители Латвии, рассказавшие историю недавних учений НАТО под Ригой. В антитеррористическом мероприятии участвовали граждане США, Польши и Прибалтики, и, когда встал вопрос,

на каком языке отдавать команды, – выбрали русский.

В Казахстане начиная с 90-х годов Россия не занималась переподготовкой учителей, и казахстанские русисты курьезно ездили на курсы

В РАМКАХ МЕЖДУНАРОДНОГО ФОРУМА УЧИТЕЛЕЙ ЗАРУБЕЖНЫХ ШКОЛ С ПРЕПОДАВАНИЕМ РУССКОГО ЯЗЫКА ОДНОВРЕМЕННО ПРОШЛИ ТРИ КРУГЛЫХ СТОЛА ПО ТЕМАМ: «ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ СРЕДНИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ С РУССКИМ ЯЗЫКОМ ПРЕПОДАВАНИЯ», «ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ РУССКИХ ШКОЛ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ (СУББОТНЫЕ И ВОСКРЕСНЫЕ ШКОЛЫ)», «ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В ЗАРУБЕЖНЫХ ШКОЛАХ». ПЕДАГОГИ СОШЛИСЬ НА ТОМ, ЧТО ВО ВСЕХ СТРАНАХ ОСТРО СТОИТ ПРОБЛЕМА УЧЕБНИКОВ, МЕТОДИЧЕСКИХ ПОСОБИЙ, ЧТО НЕОБХОДИМО РЕГУЛЯРНО ПРОВОДИТЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ФОРУМЫ И УВЕЛИЧИВАТЬ РОССИЙСКОЕ УЧАСТИЕ В ЖИЗНИ ИНОСТРАННЫХ ШКОЛ, ГДЕ ПРЕПОДАЕТСЯ РУССКИЙ ЯЗЫК. В КАЧЕСТВЕ ПОЛОЖИТЕЛЬНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ БЫЛО ОТМЕЧЕНО ПОВЫШЕНИЕ ВНИМАНИЯ К РУССКОМУ ЯЗЫКУ ВО МНОГИХ СТРАНАХ, ПОЯВЛЕНИЕ СЕТЕВЫХ РУССКИХ ШКОЛ, ДЕТСКИХ САДОВ С ПРЕПОДАВАНИЕМ РУССКОГО ЯЗЫКА, УВЕЛИЧЕНИЕ КОЛИЧЕСТВА ЧАСТНЫХ ЯЗЫКОВЫХ ШКОЛ. ЭТИ ЯВЛЕНИЯ – ВО МНОГОМ РЕЗУЛЬТАТ ПОДДЕРЖКИ СО СТОРОНЫ ФОНДА «РУССКИЙ МИР».

Инна Ли, директор Центра русского языка Пекинского университета иностранных языков, Китай:

– Русские литература и искусство и культура в целом – важный бренд для Китая. В детских садах Китая одна из первых книг – «Сказка о рыбаке и рыбке», а рассказы Чехова вошли в наши хрестоматии для начальной и средней школы. Русский язык становится в Китае вторым иностранным, обгоняя немецкий, французский и японский. В одном Пекине в семи университетах преподается русский язык для филологов как ведущая специальность, на русском издается немало СМИ. Очень важным для нас был прошлый Год русского языка в Китае, в рамках которого Владимир Путин награждал лучших педагогов золотыми медалями – меня в том числе. В 80-е годы, когда английский вышел на первое место, мы, русисты, не ощущали поддержки от России и завидовали англичанам. Но, к счастью, положение

изменилось благодаря «Русскому миру». В прошлом году были открыты Центры Русского мира, Российский культурный центр Россотрудничества.

Стоянка Почеканска, главный специалист-эксперт по русскому языку Министерства образования, молодежи и науки Болгарии:

– В Болгарии около 200 тысяч детей в средних школах изучают русский язык, а армия преподавателей насчитывает около 3 тысяч. В созданной нами сети работает 5 детских садов, 45 школ и 8 университетов, размещенных на территории практически всех регионов страны. Сеть экономически выгодна, дает возможность работать не изолированно. Спасибо «Русскому миру» за поддержку нашей идеи и подаренную методическую литературу всем базовым школам. Тема русских детских садов сейчас в Болгарии востребована,

повышения квалификации в США. Ситуация изменилась благодаря фонду «Русский мир», ГИРЯП и ФЦП «Русский язык». Во всех выступлениях звучал уверенный позитив и слова благодарности фонду, пока

не попросил слова представитель Литвы. Он поднял болезненный вопрос «Кто мы для России?» и привел грустную статистику. В 1999 году в Литве было 85 школ с русским языком обучения, теперь 33. «Русская

школа в странах СНГ нуждается в срочной поддержке со стороны России, – отметил он. – Сейчас учителя русских школ в Прибалтике – настоящие подвижники, зачастую их труд противоречит программным установкам современной правящей элиты. Мы наблюдаем катастрофический процесс гибели русской школы и ждем, что на таких форумах будут разработаны меры поддержки. У нас все меньше возможностей к существованию». «Вы знаете, – ответил ректор ГИРЯП Юрий Прохоров, – несмотря ни на что, за последние несколько лет тональность наших встреч изменилась в светлую сторону. Да, есть проблемы, которые могут решаться только на государственном уровне, в каждой из стран есть свое законодательство. Но наши усилия начали приносить плоды. Тут я не приемлю слова «помощь», потому что дискуссионный вопрос, кто кому помогает. Вы нам помогаете больше. Думаю, проблемы возникают не

мы восстанавливаем утерянный педагогический опыт по работе с малышами. И постоянно работаем над повышением мотивации талантливой молодежи – недавно закончился конкурс эссе, который провел Русский центр при Пловдивском университете, победители приедут на Новый год в Москву. Думаю, для детей это будет незабываемо.

Боголюб Станкович, председатель Славистического общества Сербии:

– Русский язык благословен – он для нас не иностранный, а инославянский. В поддержку русского языка мы с Педагогическим обществом Сербии три года назад начали проводить в Белграде ежегодный международный научно-образовательный форум «Белградская встреча славянских русистов» на тему «Изучение русского языка и русской культуры в инославянском окружении». Результатом является издание журнала «Русский язык как инославянский». Чтобы эту идею провести на более сильной основе, мы учредили международный научно-исследовательский проект, куда уже поступило много заявок. Также мы подписали договоры о прямом двустороннем сотрудничестве с Обществом русистов Болгарии, Ассоциацией словацких русистов, Русистским обществом Чехии, Домом русского зарубежья, Пушкинским институтом и с некоторыми другими. Еще я предлагаю подписать договор Славистического общества и Русского общества РАПРЯЛ, которое может организовать такое же двустороннее сотрудничество и с другими обществами.

Ольга Брамли, директор Лондонской школы русского языка и литературы, председатель Ассоциации русских культурно-образовательных объединений «Евролог», Великобритания:

– В последние 14 лет в Великобритании появилось принципиально новое направление – школы дополнительного образования. Их главной задачей было сохранение русского языка. Недавно с помощью гранта «Русского мира» мы провели исследование и выяснили, что сегодня в Великобритании есть 24 школы и 35 филиалов, где занимаются 1700 учащихся от 2 до 18 лет. В этой системе занято 270 педагогов. Сегодня в Великобритании нет русской школы полного рабочего дня, кроме посольской. Мы сейчас работаем над принципиально новым проектом по внедрению русского языка в систему государственных школ на уровне начального образования и на уровне среднего образования. Будем надеяться, что все получится. Но у нас есть проблема учеников по обучению русскому с нуля для детей от 6 до 8 лет.

Наталья Барабан, директор Пушкинской школы русского языка и искусств, Нидерланды:

– Приток в русские школы и интерес к ним будет расти тогда, когда каждая русская школа станет маленькой изюминкой внутри большого пирога. Помимо языка, литературы и истории нужно давать образование музыкальное, прикладное, художественное, танцевальное. Например, наши родители во время занятий детей изучают голландский язык, читают

столько с русским языком, сколько с оторванностью школ от русской современной культуры».

От слов участники форума перешли к делу. В ГИРЯП состоялась торжественная церемония открытия Аудитории Русского мира – нового учебно-методического центра, оснащенного по последнему слову тех-

ники. Как отметил Юрий Прохоров, здесь будут проходить семинары повышения квалификации преподавателей русского как иностранного. «Я думаю, к концу ноября у нас уже будет юридически оформлена Ассоциация преподавателей русского языка и литературы средних и высших школ», – сказала Людмила

Вербицкая. – Мы наладим оперативную обратную связь и на ближайшем съезде уже сможем представить конкретные пути решений». Председатель попечительского совета «Русского мира» заверила, что фонд продолжит свои грантовые и образовательные программы, открытие Русских центров, разного рода дистанционное обучение.

«У нас есть собственная образовательная программа, куда огромный вклад вносит Санкт-Петербургский госуниверситет, – сказал Вячеслав Никонов, – или дистанционные онлайн-программы. И бывает приятно в разных регионах земного шара неожиданно услышать, что наша работа не напрасна. Спрашиваешь какого-нибудь американского студента, по какому учебнику он изучает русский, и слышишь в ответ названия изданий, поддержанных нашими грантами. Желаю успехов всем учителям в миссии очень непростой, но исключительно благодатной». ■

Ахматову и Гумилева на голландском. На наши концерты, ярмарки, кукольные представления приходят в основном голландцы – парадокс. Новогодние елки мы проводим не для детей, а для взрослых. Когда мы устраиваем фестиваль с участием руководства ГИРЯП, о нас пишут газеты. Профессионализм – это концентрировать на одной площадке то, чего нет в других местах.

Людмила Барбус, директор лицея «Светоч», руководитель Ассоциации работников славянских учебных заведений, Молдавия:

– В Молдавии нет русской школы. Есть еврейская, украинская, болгарская. Мы работаем в национальной школе с русским языком обучения. В прошлом году мы написали концепцию русской школы в Молдавии, но нам не удалось провести ее через коллегия Министерства просвещения. И вот сегодня, слушая выступающих на пленарном совещании, мы с удовлетворением отметили, что в Москве будут работать над созданием концепции русской школы. Мы все зависим от политического климата в нашей стране. Любое изменение политической ситуации – и исчезнем как таковые. Нужны ли русскоязычные дети за пределами России самой России? Если нужны, то определите, в каком качестве, и окажите конкретную помощь. Если в нас есть заинтересованность, мы как-нибудь выплывем, а если нет – значит, русская школа будет только школой, которая даст русский язык для эмиграции в Россию.

Марина Дробышевская, преподаватель вечерних курсов по подготовке к сдаче экзаменов по русскому языку для старшеклассников, Ирландия:

– В Ирландии сложилась парадоксальная ситуация. Русский язык включен в список экзаменов в выпускных классах, причем за сдачу этого предмета (из шести) ученик может получить очень большие баллы, 150 из 500. Курьез состоит в том, что экзамен есть, а преподавания русского языка нет! Так получилось благодаря Саре Смит, главе кафедры славистики Тринити-Колледжа. Однажды она пришла в Министерство образования и объяснила, что благодаря одному языку можно понять всех эмигрантов из Грузии, Молдавии, Украины, Белоруссии и т.д. Ирландцы изумились и дали большие деньги под проект пропаганды русского языка. Я уже четыре года возглавляю экзаменационную комиссию по русскому языку от Министерства образования, за это время к нам пришли всего два ирландца, остальные – Кати Ивановы, Сережи Петровы... Еще один парадокс состоит в том, что экзамен чрезвычайно сложен, чтобы его сдать, недостаточно дома говорить по-русски, а специализированных школ нет. Дополнительную сложность создает художник, который рисует к экзамену картинки в жутком исполнении – по ним ученику нужно составить историю. Однажды я видела рисунки, на которых человек пришел в театр, а на здании театра отчетливо написано: «Огурцы». Перепутал слова. Так что слушаю я ваши дискуссии об учебниках, методиках, формах школ – и завидую.

«У РУССКИХ И ИСПАНЦЕВ ОДИНАКОВЫЕ КОМПЛЕКСЫ – МЫ ОТТАИВАЕМ ОТ ДИКТАТУРЫ»

ИНОЗЕМНОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ РАФАЭЛЯ ГУЗМАНА ТИРАДО ВЫДАЕТ РАЗВЕ ЧТО БЕЛОЗУБАЯ УЛЫБКА, ДЕЛАЮЩАЯ ЕГО ПОХОЖИМ НА ГОЛЛИВУДСКУЮ ЗВЕЗДУ. ЧЕРЕЗ СЧИТАННЫЕ НЕДЕЛИ ПРОФЕССОР ИЗ ГРАНАДЫ СТАНЕТ ОДНИМ ИЗ ГЛАВНЫХ ЛЮДЕЙ ИСПАНИИ: ОРГАНИЗАЦИЯ МАССЫ МЕРОПРИЯТИЙ СТАРТУЮЩЕГО ГОДА РОССИИ В ИСПАНИИ И ИСПАНИИ В РОССИИ ЛЕЖИТ НА ЕГО ПЛЕЧАХ.

В ПРОЧЕМ, ГОЛЛИВУДСКАЯ УЛЫБКА ОТ ЭТОГО НИКАК НЕ ПОСТРАДАЛА – ЖИЗНЕРАДОСТНОСТЬ У РАФАЭЛЯ ТОЖЕ НЕ РУССКАЯ. «Еще совсем недавно испанцы и русские совсем не знали друг друга, жили, будто на разных планетах, – говорит он. – А сейчас... Сближение налицо. Позавчера, вылетая из Испании, слышу в аэропорту диалог по-русски: «Вова, ты хамон купил?» То есть не окорок, а хамон». У профессора Университета Гранады в арсенале тысяча подобных историй. Для каждой аудитории – свои. Культурно-гастрономический анекдот про хамон был рассказан на IV Ассамблее Русского мира, которая прошла в ноябре. Для корреспондента журнала Рафаэль припас другую: «Русские уже лет пять как не называют мою родную Гранаду ГрЕнадой. Это профессор Преображенский виноват», – заявляет испанец и на чистейшем русском, да еще поддельваясь под интонации Евгения Евстигнеева, поет пару строчек любимой арии Филиппа Филипповича из «Собачьего сердца»: «От Севильи до Гренады в тихом сумраке ночей...».

– Как так вышло, что вы, испанец, заинтересовались Россией и стали изучать русский язык?

– Необычный случай, согласен. Свою карьеру языковеда я начал с изучения английского языка, и это был более естественный путь для испанского юноши. Я даже работал преподавателем английского языка. Но русскую культуру я полюбил

еще в детские годы – как и у многих иностранцев, интерес пришел через классическую литературу. Я зачитывался русскими писателями, естественно, в испанском переводе. А потом, когда стал студентом-филологом, начали потихоньку изучать русский язык как факультатив или хобби. Наверняка это мое увлечение и осталось бы на том же

уровне, если бы мне не посчастливилось получить направление в Москву в аспирантуру. На дворе стоял 1987 год, тяжелое для России время. А когда я покидал страну в 91-м, напряжение еще больше возросло. Но я очень благодарен судьбе за то, что узнал Россию именно в эти годы. Кто еще из испанцев может похвастаться тем, что был свидетелем одного из самых драматичных периодов истории человечества 90-х годов? В Испанию я вернулся филологом-русистом.

– Знаете, есть такой анекдот. У армянского радио спрашивают: «Какое самое редкое имя в Испании?» Следует ответ: «Сергей Петрович». Кому в Испании в начале 90-х был нужен человек, говорящий по-русски?

– И опять-таки стечение обстоятельств. Вскоре после того, как я вернулся, Университет Гранады решил создать славянское отделение. Часть организационных вопросов возложили на меня. И с тех пор я там работаю. Еще недавно я возглавлял это отделение, но сейчас отдал бразды правления другому человеку. Сконцентрировался на научной работе – до прошлого года в Испании не было профессоров по славянской филологии. Сейчас есть. И это ваш покорный слуга.

– Половинка вашей фамилии, Гузман, воспринимается на слух как Гусман. Наверняка многие в России, услышав ее, интересуются – вы не из наших эмигрантов?

– Да, такое частенько бывает. Насколько я знаю, Гусман – известная фамилия в России, здесь есть то ли диктор, то ли ведущий Гусман. Самый популярный вопрос россиян, адресованный мне: «Вы не родственник Юлию Гусману?» А второй по популярности: «Вы армянин или еврей?» И я всем объясняю, что являюсь чистокровным испанцем. По крайней мере, я не знаю о том, что в моей крови есть признаки каких-то других национальностей. Мой отец в молодые годы был пастухом, а после нашей гражданской войны стал полицейским. Мама – учительница. Родители были простые люди, но очень много читали и имели отличную библиотеку. Любовь к чтению пере-

далась и мне. К счастью, у нас дома были и русские писатели.

– Расскажите о своих студентах. Что побуждает молодых испанцев заниматься русским языком?

– Я преподаю русское языкознание на двух отделениях. Филологическое направление переживает явный спад. Как я мог заметить, общаясь с коллегами из разных стран, этот процесс переживают в большинстве вузов Европы. Студентов сегодня мало интересует чистая наука, в изучении языка ради языка они не видят карьерных и финансовых перспектив. Другое дело на переводческом отделении, к которому я также имею отношение, – здесь проблем с набором нет. Конечно, русский язык пока не может конкурировать с английским, немецким и французским, но он с каждым годом привлекает все большее внимание. Студент, поступающий учиться на переводчика, вправе выбрать три языка, на которых он будет специализироваться. Так вот, в прошлом году русским языком пожелали заниматься 35 человек, что очень много для нашего отделения, едва ли не рекорд. Из непрофильных языков больше, чем русское отделение, собрало студентов лишь китайское. Большинство идет на русистику в надежде заняться в будущем туристическим бизнесом – число туристов из России в Гранаде растет не по дням, а по часам. Да и обратная тенденция наблюдается – Россию перестали считать экзотической страной, и на испанца, желающего посетить вашу страну, уже не смотрят как на искателя приключений. Кстати, Год России в Испании мы планируем использовать не только для торжеств, но и для полезных дел. К примеру, среди множества мероприятий, которые я готовлю, есть и большой туристический форум.

– Случалось ли вам выбирать за пределы столицы?

– Да, конечно. Ваша страна такая огромная, что одной жизни мало, чтобы объехать ее целиком. Но я горжусь, что побывал в разных регионах России. К примеру, посетил Сибирь, о чем давно мечтал, – правда, дальше Иркутска пока не заби-

рался. Жалею, что толком не удалось поездить по деревням. Москвичи и провинциалы сильно отличаются. Но эти различия проявились в пару последних десятилетий. К счастью, у меня есть с чем сравнивать. В конце 80-х россияне, как мне кажется, были повсюду одинаковые. Сейчас москвичи приблизились к европейцам по уровню жизни, но при этом в чем-то растеряли традиционное русское добродушие и способность сопереживать ближнему.

– Я знаю, что вы считаете, будто русские и испанцы очень похожи. Поясните – в чем? По моему мнению, эти две нации различаются в главном – темпераменте.

– Да, я согласен с тем, что испанцы в большинстве своем – страстные и эмоциональные, а русские – спокойные и уравновешенные. Но при этом я абсолютно уверен, что испанцу гораздо понятнее далекий русский, чем сосед-француз. Может быть, это потому, что жизнь разбросала нас по краям Европы? Заметьте, между русскими и испанцами никогда не было конфликтов. Мы были участниками одних и тех же войн, но, как правило, были на одной стороне или не входили в прямые сражения. А еще, у нас одинаковые исторические комплексы. И вы, и мы несколько десятилетий оттаиваем от диктатуры. Выдавливаем из себя раба, как говорил Чехов. Я жил при Франко, мне было 17 лет, когда он умер. Россияне, на мой взгляд, преодолевают эти комплексы гораздо успешнее, чем испанцы. Нам есть чему у вас поучиться. На Ассамблее Русского мира я слушал выступления главы фонда Вячеслава Никонова и режиссера Никиты Михалкова со слезами на глазах. Они говорили о патриотизме, о боли за Россию, а мне казалось, что речь идет об Испании. Запомнилась фраза Михалкова: «Ребята, мы прохочем родину». К нам это тоже относится в полной мере. Кроме того, и мы, и вы, как великие народы с великими историей и языком, страдаем от нереализованного имперского комплекса, от которого свободны малые народы. Мне кажется, из-за этого Испанию и Россию не очень

любят в мире, то ли завидуя нам, то ли побаиваясь.

– Вы приезжаете в Россию несколько раз в год. Однако этого мало, чтобы поддерживать знание языка. Где находите русских собеседников?

– Очень помогает телевидение. Я поймал на «тарелке» Первый канал и несколько новостных каналов и ежедневно их просматриваю. А на работе с помощью Интернета постоянно включаю «Русское радио» или «Маяк». И они «играют» фоном несколько часов подряд. И моим студентам, которые занимаются славянскими языками, всегда говорю: когда живешь в нескольких тысячах километров от России, лучшего собеседника и учителя, чем телевизор, быть не может. Я им завидую – у них столько возможностей. Телевидение, Интернет, туристы, постоянно приезжают студенты по обмену. В мое время ничего из этого не было. Помню, в 80-е годы во всей Гранаде жила одна пожилая русская эмигрантка и старик, выросший в России. Он был из тех испанских детей, которых во время войны укрывал СССР. На родину он вернулся в 40 лет и, хотя был генетиком по специальности, преподавал русский язык. Первые слова по-русски я услышал от него.

– Лучшее средство для поддержания языковой формы – русская жена. Сказалось ли ваше увлечение русским языком на личной жизни?

– Про жену, наверное, вы правы, но в таких деликатных материях о пользе дела не думаешь. Только чувства. Моя жена испанка, но дети выросли на треть русскими. С раннего детства помимо испанского языка я говорю с ними по-английски и по-русски. Девочкам сейчас 16 и 18 лет. Они неважно говорят, но отлично понимают русский язык. В сентябре мы проводили в Гранаде конференцию для учителей русского языка, и дочери мне помогали с организацией. До этого они не слишком гордились тем, что знают русский. А тут несколько дней ходили в восторженных чувствах от того, что умные серьезные люди обращаются к ним за помощью, внимают их советам и благодарят. ♣

Беседовал Сергей Виноградов

РУССКИЙ С ШОТЛАНДСКИМ АКЦЕНТОМ

В МИНУВШЕМ ОКТЯБРЕ В ОДНОМ ИЗ СТАРЕЙШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ ТУМАННОГО АЛЬБИОНА – ЭДИНБУРГСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ – ТОРЖЕСТВЕННО ОТКРЫЛСЯ РУССКИЙ ЦЕНТР ИМ. КНЯГИНИ ЕКАТЕРИНЫ ДАШКОВОЙ. ЦЕНТР СТАЛ ВТОРЫМ ПО СЧЕТУ, ОТКРЫТЫМ ФОНДОМ «РУССКИЙ МИР» В ВЕЛИКОБРИТАНИИ.

СОБСТВЕННО, ТОРЖЕСТВЕННОЕ ОТКРЫТИЕ центра должно было состояться еще полгода назад – 19 апреля. Однако тогда, из-за извержения вулкана Эйяфьядлайёкюдль в Исландии, делегация фонда «Русский мир» не смогла прибыть на церемонию.

Знаменитый университет был основан в столице Шотландии указом короля Якова I в 1583 году. Среди знаменитых выпускников заведения числятся Вальтер Скотт, Роберт Льюис Стивенсон, Артур Конан Дойл, Джеймс Мэтью Барри, натуралист Чарльз Дарвин, изобретатель телефона Александер Белл, первооткрыватель «броуновского движения» Роберт Броун, физик и изобретатель калейдоскопа Дэвид Брюстер, создатель электродинамики Джеймс Максвелл и многие другие. Выдающийся русский физик, лауреат Нобелевской премии по физике Игорь Тамм также получил образование

в Эдинбургском университете. Ректорами университета были многие выдающиеся ученые и общественные деятели, среди них – премьер-министр Великобритании сэр Уинстон Черчилль.

Эдинбургский университет поддерживает связи с Россией, уходящие своими корнями вглубь веков, подчеркнул на церемонии открытия Русского центра ректор университета Тимоти Ошиа. Многие его выпускники сыграли видную роль в становлении российской науки. Роберт Эрскин, приглашенный в Санкт-Петербург Петром I в 1704 году, многое сделал для российской медицины, был основателем легендарной Кунсткамеры. Дело, начатое Эрскином, продолжили в XIX веке выпускники университета, работавшие в России, в числе которых президент Российской медико-хирургической академии, главный медик российской армии в 1812 году, участник Бородинской битвы, издатель первого русского медицинского журнала, лейб-хирург трех русских императоров Яков Виллие. И сегодня Эдинбургский университет, подчеркнул Тимоти Ошиа, поддерживает тесные связи с университетами Москвы и Санкт-Петербурга, Российской академией наук. В Эдинбургском университете на различных факультетах учится немало студентов из России. Почетной научной степени Эдинбургского университета удостоен Дмитрий Медведев.

В свою очередь, исполнительный директор фонда «Русский мир» Вячеслав Никонов отметил, что считает символичным, что центр носит имя Екатерины Дашковой, выдающегося просветителя и ученого своего времени, создателя и первого президента Российской академии наук, сподвижницы Екатерины Великой.

Путешествуя по Германии, Франции, Англии, княгиня Дашкова познакомилась со многими выдающимися учеными и философами своего времени. Дашкова хотела, чтобы ее сын Павел получил лучшее европейское образование, и она выбрала для него Эдинбургский университет. С 1776 по 1779 год, пока ее сын проходил обучение, Дашкова жила в Эдинбурге в королевском дворце Холируд. Ее салон, который посещали многие выдающиеся ученые, общественные деятели, литераторы и музыканты, считался самым популярным у интеллектуальной элиты города. Она дружила со многими выдающимися профессорами Эдинбургского университета. «Здесь людей оценивают по их личным достоинствам, уму и талантам. Высоко ценятся образование и успехи в науках, неуча в приличный дом и на порог не пустят. К русским шотландцы имеют благорасположение, равно как и нам беседы с ними приятны и пользу приносят», – писала Дашкова в одном из писем.

«Я желаю успехов Русскому центру, – сказал Вячеслав Никонов. – Сегодня все больше людей во всем мире говорят по-русски. Границы Русского мира расширяются. Русский центр даст возможность студентам многих стран, обучающимся в Эдинбургском университете, усовершенствовать свое знание русского языка и больше узнать о нашей стране».

Преподавание русского языка в университете традиционно держится на высоком уровне, рассказала руководитель Русского центра Эдинбургского университета Лара Рузанова-Кларк. «Мы, русисты Эдинбургского университета, считаем себя во многом продолжателями дела княгини Дашковой. Можно сказать,

что княгиня Дашкова была первой профессиональной русисткой, – пояснила Лара Рузанова-Кларк. – По ее инициативе и под ее редакцией вышел первый словарь русского языка в шести томах. Кафедра русистики Эдинбургского университета готовит специалистов различных специальностей: преподавателей русского языка как иностранного, а также обучает по схеме «специальность + русский язык» политологов, философов, филологов, историков искусства и т.д. Специалисты, в совершенстве владеющие русским языком, становятся все более востребованными в Европе. И знание русского языка сегодня серьезное конкурентное преимущество».

«У Эдинбургского университета особый статус, так как его канцлером является герцог Эдинбургский Филипп, супруг королевы Великобритании Елизаветы II, – отметил директор европейских программ фонда «Русский мир» Алексей Громыко. – В университете на центр возлагают большие надежды как на научно-образовательную структуру, которая будет оказывать действенную помощь в развитии русистики. Интерес к русскому языку в Шотландии возрастает, и следующим шагом в поддержке программ его изучения, как планируется фондом «Русский мир», станет открытие Русского центра в Глазго».

По окончании церемонии открытия Русского центра Вячеслав Никонов прочитал лекцию профессорам, преподавателям и студентам Эдинбургского университета, посвященную актуальным вопросам мировой политики и экономики, после которой ответил на многочисленные вопросы. ■

Ольга Горкина

БЕРЕГ НЕДАЛЕК

**ВЫШЕЛ ТРЕХТОМНЫЙ
СБОРНИК СТИХОТВОРЕНИЙ
СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА
«ЗОЛОТЫЕ, ДАЛЕКИЕ
ДАЛИ!» С ПЕРЕВОДАМИ
НА АНГЛИЙСКИЙ
И ФРАНЦУЗСКИЙ.**

В КОНЦЕ ОКТЯБРЯ В РОССИИ вышел новый билингвальный сборник стихотворений Сергея Есенина, «Золотые, далекие дали!». Первый том – на русском языке, второй – на русском и английском, третий – на русском и французском. В книгу вошли самые популярные, уже переведенные стихотворения в хронологическом порядке. Получилась краткая, «карманная» антология творчества, заканчивающаяся последним стихотворением, «До свиданья, мой друг, до свиданья...», которое Есенин написал кровью в гостинице «Англетер». Издателем выступил Московский государственный музей С.А. Есенина при грантовой поддержке фонда «Русский мир». «Книги рассчитаны на всех, кто изучает русский язык и русскую культуру, – говорит Светлана Шетракова, директор музея. – Мы предполагаем, что сначала наш читатель изучит том, где стихотворения напечатаны на русском и иностранном языке, а затем возьмется за первый – на русском».

Читатели смогут найти трехтомник только в библиотеках и Русских центрах за рубежом, поэтому тираж издания небольшой – 800 русско-английских, 300 русско-французских, 1000 русских томов.

Надо заметить, Сергей Есенин продолжает оставаться одним из самых читаемых русских поэтов. Любопытно, что в уличных опросах, проводимых в России на тему самых известных стихотворений Пушкина, одну из верхних строчек стабильно занимает... есенинское «Письмо матери» («Ты жива еще, моя старушка?..»).

Оформление «Золотых, далеких далей» спокойно и вдумчиво. По страницам непрерывной дорогой бегут древнерусские узоры, имитирующие традиционное расшитое полотенце – рушник. Знатоков творчества Есенина они отсылают к «Ключам Марии»: «Орнамент – это музыка. Ряды его линий в чудеснейших и весьма тонких распределениях похожи на мелодию какой-то одной вечной песни перед мирозданием. Его образы и фигуры – какое-то одно непрерывное богослужение живущих во всякий час и на всяком месте. Но никто так прекрасно не слился с ним, вкладывая в него всю

жизнь, все сердце и весь разум, как наша древняя Русь, где почти каждая вещь через каждый свой звук говорит нам знаками о том, что здесь мы только в пути, что здесь мы только «избяной обоз», что где-то вдали, подолгом наших мускульных ощущений, поет нам райская сирена и что за шквалом наших земных событий недалек уже берег». Эпическое содержание приобретают и иллюстрации книги – фотографии типично русских пейзажей, выполненные в шишкинской манере.

Есенин и Гагарин

Насколько консервативно оформлен трехтомник, настолько нетипично прошла презентация этого издания. В конце октября в новом здании Московского государственного музея С.А. Есенина в Чернышевском переулке собрались столичные любители и почитатели творчества поэта, где их ждал сюрприз – новая передвижная экспозиция «О Русь, взмахни крылами...», созданная специально в преддверии 50-летнего юбилея первого полета человека в космос. Авторы выставки нашли взаимосвязь между Сергеем Есениным и Юрием Гагариным. Есенин трактовался неожиданно: как предвестник космической эпохи, поэт космического масштаба (в самом широком смысле слова) и как автор стихотворений, которые любили практически все советские космонавты.

Портретные фотографии Есенина и Гагарина повесили друг напротив друга, но их взгляды не встретились. С потолка свешивались прозрачные шары, в которых лежали томики стихов, и стилизованные космические спутники, к которым прикрепили листы рукописей. На стенах была изображена земная орбита, украшенная фотографиями космонавтов, а главным экспонатом стал гагаринский автограф: «Я люблю стихи Есенина и уважаю его как человека, любящего родину-мать». Большой жидкокристаллический монитор беззвучно показывал исторические кадры освоения космоса – Гагарин, вернувшийся из космоса, машет рукой из «чай-

История билингвальных сборников Сергея Есенина не закончится на «Золотых, далеких далях». На очереди – русско-китайский, русско-немецкий и русско-испанский варианты. Издатели надеются на дальнейшую поддержку фонда «Русский мир», хотя готовы вкладывать в это и собственные средства. Немаловажен и приобретенный опыт, новый трехтомник дался музейщикам непросто. «Золотые, далекие дали!» рождались с трудом, – говорит Александра Шетракова, заведующая экспозиционно-выставочным отделом музея. – Пришлось даже менять издательство по не зависящим от нас обстоятельствам. Но трудности позади, мы выпустили книгу и намеренно

ки» миллионам смеющихся людей на улицах, женщины бросают цветы и плачут от счастья...

А в это время под живую фортепианную музыку читали и даже пели стихи Есенина на английском и французском.

Особенно удивительно было слышать французский вариант. Как возможно перевести хорей на язык с ударением на последнем слоге? «Потихонечку, – коротко ответил на вопрос переводчик Генри Абрил. – Во Франции уже целый век поэзию переводят дословно, обычным подстрочником. В последние 15–20 лет энтузиасты приложили много усилий, чтобы иностранные стихи зазвучали по-французски с передачей ритмики, рифмы и так далее. Сложностей много – не только силлабика, наш язык еще очень «длинный». Генри Абрил известен своими переводами на французский стихотворений Анны Ахматовой, Бориса Пастернака и, главное, четырех томов Осипа Мандельштама. «Есенина мне было переводить сложнее всего, – сказал француз. – Именно из-за этой кажущейся простоты его стихов. Сначала четыре года назад я издал антологию Есенина, читал его по радио и только четыре года назад взялся за стихи. Во Франции Есенин практически неизвестен, надеюсь, теперь все изменится». В сборник также вошли французские переводы Кристины Зайтунян-Белоус и английские – Петера Темпеста.

провели ее презентацию в обстановке космической выставки, чтобы показать, что стихи Сергея Есенина не надо примитивизировать, ставить около березки. Над его загадкой будет биться не одно поколение исследователей.

Книги можно будет найти в библиотеках в начале 2011 года, однако у них уже появились первые зарубежные читатели. Светлана Шетракова недавно ездила в Китай на генеральную конференцию ICOM (международная организация музейных работников), где дарила новые сборники участникам.

«Литератор из Сеула зачиталась Есениным прямо в конференц-зале перед своим выступлением, – вспоминает Светлана. – И когда вышла делать доклад, сказала со слезами на глазах: «Потрясающие стихи, потрясающий перевод!»

А вот новое здание Московского государственного музея С.А. Есенина еще не скоро откроет двери для широкой публики. Раньше экспонаты ютились в крошечных комнатках дома, где когда-то жил поэт, места не хватало, условия оставляли желать лучшего, многое хранилось в запасниках. Теперь фотографии, рукописи, книги и личные вещи Сергея Есенина из фондов переедут в центр столицы – оба музея, старый и новый, будут работать одновременно, но только после капитального ремонта нового просторного помещения. ●

Оксана Прилепина

Михаил Быков

ВОЙНА – ИМЯ СОБСТВЕННОЕ

МОСКВА ДАВНЕНЬКО УЖЕ ВЫБРАЛАСЬ ЗА ОПРЕДЕЛЕННУЮ ЕЙ ГРАНИЦУ – КОЛЬЦЕВУЮ АВТОДОРОГУ. ЕСЛИ ОТМЕРИТЬ КИЛОМЕТРОВ 6–7 СТРОГО НА ВОСТОК ОТ НОВОКОСИНО, ОДНОГО ИЗ ПЕРВЫХ СПАЛЬНЫХ РАЙОНОВ, ПОСТРОЕННЫХ ЗА ПРЕДЕЛАМИ МКАД, НАТКНЕТСЯ НА ПОСЕЛОК ФЕНИНО. В НЕМ – ИЗУМИТЕЛЬНОЙ КРАСОТЫ ЦЕРКОВЬ XVIII ВЕКА, НАСТОЯЩЕЕ ЕКАТЕРИНИНСКОЕ БАРОККО. РЯДОМ С ХРАМОМ – СКЛЕП И РУИНЫ БОЛЬШОГО ДВОРЦА. ЭТО – КАЙНАРДЖИ.

НЕПОСВЯЩЕННЫЕ, УСЛЫШАВ название бывшего поместья, могут подумать, что когда-то тут жили турки или какие другие мусульмане. На самом деле название дворцу и храму при нем дал граф Петр Александрович Румянцев. Поместье Троицкое он приобрел в 1760 году у Голицыных, а в 70-е годы затеял большое строительство. Тогда-то и появились каменный храм, барский дом, хозяйственные постройки, внушительные въездные ворота. Румянцев знал, зачем строил. В 1775 году в Троицкое-Кайнарджи прибыла императрица Екатерина Великая со всем двором – чествовать своего вельможу и полководца за одержанные им победы. А турки... Турки к усадьбе имеют самое прямое отношение. Больше скажу, не было бы турок, не было бы, вероятно, и самой отстроенной усадьбы. И славы у графа Румянцева-Задунайского оказалось бы меньше. И, возможно, фельдмаршалским жезлом царица его не пожаловала бы. Род дворян Румянцевых из Костромской губернии. Старинный, но незнатный и небогатый. Отец будущего великого русского полководца, Алек-

сандр Иванович, сделал карьеру при Петре I. По примеру тысяч других юных дворян поступил в военную службу, в лейб-гвардии Преображенский полк. Дослужился бы до полковничьих чинов или стигнул бы в болотах Ингерманландии в Северную войну, но в один замечательный день судьба свела его с государем. Александр Румянцев стоял в карауле, когда проходивший мимо Петр решил вдруг задать два-три вопроса молодому солдату. Ответы понравились. И преображенец тут же угодил в денщики к государю. Сметкой и смелостью новый денщик все больше нравился Петру Алексеевичу, а кончилось дело тем, что к концу своей жизни царь превратил бывшего солдата в генерал-майора и женил его на графине Марии Матвеевой – невесте знатной, богатой, внучке того самого боярина Артамона Сергеевича Матвеева, что был при царе Феодоре Алексеевиче, как сказали бы сейчас, премьер-министром. Когда сводная сестра малолетнего Петра, царевна Софья, решила взять власть на Москве, боярина Матвеева зарубили взбунтовавшиеся в пользу царевны стрельцы. Видать, Александр Румянцев служил рьяно, честно и толково, раз после

смерти первого русского императора не попал в безвозвратную опалу и не сторел в интригах. Сослали ненадолго в деревню – вот и все наказание. Другим петровским любимцам пришлось куда хуже. Императрица Анна Иоанновна произвела Румянцева в полные генералы, императрица Елизавета Петровна использовала по большей части на дипломатической службе. В 1743 году Румянцев заключил удачный мирный договор со Швецией, за что и был возведен в графское достоинство.

Розги для полковника

В ночь с 4 на 5 января 1725 года у Александра Румянцева родился сын. Назвали Петром. То ли в честь императора, то ли... Среди биографов Румянцева-Задунайского бродит версия, что его отцом был не кто иной, как сам Петр I. Документальных доказательств не приводится, все больше ссылки на известный интерес царя к Марии Андреевне, не прекратившийся и после ее свадьбы с Александром Ивановичем, на некоторое внешнее сходство с государем. Да на то, что за 9 месяцев до появления на свет Петра Александровича отец его был в очередной заграникомандиров-

Граф Петр
Румянцев-
Задунайский

предоставлено м. золотаревым

ке. Негоже пересказывать сплетни, даже исторического свойства. Но сказать об этом надобно, чтобы понятны стали аргументы Виктора Петелина, современного биографа Румянцева-Задунайского, убеждающего с их помощью в ложности вброшенной еще в середине XIX века гипотезы. Петелин нашел письменные свидетельства тому, что в нужное время, весной 1724 года, Александр Румянцев находился в Москве, в собственном доме, с женой.

Отец будущего фельдмаршала и вправду постоянно путешествовал по Европам и Ближневосточной Порте с царскими поручениями, но стоило ему прибыть домой на короткий отдых, как спустя положенный срок появлялись дети: Петр, Екатерина, Прасковья...

Петр рос хулиганом. Считается, что время бретеров в Петербурге наступило позже, в начале XIX века. Однако по неистовству в забавах и храбрости Румянцев-младший вполне мог поспорить с Дороховым, Луниным, графом Толстым, Американцем, Кавериным, Якубовичем, князем Гагариным по кличке Адамова Голова – лучшими задирами блестящего Александрова века. Мог в голландском строю солдат под окнами дома, в котором проживала его очередная дама сердца вместе с ревнивым мужем. Мог предложить выплату штрафа супругу за право вызвать его жену на свидание. Громадный рост и недюжинная физическая сила позволяли надеяться на успеш-

ный исход любых спровоцированных конфликтов. О проделках Петра Румянцева знал весь императорский двор. Знала и императрица Елизавета Петровна. Но молодцы в ту пору были в цене. И выходки недоучившегося в Берлине и Сухопутном шляхетном корпусе (с 1800 года – Первый кадетский корпус) юного армейского капитана терпели.

Впервые на войну Румянцев угодил в 1741 году, супротив Швеции. Сражались на территории Финляндии, и капитана отметили за доблесть при взятии Гельсингфорса (ныне – Хельсинки). А в 1743-м царица лично произвела его в полковники. Все «боевые заслуги» Румянцева состояли в том, что он доставил в столицу подписанные отцом бумаги, свидетельствующие о заключении со Швецией Абоского мира. Дабы утихомирить новоиспеченного полковника, Елизавета отправила его к отцу с наказом последнему – привести парня в чувство.

Александр Иванович Румянцев [1680–1749], военный деятель и дипломат, сподвижник Петра I, отец генерал-фельдмаршала Румянцева-Задунайского. Портрет написан В. Боровиковским в 1811 году

Полковник предстал перед отцом-генералом, а тот слушать ничего не стал и велел принести розги. Сын попытался объяснить, что полковников пороть негоже. На что отец резонно возразил: «Уважаю мундир твой, но ему ничего не сделается, а я буду наказывать не полковника». Сказал – и выпорол! Было тогда полковнику Петру Румянцеву восемнадцать лет.

Кто теперь объяснит, помогли именно розги или что другое, но Румянцев-младший взялся за ум. Дебоши прекратил, пошла-поехала рутинная армейская служба. До первой большой славы оставалось 14 годков. Пока же – командовал Воронежским пехотным полком, занимался реорганизацией гренадерских полков и кирасирской кавалерии.

Правда, в 1748 году Румянцев принял участие в походе князя Репнина во Франконию (северная часть Баварии), но сам поход превратился исключительно в демонстрацию силы. Применять ее не понадобилось.

Мария Андреевна Румянцева, урожденная Матвеева (1699–1788), мать генерал-фельдмаршала Румянцева-Задунайского

Кто на новенького?

Большая война грянула в 1756 году. Позже она получила название Семилетней. Будучи командиром кавалерийской бригады, Румянцев взял Тильзит. В 1757 году он уже командует бригадой пехоты, в которую входили сводный Гренадерский, Троицкий, Воронежский и Новгородский полки. Солдаты этих полков и решили исход одной из главных битв Семилетней войны – при деревушке Гросс-Егерсдорф в Восточной Пруссии.

В середине XVIII века в Европе превозносили военный гений прусского короля Фридриха II. Он и правда был незаурядным полководцем, но неважным политиком. Агрессивное поведение Пруссии в Европе вызвало естественную ответную реакцию. Возникла коалиция, объединившая силы Франции, Австрии, Швеции, Саксонии и России. По самым скромным подсчетам, превосходство союзников в военной силе составляло 5 к 1. Но верящий в собственный военный талант, в хитроумие стоявшей за его спиной Британии и извечное стремление

Турции укунить либо Австрию, либо Россию, а лучше обеих сразу, Фридрих развязал войну, из которой еле выбрался живым и в переносном, и в прямом смысле.

Узнав о том, что к коалиции примкнула Российская империя, прусский король обронил: «Русские толпы варваров; им ли сражаться с пруссаками!» Генерал Кейт, присутствовавший при этом, мрачно ответил: «Дай Бог, чтобы Ваше Величество не переменили вашего мнения». Кейт беспокоился не без оснований: ранее он служил в русской армии и знал, каков тамошний солдат.

Солдаты России на самом деле сохранили дух и воинское мастерство, отточенное прежним поколением во время Северной войны. Хуже обстояло дело с командующими. И, как следствие, с новыми подходами к военному ремеслу.

При Гросс-Егерсдорфе 31-летний генерал-майор Румянцев спас по-

ложение как раз благодаря новым тактическим приемам, которые он рискнул использовать вопреки существовавшим и изрядно устаревшим правилам боя. Не исключено, что именно это сражение – момент рождения военного таланта Румянцева, на который в течение следующих 50 лет смотрели все полководцы Европы. В том числе Суворов, Кутузов, Евгений Савойский, Наполеон.

Доселе воевали как? В линейном строю. Пехота сомкнутыми рядами выдвигалась на огневую позицию и делала несколько залпов. Если противник, проделавший то же самое, дрогнул, в ход шла кавалерия, которой вменялось гнать врага, что называется, в обозы. Артиллерия при этом жила своей жизнью. Петр Румянцев сломал стереотипы. Он первым начал атаковать с ходу, нападать колоннами и обороняться компактными каре, в полной мере используя штыковой бой. Это там, под Гросс-Егерсдорфом, его пехота, едва успев сделать один залп, ударила в штыки. И дисциплинированные прусса-

Война продолжалась. Фридрих бил австрийцев. Русские били Фридриха. Произошли еще два крупных сражения между нашей и прусской армиями – под Цорндорфом и Кунерсдорфом. Во втором случае дивизия Румянцева приняла на себя лобовой удар тяжелой кавалерии противника под командованием фон Зейдлица, любимого генерала Фридриха Великого. Встречный штыковым удар опрокинул пруссаков, и вся их армия побежала. С Фридрихом, бежавшим вместе с армией, случился курьез. В суматохе он потерял треуголку. И, похоже, вместе с треуголкой – веру в окончательный успех. А треуголку «взяли в плен». Она до сих пор хранится в Эрмитаже.

За этот бой Румянцев получил орден Александра Невского, награду довольно редкую. О молодом генерале заговорили не только в армии и при дворе, но и в народе.

Окончательно Петр Александрович утвердился в числе лучших военачальников царицы Елизаветы в 1761 году. Он уже командовал корпусом и

Гравюра П. Хааса. Бегство Фридриха II от русских казаков во время Кунерсдорфского сражения 1 августа 1759 года. 1793

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ки побежали! Румянцев, как никто ранее, понял, какое значение имеет координация действий пехоты, кавалерии и артиллерии на поле боя. Это он разломал тонкие стрелковые цепи и рассыпал их на свободных в выборе цели и времени стрельбы егерей. Да, егеря – под Егерсдорфом! Такое вот любопытное совпадение.

получил приказ взять сильную береговую крепость Кольберг (ныне – Колобжег, Польша) на Балтике. И тут Румянцев проявил норы. Командующий русской армией фельдмаршал Бутурлин засомневался было в успехе. Наступала зима, войска утомлены, крепость защищена мощным гарнизоном – к чему рисковать и

С. Торелли.
Аллегория на победу
Екатерины II над
турками и татарами.
1772 год. Фрагмент

В 1764 году царица мягко удалила «табуретку» из-под главного фаворита Елизаветы Петровны – гетмана Малороссии графа Разумовского. Граф остался. А гетманство упразднили. Но управлять обширной территорией на юге державы все равно требовалось. Начальником над Малороссийской коллегией поставили Румянцева. Рекорд графа Петра Александровича по части долгожительства на министерском посту если и побил кто в России с тех пор, то единицы. 30 лет он руководил Украиной.

Долго править миром не удалось. Вновь позвала война. В 1768 году очередные трения с Блистательной Портой привели Румянцева к походу в Валахию. Он методично освобождал тамошние городки от турецких гарнизонов, но в 1770 году начались дела серьезнее.

И раньше, и позже – всегда было ясно: кто держит под контролем берега Дуная, тот и хозяин этих мест. Тогда турки сидели по обоим берегам. Требовалось добиться хотя бы паритета – убрать их с левого берега. В течение одной кампании Румянцев побил турок многократно: у кургана Рябая Могила, на речках Ларге и Кагуле, при взятии Измаила и Бухареста. И как побил! Сегодня битва на Кагуле выпала из ряда наиболее значительных сражений, в которых участвовала Россия. Несправедливо выпала. Стоит Кагульский обелиск в Екатерининском парке Царского Села. Восстановлен в 2002 году на средства московского правительства и заново открыт обелиск в молдавском городке Вулканешты. Вот и вся наглядная агитация. А ведь на Кагуле турецкий Халиль-паша собрал до 150 тысяч солдат. Рядом болталось от 80 до 100 тысяч крымско-татарской конницы. Это примерно в два раза больше численности Великой армии Наполеона на Бородинском поле. Но если Кутузов мог противопоставить примерно такое же количество воинов, то у Румянцева под рукой находилось... 32 тысячи человек. По другим источникам – 38 тысяч. Но разве это принципиальная разница? Куда важнее то, что участие в сражении приняли всего-то 17 тысяч русских солдат и офицеров!

ставить под удар репутацию? Румянцев и не подумал выполнить приказ об отступлении. Оставалось одно – взять Кольберг. Что он и сделал. Опираясь на собственные новации в боевой тактике. Впоследствии военный историк Масловский писал: «Новые начала, установленные им (Румянцевым. – Прим. авт.) под Кольбергом, были исходными для развития при Екатерине II основ русского военного искусства, установленных Петром Великим».

Итог Семилетней войны для России подвел «умница» Петр III, едва успев занять престол после смерти Елизаветы Петровны. Русский корпус генерала Тотлебена уже успел взять Берлин осенью 1760 года, Фридрих думал только о том, как бы бесстрашно погибнуть в сражении и избавиться от позора. Но восторженный поклонник военных талантов прусского короля Петр боевые действия прекратил, результаты войны дезавуировал, от обязательств перед союзниками отказался. Хуже того, предложил помощь Фридриху и направил русские полки на соединение с прусскими войсками. Теперь

вчерашние враги должны были сражаться бок о бок.

Тем удивительнее, что Петр благоволил к главному разрушителю имиджа непобедимого полководца, которым так дорожил Фридрих Прусский. Румянцева наградили высшим орденом империи – Андрея Первозванного, первой степенью ордена Св. Анны, чином генерал-аншефа.

Вот – Днепр, вот – Дунай

Петр правил недолго. Гвардия возвела на трон его супругу Екатерину Алексеевну. Даром что ее отца звали Христианом. Кстати, интересная деталь: практически всех русских царей и императоров называли по имени-отчеству помимо официального титулования. А вот Екатерина – либо Вторая, либо Великая.

Румянцев присягать не спешил. И этого не скрывал. Только после того, как стало известно о смерти Петра III, генерал дал присягу на верность императрице. Екатерину не зря считают мудрой женщиной. Она не обиделась, не стала мстить. Она оценила умение быть верным и лишь приблизила Румянцева к себе.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Турки были разбиты наголову. Потеряв во время боя и при преследовании до 20 тысяч убитыми и пленными, армия Халиль-паши растворилась на правом берегу Дуная. Общие потери русских составили до полутора тысяч. Не менее удивительно и то, что 45-летний генерал-аншеф лично остановил солдат из трех отступающих под натиском янычар пехотных полков. После чего пришедшие в себя гренадеры, муромцы и бутырцы бросились в контратаку.

В 1769 году Екатерина II учредила высший военный орден России – Св. Георгия Победоносца. По статуту орден имел четыре степени. Первый орден Св. Георгия первой степени государыня возложила на себя в день его учреждения. Вторым обладателем первой степени в истории стал граф Петр Александрович Румянцев! А если разбираться по сути, то – первым. Орден самой Екатерины – это исключение из правила, ею же и созданного. Потому как правило гласит: орден Св. Георгия вручается только за воинские подвиги. Кроме того, Румянцев – единственный кавалер ордена, коему первая степень была вручена сразу, без последовательного награждения нижними степенями.

Опасаясь, что в Молдавии не найдется достойной златошвеи, способной в точности воспроизвести рисунок орденской звезды и украсить им мундир награжденного, Екатерина отравила Румянцеву с фельдбергером свою кованую георгиевскую звезду с запиской: «Какую я сама ношу».

Этой награды генерал-аншеф удостоился за битву при Ларге. За победу при Кагуле он получил жезл фельдмаршала. И право в случае необходимости поступать по собствен-

Проект главного дома усадьбы Троицкое-Кайнарджи. Чертеж неизвестного архитектора

Церковь Троицы «Кайнарджи»

ному усмотрению, не спрашивая монаршего согласия.

И еще. Та война получила название «Румянцевская». Более в богатой на военные приключения истории Отечества войн, названных по имени ее победителя, не найти. Разве что суворовские походы.

Обряд служб

Не знаю, спрашивал ли Румянцев монаршего согласия на подготовку нового полевого устава для русской армии, но работу такую он сделал. В том же 1770 году. И назвал ее «Обряд служб». Судя по тексту, фельдмаршал писать собственно устав не собирался. Это, скорее, свод правил воспитания солдата и приемов ведения боя. Но вышло так, что труд превратился пусть в неофициальный, но основополагающий документ, по которому и жила русская армия вплоть до военных «реформ» Павла I. Вкупе с суворовской «Наукой побеждать».

Раз уж вспомнился Павел Петрович, то к месту будет сказать о довольно близком знакомстве наследника и фельдмаршала, которое они свели в 1776 году благодаря Екатерине Великой. Царица приняла очередное мудрое решение: отправить в Берлин по случаю бракосочетания цесаревича

с принцессой Вюртембергской и Румянцева. Уверен, прицел был такой: за долгие дни путешествия великий полководец сумеет повлиять на представления Павла об устройстве армии. Но с этой задачей великий полководец, видимо, не справился. Или – не посчитал нужным сие делать.

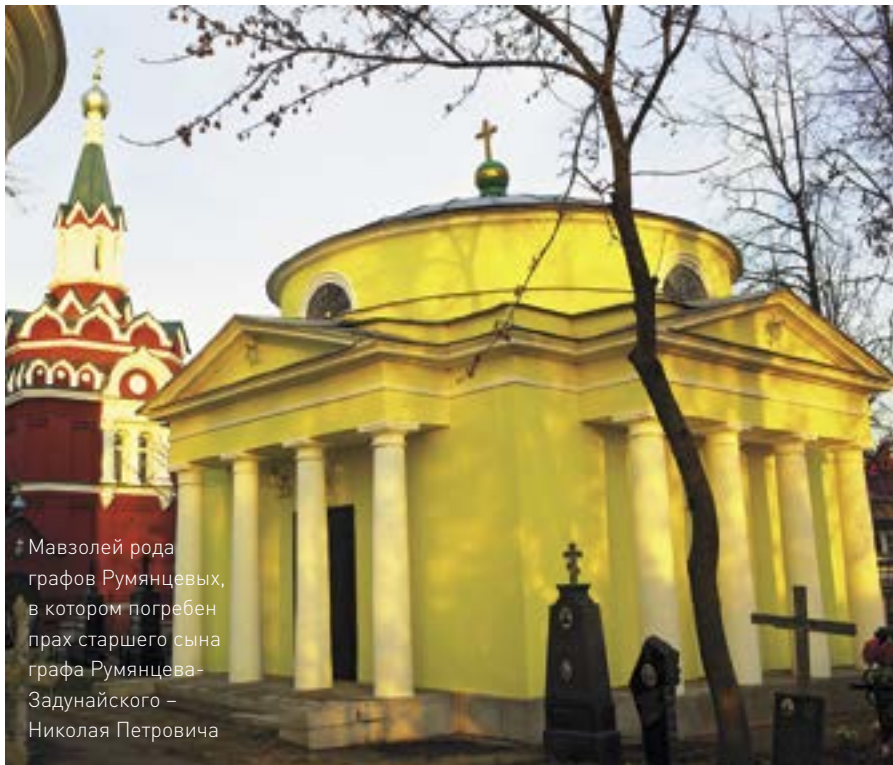
В Берлине постаревший Фридрих Великий принял Румянцева, наградил высшим орденом Пруссии – Черного орла – и приказал своему генштабу в полном составе явиться к русскому фельдмаршалу и оказать ему высшие почести. Сдается, это не было данью формальному протоколу. Но, даже несмотря на столь очевидное уважение Фридриха к Румянцеву, будущий русский самодержец остался верен прусской военной системе. За что во многом и поплатился жизнью спустя четверть века.

Визит в Берлин случился после того, как Османская Порта подписала с Российской империей мирный Кучук-Кайнарджийский договор. Тут-то и кроется секрет столь странного названия поместья в десятке километров от сердца России.

Екатерина уже не знала, чем награждать своего лучшего фельдмаршала. Он получил почетную приставку к фамилии – «Задунайский», алмазные

АНТОН БЕРКАСОВ

Мавзолей рода графов Румянцевых, в котором погребен прах старшего сына графа Румянцева-Задунайского – Николая Петровича

АНТОН БЕРКАСОВ

знаки на орден Андрея Первозванного, бриллианты на шпагу и маршальский жезл, алмазные же лавровый венок и масличную ветвь. По возвращении с фронта императрица распорядилась было поставить в Москве триумфальную арку для встречи Румянцева, но тут вмешался сам герой. И вежливо отказался от такой возможности, сославшись на недомогание. Эти ссылки на нездоровье вскоре войдут у Румянцева в привычку. Хотя современники описывали его так: высокий, стройный, величественный, с привлекательной физиономией, чуждой притворства, спокойный. Отличался отменной памятью, никогда не знал болезней и даже на семидесятом году жизни мог проехать верхом до 50 верст в день. Недомогания, похоже, имели иной характер. Румянцев тосковал и завидовал. Над Россией поднималась звезда нового героя и личного любимца государыни – Григория Потемкина.

Тот талантами на полях сражений не отличался. И, надо отдать ему должное, на это не претендовал. Охотно признавал боевые заслуги Суворова, поддерживал адмирала Ушакова. Потемкин не мог согласиться с другим: что кто-то помимо него будет –

нет, не командовать – управлять армией! И прилагал все усилия, чтобы этим кем-то не оставался единственный его конкурент по означенной части – граф Румянцев-Задунайский. У Потемкина получилось. Графа по-прежнему чествовали, одному из первых прислали только учрежденный орден Св. Владимира первой степени, пожаловали подполковником гвардии, но в Русско-турецкую войну 1787–1791 годов сохранили за Петром Александровичем сугубо формальное право командовать армией, отдав всю действительную власть Григорию Александровичу. При следующем военном конфликте, в Польше, Задунайский сам тактично устранился от прямого командования силами по наведению порядка во взбунтовавшейся части империи. Вся практика досталась на долю генерала Суворова. Румянцев же продолжал управлять Малороссией. И жил в Киеве. Там он в последний раз увидел Екатерину Великую, когда императрица в 1787 году предприняла знаменитое путешествие в Тавриду, пожелав осмотреть новые территориальные приобретения. Пожалуй, последняя оказанная Румянцеву почесть, на которую у царицы хватило фантазии, датируется

1795 годом. Вернее, комплекс почестей. Графу подарили очередное количество деревень, дом в Петербурге и почетную грамоту. А также государыня велела перед новым графским домом у Летнего сада поставить обелиск с надписью «Победам Румянцева» и сидящей на самом вершине отлитой из металла совы, символом мудрости. Сейчас этот обелиск находится на Васильевском острове у здания бывшего Первого кадетского корпуса, куда по приказу Александра I был перенесен в связи с реконструкцией Марсова поля.

После памятной порки розгами Румянцев остепенился сразу. До последних дней слыл за достойного семьянина, был женат на княжне Голицыной. Родил трех сыновей – Николая, Сергея и Михаила. Младший умер молодым, а вот Николай и Сергей прожили большие и удачные жизни. Сергей ушел из жизни последним из братьев и последним из славного русского рода Румянцевых. Детей у братьев не было, и род пресекался.

Николай известен как меценат и коллекционер. Это его частное собрание легло в основу знаменитого Румянцевского музея, открытого в Петербурге, а затем переехавшего в великолепный дом Пашкова напротив Боровицкой башни Кремля. Это он, Николай, похоронен в семейном склепе, в 10 верстах от Москвы, в бывшем имении со странным названием Троицкое-Кайнарджи.

Сам же граф Петр Александрович Румянцев-Задунайский, фельдмаршал и георгиевский кавалер, закончил земной путь через месяц после того, как узнал о смерти боготворимой им Екатерины Великой. Случилось это 19 декабря 1796 года. Ровно 214 лет назад великого и почти забытого ныне полководца похоронили согласно завещанию в Киево-Печерской лавре.

9 января 1797 года, почти что в день рождения Петра Александровича, его сын Николай получил письмо. В нем, в частности, говорилось: «Ваше сиятельство потеряли отца, а Отечество – героя! Я ж, равно Вам, в нем отца теряю, память милостей его останется во мне до моего издыхания... Покорнейший слуга граф Александр Суворов-Рымникский». ❀

Александр Копировский

ДОРОГА К ХРАМУ

Храмовое искусство Руси и России

НО НЕ СОТВОРИ СЕБЕ КУМИРА
ИЗ ОБМЕРОВ ИХ, ИСКУССТВОВЕД.
МЕРА ИХ ЗЕМНАЯ НЕ ОТ МИРА
ЗДЕШНЕГО – В НИХ ТОТ И ЭТОТ СВЕТ.
ОТТОГО И В КАМНЕ НЕ КОСНЕЮТ,
И ПОЧТИ ПРОЗРАЧНЫ, КАК ВОДА –
ПОГРАНИЧНА ВСЯКА ИХ ЧЕРТА,
ТА ЧЕРТА, ПОСЛЕДНЯЯ – ЗА НЕЮ,
ЧТО ЗА НЕЙ, СКАЖИ РАДИ ХРИСТА.

А. ВЕЛИЧАНСКИЙ (1982–1983)

ЭПИГРАФ ОТЧАСТИ ОТНОСИТСЯ и к первой статье (см. «Русский мир.ru» №11, с. 48) о храме Покрова на Нерли. В ней мы занимались в основном именно его «обмерами»: поражающей пропорциональностью, высотой, расположением на холме, как оказалось, специально для него по-

строенном, вообще – реконструкцией его первоначального вида. Мы увидели, что изменилось очень многое, особенно в верхней части храма. Обнаружилось, что у него были внушительные галереи, расширявшие нижнюю часть на 2,5 метра с трех сторон (кроме алтарной части). Что его купол был значитель-

но меньше и что даже крест на куполе был не как сейчас, 8-конечным, тонким и вытянутым, а – равноконечным, так называемым греческим. И тогда храм предстал перед нами в ином виде. Это был уже не стройный белый столп, похожий на свечу или, в поэтическом восприятии, на царевну, вышедшую к воде. Он стал подобен, скорее, царю, озирающему свои владения (в соответствии с временем постройки правильнее сказать – князю).

Право слово, нельзя увлекаться его «обмерами», пусть и говорящими об удивительной архитектурной гармонии. Так же как и считать, что столь лирически воспринимаемый облик этого храма сформировался лишь по вдохновению мастеров, его строивших (кстати, особенности некоторых деталей храма, в частности наличие аркатурно-колончатого пояса, охватывающего храм с внешней стороны посередине, львов на фасаде и на верхней части внутренних столпов и т.п., говорят о том, что среди строителей были итальянцы).

Или из-за печали князя об умершем от ран сыне Изяславе (датировка храма, по житию Андрея Боголюбского, 1162 годом этой версии вообще не предполагает: битва, о которой идет речь, произошла в 1164 году). Поэтому поговорим теперь о храме Покрова на Нерли как о доме Божиим – месте богослужения и духовного общения.

Начнем с «имени» храма, то есть его посвящения.

Мафорий Богородицы

«В лето 6670 (1162 от Р.Х. – **Прим. авт.**) великий князь Андрей близ Боголюбовския обители... на реке Клязьме в лугу нача здати церковь во имя Пресвятыя Богородицы честнаго Ея Покрова, на устье реки Нерли... И помощию Пресвятыя Богоматере оную церковь единым летом (то есть за один год. – **Прим. авт.**) соверши».

«Честнаго» – значит, чествуемого, достойного, почитаемого. А что значит «Покров»? Прежде всего – покрывало. Но это не современная накидка на кровать или диван, а верхняя одежда замужней женщины, нечто вроде большой шали, закрывавшей голову, плечи и спину. Греки называли его «мафорий». Мафорий самой Пресвятой Богородицы, Девы Марии, матери Господа Иисуса Христа, и есть «Покров», давший название знаменитому храму. Описание события, в котором ее мафорий сыграл особую роль, известно многим, поэтому приведем его кратко. Во время тяжелой осады Константинополя сарацинами в 910 году народ собрался в одном из самых любимых храмов – Влахернском, где с V века хранились одежда и пояс Богородицы. Бывшему там юродивому, по имени Андрей, явилось видение: Богоматерь, окруженная святыми, стоя в воздухе, молилась с поднятыми руками. А затем, сняв с себя покрывало, распростерла его над всеми стоявшими в храме. Такой знак невозможно было понять иначе как ее ПОКРОВОИТЕЛЬСТВО, заступничество, защиту. Что и исполнилось: осада была неожиданно снята, враги ушли от города. Праздник в честь этой бескровной победы греки ввели у себя

только в XIX веке. А вот на Руси он появился уже в XII, во Владимиро-Суздальском княжестве (если не еще раньше, в Киеве, откуда был родом князь Андрей Боголюбский, – такие предположения небезосновательны). Значит, храм Покрова на Нерли, скорее всего, первый из русских храмов, посвященных этому событию. Естественно, посвящение не сводилось к воспоминанию о чуде в Константинополе, случившемся много лет назад. Оно, скорее, означало стремление как бы перенести сам Влахернский храм на берега Клязьмы и Нерли. И значит – зримо представить себе и другим образ заступничества Богоматери за всю владимиросуздальскую землю, ведь место слияния этих рек – своего рода «ворота» в нее.

Смысл и содержание праздника Покрова раскрывается в кратком песнопении в его честь – тропаре, который звучит так:

Ныне, благоверные люди, мы радостно празднуем, // осеняемые Твоим, Богома-

терь, пришествием, // и, на Твой непорочный образ взирая, с сокрушением взываем: // покрой нас святым Твоим покровом // и избавь нас от всякого зла, // ходатайствуя пред Сыном Твоим, Христом Богом нашим, // о спасении душ наших. (Православное богослужение: В пер. с греч. и церковнослав. яз. Кн. 1. М., 2009.)

Вхождению в его смысл помогает и икона «Покров Пресвятой Богородицы». На ней в верхней части – молящаяся Богородица и сонмы святых, а внизу – император, императрица и народ, среди которого выделяется юродивый, указывающий ученику на чудесное явление. К сожалению, не сохранилось ни храмовой иконы из церкви Покрова на Нерли, ни вообще икон Покрова домонгольской эпохи. Из известных вариантов иконографии наиболее вероятен, по мнению отдельных исследователей, тот, в котором Богородица представлена не фронтально, а в повороте к Христу, изображенному в левом от нас углу иконы.

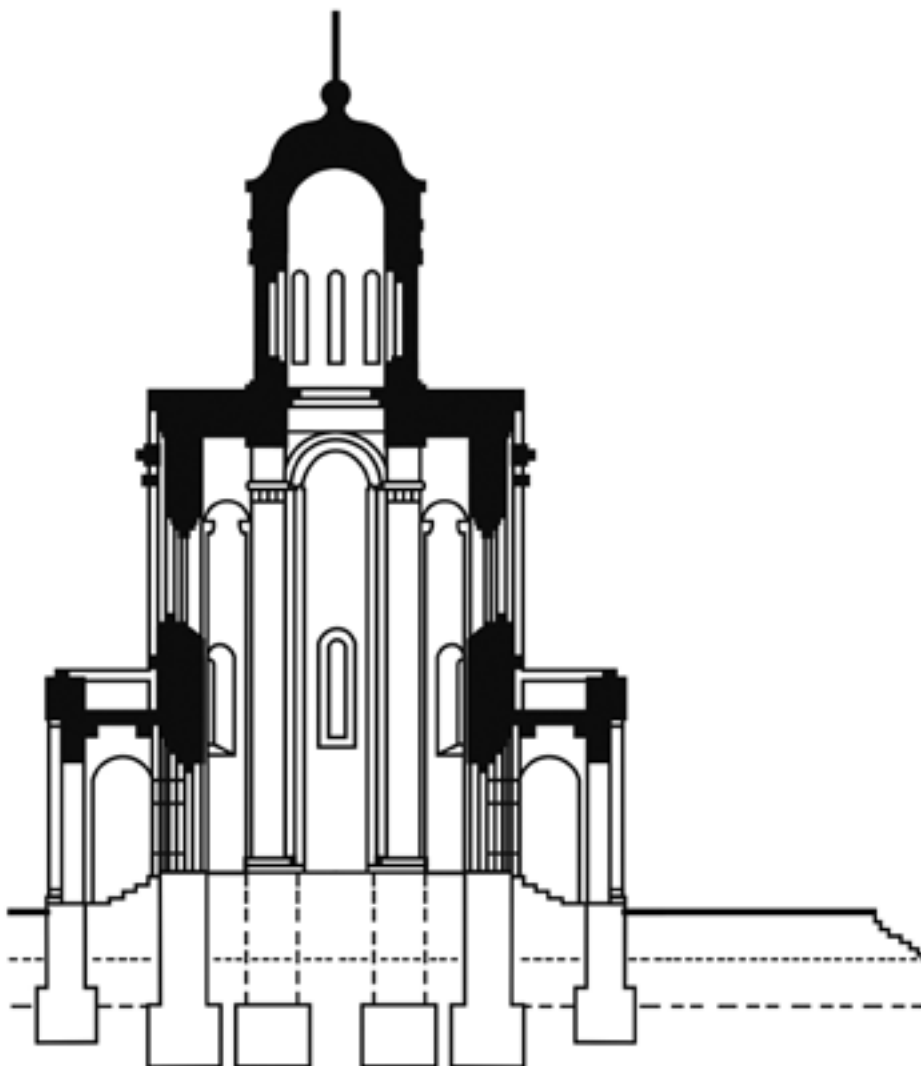
Икона «Покров Богоматери». Последняя четверть XV века. Из Покровского монастыря в Суздале. Государственный Владимиро-Суздальский историко-архитектурный музей-заповедник

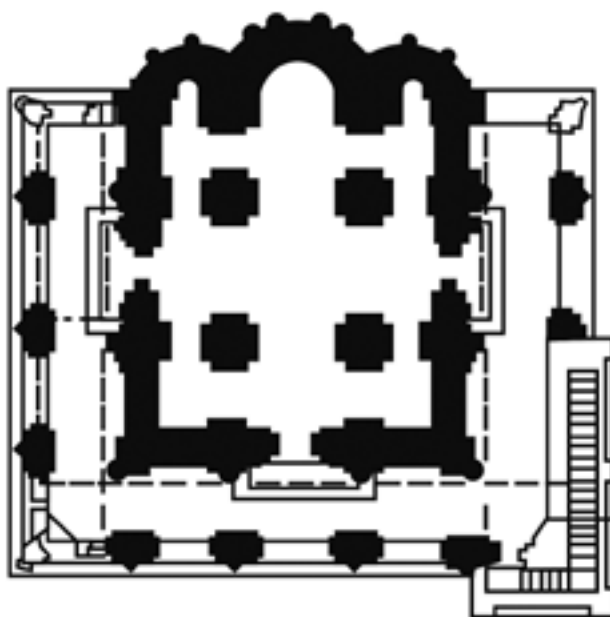
РИА НОВОСТИ

Но вернемся к нашему храму. Он ведь тоже в полном смысле слова «икона» – архитектурный «образ» (в переводе с греческого – «образ, изображение») того, что находится, как писал в начале IV века церковный историк Евсевий Кесарийский, «превыше небесного свода». Именно об этом свидетельствуют его формы, не сходные напрямую ни с чем из окружающей природы или из творений человеческой культуры, и его пропорции. Поэтому естественной реакцией человека, увидевшего такую «икону», будет прежде всего благоговейный, радостный трепет предчувствия чего-то неизмеримо высшего, чем то, что обычно наполняет его жизнь. Изумление, переходящее в восторг! Оно может быть эстетическим – в самом лучшем смысле этого слова, то есть затрагивающим все чувства и очищающим их. Но может вести и дальше – к поиску его источника. Вернемся для этого еще раз к «Крохоткам» А. Солженицына, отрывок из которых приводился в предыдущей статье. Продолжим его: «...И всегда люди были корыстны, и часто недобры. Но раздавался звон вечерний, плыл над селом, над полем, над лесом. Напоминал он, что покинуть надо мелкие земные дела, отдать час и отдать мысли – вечности. Этот звон, сохранившийся нам теперь в одном только старом напеве, поднимал людей от того, чтоб опуститься на четыре ноги».

Правда, придется оговориться: колокольни в церкви Покрова в XII веке не было, потому что тогда на Руси не было колоколов. Они появились в Западной Европе только в XIII веке, а на Русь пришли еще позже. Но ведь и сам этот храм был своего рода «звуком» – молитвой в камне, для которой важны не только слова, но и мелодия и ритм. Не случайно на его западном, самом значительном фасаде находится скульптурный рельеф с изображением царя-пророка Давида, играющего на псалтири – струнном музыкальном инструменте, похожем на арфу. Слово «псалтирь» перешло в название сборника, включающего более 150 молитв для чтения и пения – псалмов.

ИЗ АРХИВА ЭЛЕКТРОННОЙ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ ПО ИСТОРИИ ДРЕВНЕРУССКОЙ АРХИТЕКТУРЫ

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Церковные песнопения звучали и у стен этого храма (именно «у» – то есть снаружи). Особенно во время крестного хода на Пасху, который повторяется затем ежедневно в течение всей пасхальной седмицы. Крестный ход с пением и чтением Евангелия проводился также и по особым случаям, в первую очередь в день престольного праздника – Покрова Пресвятой Богородицы, который отмечается по церковному календарю 1 (по новому стилю – 14) октября. Но основное богослужение, конечно, всегда проводилось внутри храмового здания. Войдем в него и постараемся увидеть, продолжится ли ощущение чуда от созерцания внешнего вида этого храма в его интерьере.

Внутреннее пространство

Увы, первые впечатления не радуют. Слева взгляд натывается на глухую, выкрашенную белой масляной краской дверь. Справа – на киоск, называемый иногда «свечным ящиком», который тоже наглухо перегородивает пространство. Сверху

на сравнительно небольшой высоте оно перекрыто сводом. Но свод, как говорят в таких случаях реставраторы, – «родной», то есть находился в храме изначально. На нем располагаются хоры – место, где стояли князь и его свита, – аналог современного балкона. Оказывается, белая дверь закрывает лестницу, ведущую туда и занимающую почти весь левый угол храма. Она появилась здесь только в конце XVIII века, раньше на хоры входили с внешней стороны стены, по галерее. Этим объясняется несколько пугающее наличие на южной стене, снаружи, двери, расположенной на несколько метров выше уровня пола (как будто люди раньше умели летать). Если бы здесь был только свод, ощущения тесного коридора, усиленного навязчивыми признаками современности, не возникало бы... Но обо всем этом мгновенно забываешь, когда через несколько шагов открывается наконец внутреннее пространство храма Покрова. Чувство, которое охватывает при этом, точно передал, говоря о владими́ро-

суздальских храмах, замечательный исследователь византийской и древнерусской архитектуры Алексей Комеч: «В интерьерах... выразительность архитектурных форм кажется значительно более связанной с созерцанием, размышлением. Время из остановившегося, вечно бытующего момента преобразается в некую длительность, содержащую воспоминание о прошлом и предвосхищающую будущее... окрашенную ноткой тревожного и, вместе с тем, исполненного надежды ожидания».

Внутреннее пространство храма Покрова не распространяется свободно во все стороны, поскольку его властно разделяют на отдельные ячейки четыре мощных вертикальных столпа. Однако единство интерьера не теряется. Во-первых, весь интерьер принимает форму главного символа христианства – креста, ясно видимого как на плане, так и непосредственно в храме. Во-вторых, точно над центром креста – «средокрестием» – возвышается купол (отсюда именование храма

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

в специальной литературе «крестовокупольным»), встав под который понимаешь, что пространство не исчезло, оно просто переориентировано вверх. Столпы его не разрывают, не отделяют одну часть храма от другой полностью, но помогают вошедшему направить взгляд на высокие своды и еще выше – в купол, расположенный, как вначале кажется, в невероятной высоте. Это создает ощущение собственного, неожиданного и стремительного внутреннего взлета.

Верхняя часть храма благодаря многочисленным полукружиям сводов, как бы малых куполов, и сфере собственно купола создает завораживающий образ «инога неба», которое собирает, присоединяет пространство нижней части интерьера, как и всех находящихся в нем, к себе. И одновременно – осеняет, покрывает их. Таким образом, посвящение храма Покрову Богородицы выражается в архитектуре видимым, но, как и всякое чудо, непостижимым явлением молящимся людям самого Покрова.

Не исключено, что где-то на стенах храма было и фресковое изображение этого праздника. Правда, нигде в известных циклах росписей, пред-

шествующих по времени (София Киевская) и почти современных постройке храма на Нерли (Преображенский собор Мирожского монастыря в Пскове), оно не встречается. Подтвердить или опровергнуть то, что оно находилось в храме, невозможно, так как остатки древних росписей были сбиты со стен во время ремонта 1877 года.

Еще раньше была разрушена и заменена высоким иконостасом однарусная каменная алтарная преграда, характерная для византийских и русских храмов этого периода. Она представляла собой несколько вертикальных колонок около 1 метра высотой, стоявших на каменных плитах. Высота плит, как правило, тоже не превышала метра. Колонки были объединены сверху горизонтальной балкой – архитравом. Собственно, преграды в современном понимании этого слова не существовало: пространство между колонками было свободным, небольшие иконы размещались на архитраве, большие – на стенах справа и слева. Завеса, закрывавшая алтарь, отодвигалась во время богослужения, что позволяло алтарному пространству, лишь обозначенному сквозной преградой,

но не отгороженному от остального храма, включаться в его общее пространство. Апсиды, как и своды, воспринимались неким подобием купола. А сам алтарь, таким образом, становился не просто восточным завершением горизонтальной оси храма, но его вторым «верхом». Этому положению соответствует как само название «алтарь» (от лат. *alta ara* – «возвышенное место»), так и то, что с ним непосредственно связано совершение основного христианского богослужения – литургии. Сейчас древняя преграда в храме реконструирована, хотя, к сожалению, иконы вставлены в проемы между ее колонками, то есть закрывают алтарь, да и качество самих икон оставляет желать лучшего.

Шедевр зодчества

Итак, в церкви Покрова на Нерли, как мы видим, воплотились не только художественные достижения владими́ро-суздальского зодчества, но и лучшие качества целого ряда православных храмов Византии, Балкан и Руси того времени. Почему? Потому что здесь зодчим удалось лучше, чем во многих других церквях, достичь единства формы и

содержания, художественной выразительности и смысловой образности, непосредственно вытекающей из богослужебного назначения этого удивительного здания. Каждый храм эпохи зрелого Средневековья, независимо от места его постройки, был выражением единого канона православного церковного зодчества. Важно, что такой канон никогда не принимался в виде официальных постановлений, не фиксировал обязательной для всех храмов схемы или формы, количества куполов, апсид, размеров и внутреннего устройства алтаря и т.п. Все это формировалось в общем русле традиции. Едва ли не единственным в области церковной архитектуры общепринятым в церкви документом был очень короткий текст из 57-й главы так называемых Апостольских постановлений, составленных во второй половине IV века, где говорилось: «здание да будет продолговатое, обращено на восток, с притворами по обеим сторонам к востоку, подобное кораблю». Если считать его законом на все времена (а оно никем не оспаривалось и никогда не отменялось), то окажется, что христианский храм всегда должен быть только вытянутой в длину базиликой, а купол в нем не предполагается вообще. Понятно, что столь узкое, формальное восприятие постановления привело бы к гибели, а не к развитию церковного зодчества.

Наоборот, именно из-за отсутствия жесткой системы повелений и запретов стало возможным разнообразить тип крестовокупольного храма практически до бесконечности. Например, что будет, если, говоря на языке специальных терминов, соединить «признаки архитектуры государственного-митрополичьего жанра» (прежде всего галереи) с «придворно-княжеским четырехстолпным одноглавым храмом» (Г.К. Вагнер)? Наверное, архитектурный монстр? Ведь наличие галерей обуславливалось значительным размером храма: они были в соборах Киева, Новгорода, Владимира. Но в небольшом храме Покрова именно такое, невозможное на первый взгляд соединение дает по-

трясающий эффект: рождается не новый тип храма, а новый вариант канона, который, в свою очередь, становится образцом для свободного подражания. Именно подражания, а не копирования! Свободно варьировались старые архитектурные элементы и создавались новые в том же ключе. Разумеется, при общем высоком уровне строительства шедевров, как и всегда, было немного. Храм Покрова на Нерли, счастливо сохранившийся, – один из них.

Подводя итог, вернемся к тому, с чего начинали, – к современному виду этого храма. Он, безусловно, привлекает и вдохновляет многих людей. Немалую роль в этом играет его во многом уникальное расположение – «среди долины ровныя, на гладкой высоте». Рядом – никаких строений, кроме одноэтажного домика с зеленоватой крышей, расположенного в нескольких десятках метров от храма, за его алтарем. Кажется, что и он – лишний. Однако это не так. «Домик» – остаток бывшей Трехсвятительской церкви постройки 1884 года, раньше на ее месте стояла деревянная. А если посмотреть альбом «Владимир в старой открытке» и найти там, как выглядел храм Покрова в то время, просто оторопь берет: рядом с ним не одно, а много строений – тяжелая колокольня 1860-х годов в «русском» стиле, деревянные дома, кладовые, амбар... Но упрекать наших предков за то, что они возвели около шедевра древнерусского зодчества что-то неизмеримо более слабое и даже просто бытовое, станет только сноб. Придется вспомнить, что сразу после построения храма Покрова, князь Андрей... «обитель монастырюющим при ней содела». Обитель, то есть мужской монастырь, просуществовала здесь более 750 лет, до 1923 года, и сохранила этот храм. Да, известен черный день в его истории, когда игумен соседнего, Боголюбовского монастыря, для которого Покровский был приписным, решил построить у себя новые монастырские ворота... разобрав для этого храм Покрова на Нерли. Лишь курьезная ситуация – они не сошлись

в цене с подрядчиком – предотвратила разрушение.

В советское время храм долгое время был в запустении. Акт осмотра Покровской церкви от 9 июля 1931 года констатирует разрушение белого камня, рельефов, портала, ступеней, пола, дверей. Он тоже мог быть разрушенным, на сей раз по идеологическим мотивам – например, как Рождественский собор XII века во Владимире и сотни других церквей, от которых не осталось даже фундаментов. Но как бы то ни было (пути, которыми Бог защищает Свои святыни, могут показаться нам нелепыми, важен результат) – храм стоит на своем месте. Стоит, может быть, в несколько искусственном одиночестве, подобно цветку в вазе. Но никто не назовет его увядающим. В нем возобновлены богослужения. Кроме того, он живет своей жизнью, не очень похожей на старую: идут экскурсии, самостоятельные группы, отдельные посетители. Его бесконечно фотографируют, причем фотографы делают всё, чтобы в объектив не попали жутковатые, кажущиеся рядом с ним «марсианскими» ЛЭП. Снимается он и в кино: не случайно именно его выбрал великий режиссер Андрей Тарковский для «Андрея Рублева» (многие, наверное, помнят, что именно с кровли храма Покрова на Нерли совершается прекрасный по своей символике и трагический в реальности полет на самодельных крыльях). «Народная тропа» к нему не зарастает.

Можно помечтать, например, о том, что из храма когда-нибудь уберут киоск – все-таки торгующим, как многие помнят, по Евангелию не место в храме. Что в него будут часто ходить не только туристические, но и паломнические группы, причем возможность совершить в нем богослужение будет даваться священникам других епархий как награда. Но больше всего хочется, чтобы это первое подробно и все равно, конечно, неполно рассмотренное нами «чудо» России гораздо глубже и шире, чем сейчас, вошло в нашу жизнь. И чтобы мы тоже как-то углубили свое отношение к нему. ■

НЕ ВИЖУ ЗЛА

ИТАР-ТАСС

Ирина Лукьянова

АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ УМЕР ПЕРЕД САМОЙ ПОБЕДОЙ, В ФЕВРАЛЕ 1945 ГОДА. НЕКРУГЛУЮ ГОДОВЩИНУ – 65 ЛЕТ СО ДНЯ СМЕРТИ – СОВЕРШЕННО ЗАСЛониЛА ПОДГОТОВКА К ПРАЗДНОВАНИЮ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ. МОЖНО НАЙТИ ДАТУ И ПОКРУГЛЕЕ: В ГРЯДУЩЕМ, 2011 ГОДУ 75 ЛЕТ ИСПОЛНЯЕТСЯ СКАЗКЕ ПРО БУРАТИНО, ЕДВА ЛИ НЕ ГЛАВНОМУ ЕГО ПРОИЗВЕДЕНИЮ – УЖ ВО ВСЯКОМ СЛУЧАЕ, САМОМУ ЧИТАЕМОМУ. НО МОЖНО И НЕ ЦЕПЛЯТЬСЯ К ДАТАМ, А ПРОСТО ДОСТАТЬ С ПОЛКИ КНИГУ: СКУЧНЫМ, СТАНДАРТНЫМ ЗИМНИМ ВЕЧЕРОМ ТОЛСТОВСКАЯ ЦВЕТНАЯ, СОЧНАЯ, БУРЛЯЩАЯ ЖИЗНЕРАДОСТНОСТЬЮ ПРОЗА ОЧЕНЬ КСТАТИ.

«**С**АМАЯ ВЫДАЮЩАЯСЯ черта личности А.Н. Толстого – удивительное сочетание огромных дарований с полным отсутствием мозгов», – сказал о нем критик Дмитрий Святополк-Мирский. И чуть ли не все, кто когда-нибудь что-нибудь писал о Толстом, с этим обидным высказыванием не спорят. Да и сам Толстой с удовольствием прикидывался

дурачком и до старости лет был для знакомых и друзей «Алешкой» и «Алеханом», такой подросток и растолстевший Буратино, ни тебе солидности, ни метафизических глубин. Зато живопись, зато веселье, зато поразительная аутентичность: это тоже такое общее место, что Алексей Николаевич писатель нутряной, животный, истинно русский и вообще «пишет брюхом».

Без надлома

Чтобы считаться Великим Русским Писателем, всего этого мало: нужна трагедия, надлом, беспокойная совесть и биография с большой бедой. А Толстой как-то даже и беды переживал играючи: где у Чуковского травма на всю жизнь с его незаконнорожденностью, там у Толстого отвоеванный все-таки графский титул. Хотя семейной драмы его родителей хватило бы на целый роман, да и сам он задуман как трагический персонаж: зачат в результате насилия мужа над ушедшей от него женой, вырос в незаконной семье, воспитан матерью, которую проклинали не только законный муж и родители, но и старшие дети, оставшиеся с отцом. А он ухитрился вырасти счастливым. Его «Детство Никиты», его переписка с отчимом, Алексеем Бостромом, – все дышит спокойным счастьем и несокрушимым психическим здоровьем. Где у Бунина трагедия изгнанничества – там у Толстого смена декораций и попытка обустроиться на новом месте: в Париже не вышло – так в Берлин, в Берлине не живет, так

в Россию. Он пристраивается, находит способы, вьет гнездо, кормит жену, детей, няньку, зарабатывает на всех; даже на пароходе, переполненном беженцами, сидит на ящике, пристроив пишущую машинку на другой ящик, и работает.

Где у Куприна горькое примирение с родиной – через чувство вины, через слезы, там у Толстого вполне триумфальное возвращение и годы плодотворной работы: и здесь свил гнездо, приспособился, уяснил правила игры, нашел свою нишу – и работает. Он как резиновый: все от него отскакивало. Даже в жуткое время, в конце 20-х, когда русской литературе так закрутили гайки, что уже и не пикнешь, когда рапповцы и напостовцы затравили все живое – он и это перенес с минимальными потерями: не застрелился, не повесился, не выступил с выданным покаянием, не замолчал навеки. С вечера напился, утром встал, голову полотенцем обмотал, сел за письменный стол – и работает себе дальше.

Он как-то здорово умел не подпускать к себе трагедию, не впускать ее в душу – у него, кажется, и места такого в душе не было выделено, для трагедии. Когда к нему, депутату и знаменитому писателю, пошли косяком просители о высланных и арестованных – еще в первую волну, после убийства Кирова, – он уехал подальше, чтобы не досаждали. О некоторых похлопотал, да. А потом взмолился к жене, исправно передававшей ему чужие просьбы о заступничестве: Туся, не пиши мне больше таких писем! Даже читая сборник полученных под пыткой и записанных судебными дьяками показаний подсудимых в XVII–XVIII веках – он восхищался прекрасным русским языком этих воплей, точностью и сжатостью их записи – и оставался до изумления глух к самой сути этих документов. И это не солженицынская «злоупорность», умение не впускать зло к себе в душу, – а, скорее, детское, бессознательное «я не вижу – значит, нет», закрыл глаза руками и спрятался.

Толстой и родина

О нем так и говорят мемуаристы: большой ребенок, *enfant terrible*. Пришвин вспоминал, как на каком-

то писательском митинге орденосцев его обидели, слова не дали, в президиум не выбрали, а Толстой опоздал, прошел прямо в президиум и плотно, уютненько там уселся – и так это оказалось интуитивно верно, что его тут же туда доизбрали под общий смех. Кому другому – и в голову бы не пришло, и с рук бы не сошло.

У него была замечательная интуиция; веяния времени он ловил раньше других, тенденцию оседлывал быстрее прочих, понимал главное в эпохе сразу, чутьем: так схвачена, к примеру, его «Гадюка», безусловно, уловившая самое важное в переходе от военного коммунизма к нэпу. И поведение его, и жизнечувствие – детское, стихийное, народное: в нем больше от природы, чем от головы, биология торжествует над метафизикой, его проза очень живая, но совершенно бессовестная. Нравственные проблемы – стержень, на который нанизана вся русская классика, – его, кажется, занимают в очень малой степени.

Вроде бы немислима русская проза вне морали – а вот поди ж ты, мыслима: Толстой абсолютно русский писатель, и писатель очень

большой. И не аморальный, как его стало принято изображать в перестройку, а внеморальный, мимо морали живущий, как будто ее еще не придумали.

В царской России были популярны фотооткрытки с изображениями русских «типов»: вот тип купца, вот крестьянка, вот книгоноша... Алексей Толстой был тоже «тип»: даже не «русский писатель» или «русский барин», а такой «русский сангвиник», как Обломов – русский флегматик, а Левитан, Чехов и Чайковский – русские меланхолики.

Толстой – полнокровный, прожорливый бабник с огромным талантом быть счастливым и жить без страданий – таким же огромным, как талант Достоевского или Толстого-главного страдать и мучиться совестью. Толстой – прозаик красочный, пестрый, динамичный, изобретательный; по меткому наблюдению биографа Алексея Варламова – очень кинематографичный. Нравственные муки – не его тема, но сюжет, движение, авантюра, масштабные фигуры, массовые сцены удаются ему замечательно.

Он хаотичен, сочен и живописен, как русская зима или русское лето.

Алексей Толстой
с матерью
Александрой
Леонтьевной.
1895 год

ИТАР-ТАСС

Это – стихия, а не дух. В его арсенале – нежность, радость, наслаждение, гнев, буря – все, что угодно, но не совесть, не горение альтруизма, не аскеза, не самоограничение. Такова, собственно, и Россия: мощи много, величия тоже, таланту немерено, а ум и совесть – дело десятое. Может, потому этот Толстой и не мог жить без России. Нет, ему в Париже было хорошо, но в гостях, а не навеки; в гости-то он туда ездил с удовольствием. А жить должен был здесь – за границей масштаб не тот, размерчик не тот, развернуться негде: в эмиграции бы Толстому никогда не вырасти до своего настоящего, гомерического масштаба, не справиться с «Петром». С белыми или с большевиками, с царем или со Сталиным во главе – ему не важно было, ему важно было, чтобы Россия была великая, а знак и вектор величия – это уже не важно. Он, кажется, впервые осознал, как крепко привязан к своей стране, когда работал фронтовым журналистом в Первую мировую – на фронт пойти не мог из-за последствий старой травмы, – именно тогда и страна, и русский характер открылись ему в своей шире, страхе и красоте. Он с забавной серьезностью, почти глупо-

Алексей Толстой с супругой Людмилой Ильиничной у себя на даче в Подмоскovie. Апрель 1941 года

Писатели Алексей Толстой и Максим Горький на прогулке. Январь 1934 года

РИА НОВОСТИ

стью, писал в 1914 году, ставшем для него переломным (война и третий брак: он женился на Наталье Крандиевской), что познал в этом году и русскую женщину, и русский народ.

Деформация

В один из своих парижских визитов Толстой, уже «красный граф» и прославленный писатель, говорил старому знакомцу, художнику Юрию Анненкову, что на родине испытал психологическую – или, скорее, патологическую – деформацию. Рань-

ше он говорил на том же языке, что и эмигранты; теперь, после многолетней бомбардировки советской риторикой, что-то в его душе неправомерно изменилось. Теперь за столом с Анненковым сидел не только тот Толстой, который в Одессе читал «Смерть Дантона» и возглавлял игровой клуб, который уезжал в эмиграцию на одном из последних пароходов и два месяца сидел с детьми на острове Халки – без денег, еды и будущего. У этого нового Толстого уже изменился состав души: в нее

РИА НОВОСТИ

Писатели Алексей Толстой, Константин Симонов, Илья Эренбург и начальник отдела Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков Дмитрий Кудрявцев (слева направо). Украина, Харьков. Декабрь 1943 года

вошли лозунги, и умение приспособивать талант под требования момента, и «величайший гений всех времен и народов», и подпись под требованием «беспощадного наказания» троцкистского центра.

Он уже жил в двух реальностях, совмещая их в себе обе, подгоняя одну под другую, – и не терзался раздвоенностью, а сделал себе из нее творческую задачу: пока писал, требования момента изменились – ну и что, переделаем и все равно продадим. «Мне наплевать! Эта гимнастика меня даже забавляет!» – сказал он Анненкову. Он никогда не воспринимал себя как мессию, пророка, носителя ценностей выше жизни. Это просто ремесло, как у сапожника или портного: носят в этом году косой крой – научимся кроить по косой.

Беда, однако, в том, что кроить приходилось не только косо, но и криво. Приходилось кроить плохо. А это мастеру дается нелегко, и платить за это приходится дорого: выходит ерунда, которую читать невозможно, и мастерство начинает изменять. Так не удался его Иван Грозный: идеологическую задачу выполнил, а художественную провалил. Удавалась ему не «акробатика», а произвольная программа: то, что он любил, чем восхищался, любовался, за что брался с восторгом и счастьем – таков его Петр Великий в расцвете силы, таланта и славы; умирающий – уже неинтересен. Его легенда о Петре оказалась сильнее, мощней и привлекательней всякой исторической правды – до сих пор о Петровской эпохе сограждане судят

по Толстому, как если бы он был свидетель и очевидец.

И в самом деле, писал он, как свидетель и очевидец, – сочным, роскошным, смешным русским языком, естественно, как дыша; Петровская эпоха будто сама заговорила через него во всем своем лингвистическом безобразии, во всем своим ужасе и величии. Здесь, какие бы сиюминутные задачи он себе ни ставил, – Толстой совершенно равен себе и стране.

О гении и злодействе

Борис Чичибабин заклеил его в своей знаменитой эпиграмме: «Мне жалко негодяев, как Алексей Толстой и Валентин Катаев». Негодяем, однако, Толстой не был – сознательным злодеем, завистником, губителем. Бонвиваном был, человеком компромиссов был, острые углы обходил, трусил, соглашался, когда соглашаться было нельзя, – чтобы оставили в покое, дали жить, как живет – комфортно, сыто и удобно, чтобы не загружали неразрешимыми проблемами и дали заниматься любимым делом.

Он не задавал эту искривленную реальность, но искривился вместе с ней: тут подтянуть, там выпятить – и внимательно следить за градусом кривизны, чтобы не выпирать. Но и в этой искривленной реальности сохранил то, что и в самые скверные времена стоит сохранять: любовь к жизни, ощущение родины, живую связь с ней. Все это оказалось очень нужно, когда началась Великая Отечественная. Когда никаких сил не хватало – ни войск, ни винтовок,

ни патронов, ни танков, ни самолетов, – среди смерти и ужаса держаться можно было только одной силой духа, любви и гнева. И вот здесь толстовский талант любить жизнь, любить мир, семью и детей, любить свою работу и свою страну оказался сильнее заградотрядов и расстрелов за дезертирство. Потому что любовь и гнев помогают держаться там, где бессилён страх смерти.

Сам Толстой, однако, войну не пережил. Это было зло, от которого ни спрятаться, ни закрыться, ни абстрагироваться было нельзя. Неизвестно, кто ему предложил и зачем он согласился – Федин предполагал, что «из тщеславия», – но он вошел в комиссию по расследованию фашистских злодеяний, это его и добило. Не старинные записи подпыточных показаний, а виселицы и расстрельные рвы во всей своей неприглядной реальности – настоящее, масштабное, неприкрытое зло, от которого он всю жизнь заслонялся, а тут уже и неприлично, и невозможно было отгородиться от мирового горя, – настоящее зло обрушилось на него. И в нем, кажется, не хватило уже ресурсов счастья и света, чтобы удержаться по эту сторону жизни. Он простудился в Харькове на публичной казни фашистов, тяжело болел и умер, не дожив до победы нескольких месяцев. Оставил много томов сочинений, большое, разнообразное одаренное потомство и вечные споры о гении и злодействе.

А он не был ни гением, ни злодеем. Был счастливецом и трудолюбцем – и тому, и другому у него можно поучиться. Умел любить и радоваться на полную катушку – и того, и другого умения все время не хватает. Так что, когда хмуро, темно и тошно, можно просто достать и перечитать «Детство Никиты» – огромный, цельный кусок беспримесного счастья высшей пробы. ♣

Евгений Резепов, фото Андрея Семашко

НЕТАЮЩИЙ ИНЕЙ

ПО ВОЛОГОДСКОМУ МУЗЕЮ КРУЖЕВА НАС ВОДИЛА ЛУИЗА – ДЕВУШКА МОДНАЯ, СОВРЕМЕННАЯ. И ПОТОМУ УДИВИТЕЛЬНО БЫЛО СЛЫШАТЬ, КАК ЧЕТКО ОНА ОПИСЫВАЛА ЭПОХИ РАЗВИТИЯ РУССКОГО КРУЖЕВА, КАК ТОЧНО УПОТРЕБЛЯЛА НАЗВАНИЯ СТАРИННЫХ ПРЕДМЕТОВ ОДЕЖДЫ XV–XVI ВЕКОВ. «ПОКРОВЕЦ, САККОС, НАПОДОЛЬНИЦА», – ПОДНОСИЛА ОНА ИЗЯЩНЫЙ ПАЛЬЧИК С ДЛИННЫМ НОГТЕМ К СТЕКЛУ, ЗА КОТОРЫМ СКРЫВАЛОСЬ КРУЖЕВО ИЗ ЗОЛОТЫХ НИТЕЙ. ВЕКА ЗАТЕМНИЛИ ЗОЛОТО, ПОМЯЛИ УЗОР, НО ПРОТИВ МАСТЕРСТВА ОКАЗАЛИСЬ БЕССИЛЬНЫ. В ТАКИЕ ТЕМНЫЕ ВРЕМЕНА ТАКАЯ ТЩАТЕЛЬНОСТЬ!

«ЭТО КАЖЕТСЯ, ЧТО КРУЖЕВО очень древнее, а на самом деле только в начале XIX века оно стало развиваться в промысел», – бойко продолжала Луиза и, стуча каблучками, переходила к другой витрине, чтобы объяснить технику сцепного плетения. Таковым, с ее слов, пользовались только помещицы. Дело в том, что в XIX веке кружево уже делилось на народное и аристократическое. Первым занимались крестьянки ради прокорма, вторым – дочери богатых помещиков, готовя себе приданое. Перед кружевным манто за стеклом Луиза вдруг остановила свой бег, затаила дыхание и воскликнула: «Но согласитесь – кружевоплетение требует большего искусства, чем даже ювелирная работа!» Дальнейшее общение с Луизой Дерендяевой, старшим научным сотрудником Музея кружева Вологды, показало, что она настоящая фанатка вологодского кружева.

Кружево создает ощущение праздника. Это его волшебное свойство покоряет души людей самых разных социальных слоев. От круже-

ва трудно отвести взгляд, особенно когда понимаешь, сколько труда и любви вложено в каждый узор. Нетаящим инеем несколько раз назвала его Луиза.

На старинной площади под стенами Вологодского кремля, где расположен музей, туристов зазывают продавщицы кружевных салфеток, платков, скатертей. Мы тоже пристроились в очередь, но Луиза предупредила: «Это еще нужно посмотреть, вологодское ли это кружево. Это видно по плетению. Если оно ровное и упругое – значит, вологодское. Если же рыхлое и узор неровен, это значит, что продавщица – самоучка, любительница...» Главный же секрет того, как распознать настоящее вологодское кружево, по словам Луизы, в другом. Если эта продавщица работала когда-либо на фабрике «Снежинка», то в руках у нее сейчас настоящее вологодское кружево. Что же, получается, надо у продавщиц трудовую книжку спрашивать?

Луиза родилась в Ульяновске, в Вологду попала вместе с родителями: папа-военный поменял место службы. Город полюбила сразу как

родной. И как раз за кружево. Училась выплетать сложные узоры, в то время как ее сверстницы прожигали время на дискотеках. Родители к увлечению дочери отнеслись положительно. Хотя и представить раньше не могли, что их живая и азартная модница Луиза будет так терпеливо сидеть и стучать коклюшками (точечные палочки с углублением для наматывания ниток) за подушкой (валик, набитый соломой) – занятие, которому раньше предавались лишь крепостные девушки, вдовы да сироты. «Кружево само выбирает человека», – любит повторять Луиза фразу, которую не раз слышала от старых вологодских кружевниц. У них она, вечерами учась искусству выплетать кружева, наслушалась рассказов о том, как по договору трудились на фабрике «Снежинка», выполняя после войны заказы для Америки и Европы. Какие тогда были мастерицы! Недавно Луиза вступилась за вологодское кружево в сувенирном магазине в центре Санкт-Петербурга. Узоры на каком-то зонтике были названы вологодским кружевом. Но это было что угодно, только не вологодское кружево. Прямолинейная Луиза потребовала такое название убрать. И ее послушались! «Наверное, потом назад вернули, – вздыхает Луиза, – любят вологодским кружевом прикрываться!»

Не все кружево – вологодское

Орнамент вологодского кружева характеризуется мягко изогнутыми, плавными линиями рисунка – графически четкого, состоящего из геометрических фигур или обобщенных форм растительного мотива. Гибкие ветви с петлеобразными листьями, трилистниками, круглыми или вытянутыми лепестковыми и лапчатыми цветами можно встретить только на произведениях вологодских кружевниц. Принято считать, что на развитие вологодского кружева оказали большое влияние орнаменты по дереву, которыми столь знаменит этот северный край. Благодаря своему географическому положе-

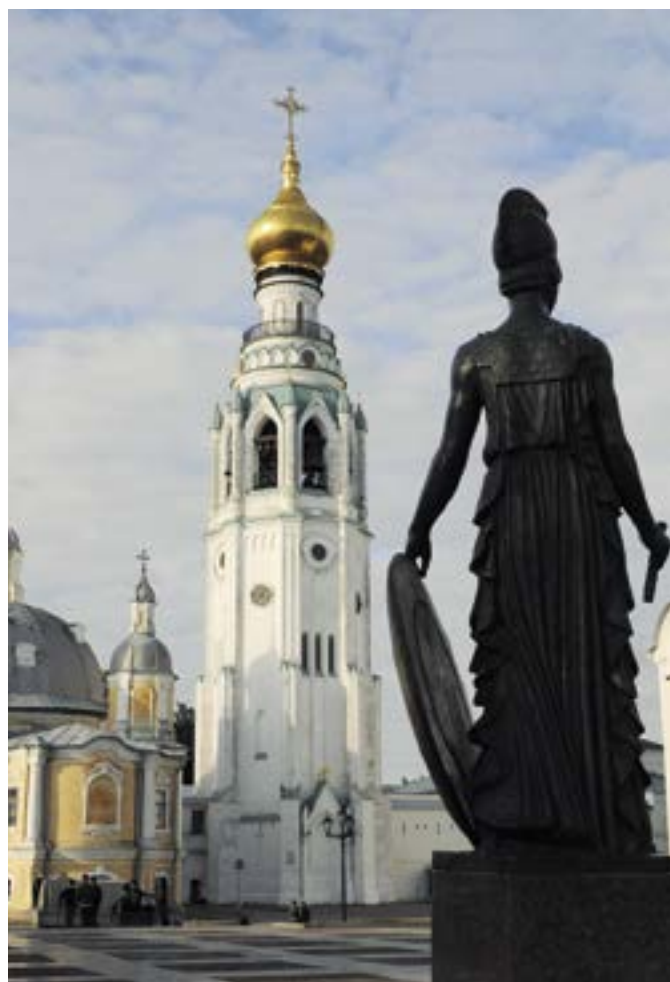

нию (близость Северного морского пути) Вологда с XVII века принимала иностранных купцов, которые завозили кружево в Россию. Оно быстро стало символом богатства и знатности. Самые ранние кружева выполнены из золотых и серебряных нитей. Но массовым спросом пользовались, разумеется, те, что попроще, нитяные кружева: фламандские, брюссельские, голландские, французские – «малин», «шанталь», «брабант», названные так по именам провинций, где формировались центры кружевоплетения. Мода на кружева иноземные привела к открытию отечественной кружевной фабрики под Вологдой – помещицей В.А. Засецкой. По преданию, своей лучшей кружевнице она запретила выходить замуж – чтобы не отвлекалась на домашний быт, – а за образец велела брать немецкие кружева.

Однако немецкий стандарт все же был постепенно вытеснен: в 1840-х годах вологодская кружевница Анфия Федоровна Брянцева изобрела своеобразную технику плетения штучных кружевных изделий, которая получила название «вологод-

Многовековое мастерство стоит за этой рукой, которая выплетает из многочисленных пар хлопковых нитей «нетающие» узоры

Древняя колокольня Вологодского кремля помнит те времена, когда на звуки колокола собирались люди, носящие кружева из золота и серебра

ский манер». Дочь ее Софья, первая кружевница Вологды, обучала новому способу изготовления кружевных изделий вдов, незамужних женщин и сирот, что позже дало повод назвать промысел «вдовым». Скупщики, которые объезжали вологодские деревни и скупали весь товар, снабжали мастериц нитками и сколками – рисунками, по которым выполнялось плетение кружева. Через таких же скупщиков вологодское кружево потом поступало в магазины Петербурга, Москвы, достигало аж Кавказа. В конце XIX века кружево из Вологды было впервые представлено на выставках в Филадельфии и Чикаго. Особенно модными были черные и кремовые косынки, шарфы, платки с узорами из цветов и птиц.

Одна «Снежинка»

При советской власти вологодские кружевницы, объединенные в артели, создавали крупные произведения для интерьеров: панно на сюжеты басен Крылова, сказок Пушкина. В 1925 году вологодские кружева на Международной художественной выставке декоративного искусства в Париже получили золотую медаль. Данью тому времени были изображения самолетов, парашютов, поездов и государственных символов. Надо сказать, весьма своеобразное сочетание формы и содержания.

Во время войны и после нее вологодское кружево превратилось в один из ходовых экспортных, «валютных» товаров. Международное признание не замедлило прийти: в 1958 году на Международной вы-

Татьяна Макарова, обладательница самой престижной награды среди кружевниц, «Серебряной коклюшки», предпочитает пользоваться коклюшками из яблони и черемухи. Как и ее бабушка, тоже кружевница

ставке в Брюсселе вологодские кружева завоевали золотую медаль, а кружевной занавес «Русские мотивы» был отмечен Гран-при.

В 1964 году разрозненные артели кружевниц были объединены в фабрику «Снежинка». Впрочем, основные сюжетные традиции сохранили и там: художники фабрики искали новые воплощения в кружеве литературных произведений А. Пушкина, К. Батюшкова, Н. Рубцова.

Подпавшая под влияние чар вологодского кружева молодая сотрудница музея в городе не единственная. Кружево и впрямь само выбирает нужных ему людей. Вот, к примеру, генеральный директор ЗАО «Снежинка» Мария Агапова – еще одна такая «жертва». Она изначально вроде бы никогда не собиралась связывать свою жизнь с кружевом. В Вологде она тоже приезжая. Преподávalа маркетинг и экономику, лекции ее пользовались успехом у студентов, родители прочили ей совсем другое будущее, и вот тут-то...

А ведь никто из ее семьи не был связан с кружевоплетением. Как-то в детстве она просила себе кружевной жилет, но его не купили. На этом ее знакомство с кружевом тогда и закончилось.

На фабрике Марию приняли хорошо. Такой человек и нужен был, оказывается, кружеву. «Кружево само выбирает человека», – поведала ей тогда поговорку вологодских мастериц начальник цеха кружевоплетения Илья Сергеевна Верещагина. У этой женщины, работающей на фабрике более сорока лет, только одна запись в трудовой книжке. Рядом с ней при нашем разговоре присутствовала мастер цеха кружевоплетения Алевтина Борисовна Гамина. И у нее, оказывается, тоже только одна запись в трудовой книжке. События поменять профессию был, но кружеву ни та, ни другая не изменили. Когда для расширения ассортимента было предложено поместить кружево на валенках, Алевтина Борисовна кричала на совещании

больше всех, что кружева на валенках быть не может. И даже стучала валенком по столу, не убоившись последствий для репутации.

Приход молодого, энергичного директора на фабрике восприняли как еще одну возможность вологодского кружева напоминать о себе не только в России, но и во всем мире. Традиционные центры кружевоплетения помимо Вологды расположены в Костроме, Кирове, Ельце, Воронеже, но все они постепенно затухают. И только Вологда по-прежнему продолжает держать марку и достойно представлять русское кружево. Недавно в магазины фабрики стали заходить мужчины – присмотреть для семьи кружевную скатерть. А девушки – присмотреть кружевной наряд на свадьбу или платье на выпускной – зачастили уже давно. Однажды художники провели эксперимент: три старинные кружевные скатерти собрали булавками в платье и выставили на подиум. Девушки, увидевшие его, от восторга чуть не визжали. А старые работники фабрики сказали: «Давно было пора так сделать. Пока потребитель не помолодеет, спрос

на кружево не возродится». Привлечь молодежь к кружеву – одна из главных задач на сегодня. Ведь та же Луиза из вологодского музея скорее исключение, чем правило: мало все же молодежи возвращается вокруг этого старинного искусства. Да, есть, конечно, кружки по кружевоплетению, но у них скорее функция развивать мелкую моторику у детей, нежели готовить новую смену кружевниц.

Среди опытных мастериц бытует то ли мнение, то ли поверье, что интерес к кружеву имеет пятилетний цикл. Вот сейчас все же спад. Недавно «Снежинка» в очередной раз вывозила свое кружево за границу. Слов благодарности было сказано много. У Марии так и вовсе прямо с плеч буквально сняли понравившийся кружевной шарф. Пришлось отдать. Но... почти всю коллекцию привезли назад. Кружево за границей оказалось не востребовано.

Мария может, конечно, посадить всю фабрику на ходовые салфетки, чтобы потом их продавать оптом, но она хочет большего – сохранить наследие, которое до нее сохраняли другие поколения. Это они смотрят

на нее сегодня строгими глазами Или Сергеевны, Алевтины Борисовны и других опытных кружевниц. «Все промыслы возникали, потому что человек хотел разнообразить свой быт, внести что-то новое. Конечно, сейчас, в начале XXI века, все иначе, – рассуждает Мария. – Но кружево для русских – это как оберег».

Помимо цеха кружевоплетения, кстати, сохранены мастерицы-надомницы, они живут по деревням и плетут по заказу фабрики. Мошенники, зная качество их кружева, обманывали мастериц. Чтобы не платить, оставляли в залог свои паспорта. «Вы не представляете, как скупалось кружево в Вологодской области. Я когда сюда переехала, то купила маме кружевной воротник и хотела отправить ей по почте, но там не приняли – мол, непременно украдут по дороге. Кружево было как валюта», – делится впечатлениями Мария.

Директор вологодского Музея кружева Юлия Евсева готова говорить о бесценных коллекциях так же бесконечно, как бесконечно многообразие рукотворных белых узоров

Таких коллективов кружевниц в Российской империи и СССР были сотни, тысячи! А сейчас остался один – в Вологде

Техника сохранения традиций

Ушли в далекое прошлое времена, когда на вологодской улице можно было услышать звон коклюшек из открытых окон. Сегодня он звучит только в цехе кружевоплетения на фабрике «Снежинка». Все в цехе по-прежнему деревянное: стулья, тумбочки, пяльцы. На них лежат подушки, над которыми бегают руки кружевниц. Рядом с каждой на тумбочке набор самых разных коклюшек. У каждой кружевницы свое пристрастие к породе дерева, из которого изготавливают коклюшки. Кому-то нравится береза. Она дает сухой звук. Кому-то елка. У нее глухой звук. Кому-то по душе черемуха. Из нее коклюшки самые звонкие. Кому-то легче держать в руке коклюшку выточенную, кому-то – вырезанную.

Кто-то перестук коклюшек сравнивает с барабанной дробью, кто-то – с позвякиванием посуды. «Кажется, тут не работают, а постоянно обедают!» – сделала обидное сравнение одна журналистка. Но больше всего кружевницам понравилось другое сравнение – учительницы, которая привела как-то свой класс на экс-

Одна из последних мастериц-надомниц, 80-летняя мерница Галина Григорьевна Морозова, совмещает плетение кружева и приготовление обеда. Такое мастерство может дать только 65-летний опыт!

курсию. Она сравнила звон коклюшек с пением птиц в лесу. Возможно, такое сравнение ей подсказали цветы, листья и птицы на кружевах. Другой важный инструмент кружевницы – подушка. Цилиндрический валик из плотного картона набивается прямыми ржаными соломинками. Каждую соломинку укладывают ровно, один край ее подгибается. Для такой укладки нужна очень умелая рука, ведь от плотности подушки зависит качество плетения. Нужно, чтобы картон с рисунком плотно прилегал к подушке, чтобы булавка в воздух не попадала. Подушки хватает на-

долго – на 15–20 лет. Для большого кружева нужна большая подушка весом 7–8 килограммов.

На подушке булавками крепится рисунок, который называется «сколок». По булавкам и идет плетение кружева. Работа эта требует невероятной кропотливости и усидчивости. Во время нее кружевницы успевают обсудить не только все новости и свои личные дела. При нас они обсуждали новые пяльцы своей подруги Екатерины Оссовской. На пяльцах стоит подушка. Пяльцы Оссовской раскрашили красивыми узорами. Кружевницы подходили к ней по очереди и высказывали свое одобрение. «Это

Свадебное платье из кружева, платье на выпускной вечер из кружева... В Вологде это стало модным. А на изготовление мехового жакета с кружевной отделкой «столичные штучки», оказывается, встают в очередь

они вас стесняются, а без посторонних они могут и спеть хором!» – рассказывает наш экскурсовод Илья Сергеевна Верещагина. Предпочтение отдается русским народным песням. Современную эстраду они недолюбливают. С большим уважением вспоминают визит к ним великой русской певицы Людмилы Зыкиной. По их просьбе она прямо тут исполнила несколько своих песен в знак признательности и восхищения работой кружевниц.

Рядом с каждой мастерицей лежит накидушечка, которой она закрывает кружево – чтобы ненароком не испачкалось. Руки в течение дня кружевницы несколько раз тщательно моют: нельзя, чтобы на белоснежном кружеве осталось хоть одно пятнышко. Технология кружевоплетения остается неизменной вот уже триста лет. Даже садятся кружевницы, как и в старину, рядами, поближе к окнам, чтобы солнечный свет падал с левой стороны. Кажется, это под его лучами, а вовсе не под руками женщин, расцветают на подушках, набитых соломой, сказочные кружева.

Обычно все удивляются тому, сколь быстро плетут кружевницы. Боль-

шие рисунки делятся на несколько частей, а потом сшиваются вместе. Такое кружево называется сцепным. Для него-то и требуются большие тяжелые подушки. Есть еще мерное кружево, состоящее из одного повторяющегося узора. Кстати, мерницы набивают подушки опилками, а не соломой. Мерницами тут зовут мастериц-надомниц. На известной картине Тропинина «Кружевница» изображена как раз мерница. Среди мерниц в Вологде сегодня есть бабушки за 80 лет. С любимым кружевом, за которое многие из них сели в пятилетнем возрасте, когда ножки до пола не доставали, не расстаются. Во время войны оно спасало их от голода, после войны помогло вырастить детей. Среди кружевниц фабрики у многих еще бабушки были мерницами. Как, например, у Татьяны Макаровой. На последней выставке-ярмарке «Русский лен» она получила главный приз – «Серебряную коклюшку». Слова начальника цеха: «Художник так не нарисует, как Татьяна сплетет» мастерица выслушивает с достоинством. Скромно поправляет: «Мне тоже приходится что-то переделывать». Но, судя по тому, как она,

не глядя, справляется с несколькими парами коклюшек, в это трудно поверить.

В детстве бабушка Ануфрия часто брала ее на деревенские посиделки, где за кружевом собирались мастерицы. Пели песни, рассказывали сказки, а девочка сидела на скамеечке и слушала, наматывая на пальцы нитки. Плели бабушки подзоры, вставки и узоры на полотенца. По заказу готовили приданое деревенским невестам. Ну а настоящий интерес к кружеву Татьяна проявила, когда ее семья переехала в село побольше. Там в школе был музей кружева. И она сразу вспомнила вечерние посиделки бабушкиных подруг. Училище, где готовили кружевниц, привлекло ее и полным гособеспечением: помимо нее в семье было еще четверо детей, семья постоянно нуждалась, уход дочери в училище стал облегчением этого бремени. Кстати, почти все кружевницы родом из многодетных или бедных семей.

Особенно довольна выбором Татьяны была мама. Кружево укротило непоседливый характер девушки. Принято справедливо считать, что у кружевниц спокойный характер, прежде чем что-то сказать, подумают. «Ну, бывает, и скажем», – смеется Татьяна. Это профессиональное качество не срабатывает в одном случае. Когда кружевницы балуют подарками из кружева своих близких подруг, а те не способны оценить его и ставят на салфетку горшок с цветами или стирают в стиральной машине, вот тогда горькое и обидное слово кружевницы может им запомниться надолго.

В плохое настроение кружевниц поверить невозможно. Кружево, лежащее на подушке у каждой из них, создает праздничную атмосферу и наполняет душу отрадой. Удивительно видеть, как в центре большого города, работая старинными инструментами по технологии трехвековой давности, мастерицы выплетают льняные узоры, способные соперничать по сложности с самым затейливым инеем на окне. Только этот иней, созданный руками русских мастериц, никогда не растает. ❀

Игорь Савельев [Уфа]

ПО ОБЕ СТОРОНЫ ЗОНЫ RU

В КОНЦЕ ОКТЯБРЯ В ПОДМОСКОВНОМ ПАНСИОНАТЕ ЛИПКИ ПРОШЕЛ X, ЮБИЛЕЙНЫЙ ФОРУМ МОЛОДЫХ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ. ПОЧТИ 200 ЧЕЛОВЕК ИЗ-ЗА РУБЕЖА И РОССИИ СОБРАЛИСЬ ВМЕСТЕ, ЧТОБЫ ПОРАБОТАТЬ НА СЕМИНАРАХ ПОЭЗИИ, ПРОЗЫ, ДРАМАТУРГИИ И КРИТИКИ, КОТОРЫЕ ПРОВОДИЛИСЬ СТАРШИМИ МАСТЕРАМИ, СОТРУДНИКАМИ РЕДАКЦИЙ ВЕДУЩИХ ТОЛСТЫХ ЖУРНАЛОВ, А ТАКЖЕ – ЧТОБЫ ПОЗНАКОМИТЬСЯ, ПООБЩАТЬСЯ И ВЕСЕЛО ПРОВЕСТИ ЭТУ СУМАСШЕДШУЮ НЕДЕЛЮ.

ЭМОЦИИ КИПЕЛИ: МАЛЬЧИШКИ И ДЕВЧОНКИ ОБМЕНЯЛИСЬ e-mail и номерами «асек», братались и ссорились, хвалили и ругали тексты друг друга, переживали насчет того, что скажут на семинарах о них... Мне посчастливилось пройти по конкурсу прозы с романом «Терешкова летит на Марс» (семинар «Нового мира»), поэтому все это «буйство красок» я наблюдал изнутри, и некоторыми впечатлениями хотелось бы поделиться. Организатором Форума выступил Фонд социально-экономических и интеллектуальных программ, возглавляемый Сергеем Филатовым, при поддержке фонда «Русский мир».

Гитара, физика, война

Возрастные границы на Форуме несколько размыты. Официальный потолок для участников конкурса – 35 лет. И неудивительно, что за нашим дружеским столом по вечерам оказывались люди с совершенно разным жизненным опытом. Одному могло быть 19 (Сергея Кубрин, студент из Пензы, перспективный прозаик), а другому – 32. Собственно, об этом «другом» я хочу рассказать подробнее.

С Дмитрием Лоскутовым нас поселили в одной комнате. Молодой человек пишет яркие, самобытные стихи, на Форуме работал на семинаре поэзии журнала «Октябрь». А в момент знакомства более всего

Торжественное
открытие
форума

заинтриговало то,
что он – из Тбилиси.
«Как же ты сюда добрался? Как вы там вообще живете?» –

сыпал я вопросами, подразумевая под «вы» русских да еще и писателей. Это в первую очередь интересовало всех, с кем Дима знакомился. На первый вопрос он отвечал обстоятельно, описывая изматывающие сложности, с которыми связан выезд из Грузии в Россию. Очереди перед бывшим российским консульством, которое сегодня именуется специальным отделом дипломатического ведомства Швейцарии. Трудности с получением визы. Дмитрию очень помогли организаторы Форума, которые, строго говоря, официально должны обеспечить лишь проживание, питание и собственно семинары. В случае Дмитрия фонд, во-первых, на удивление быстро мобилизовал российские министерства – и нужные факсы в консульство были отправлены, после чего визу выдали мгновенно; во-вторых, в частном порядке оплатил билеты. С гражданами России проще. Организаторы ходатайствуют об оплате проезда делегатов перед властями регионов. Где-то на эти ходатайства реагируют с большим энтузиазмом, где-то – с меньшим, но в целом машина работает. Но с Грузией?.. Было бы безумием, если бы российские ведомства обратились к властям этой страны с просьбой обеспечить проезд делегату...

Я спросил, давно ли он был в столице России. «Если считать транзитное ожидание в «Шереметьево» за визит в Москву, то в 2002 году».

О себе Дмитрий рассказывал скупое. Уже потом, из буклета Форума, я узнаю, что два года назад он победил в конкурсе поэтических переводов с грузинского на русский, организованном Фондом Ельцина.

– Я родился и вырос в Тбилиси, как и мои родители. Окончил физико-математическую школу, затем – физфак Тбилисского госуниверситета... Что-то писал с самого детства, наверное, как все. Естественно, считал себя поэтом, набивал на печатной машинке свои «шедевры» и сам себя цитировал практически во всех

школьных сочинениях (благо выбирал свободные темы). Научился играть на гитаре, что способствовало привлечению меня в довольно таки шумные и не очень здоровые, в смысле алкоголя, компании, о чем никоим образом не жалею. Да, окончить обучение в музыкальной школе-студии помешала гражданская война.

Первая публикация состоялась в окружной военной газете, чему помогла моя будущая супруга, и потом – несколько лет тишины. Пока моя подборка со стихами не попала в руки местному поэту Игорю Эбюву, а через него – в альманах «Мансарда». Если опустить подробности, то в итоге я оказался в литобъединении «МОЛОТ О.К.», которому в этом году исполнилось пять лет. За все это время мы сменили три места базирования, бывало, работали и на свежем воздухе. В первый год было до 30–35 человек у нас, сколько нас сейчас – сказать трудно. Может, 10, может, 15. Но это костяк. А новый поток молодежи – скорее, ручеек – вливается потихоньку в наши ряды. ...Что такое «МОЛОТ О.К.», автор этих строк узнал из разнообразных заметок о сегодняшней русской литературе Грузии, которые Дмитрий позже любезно прислал. «Молодежное объединение литераторов, обитающих в Тбилиси, – о'кей». Такое экспрессивное и оптимистичное название. Судя по этим заметкам,

литпроцесс действительно теплится «на руинах»: легендарный журнал «Литературная Грузия» с трудом дотянул до 2003 года, русская секция Союза писателей насчитывает всего десяток человек, а сам союз существует «бездейственно и молчаливо». Живы несколько литобъединений...

Главная беда, считают сами писатели, это обвал профессионализма. Когда я читал подробную, как регистрационная книга ЗАГСа, хронику жизни ЛИТО и выхода редких малотиражных альманахов, то вспомнил вдруг это ощущение от лекций по истории «зарубежки»: что высокая словесность античности вдруг обвалилась в какой-то каменный век, в первобытное отсутствие литературы, в котором с трудом вызревали редкие анонимные эпосы. Так и здесь. Все выпускается самиздатом. Качество кустарное. Тиражи мизерные. Нормальные произведения не отделить от графомании, изданной за счет авторов. Интересные журналы, не состоявшиеся только потому, что они отпечатаны на пишущей машинке в нескольких экземплярах... Отсутствие критики... Если читатель, пусть не массовый, книги и существует, то покупатель – уж точно нет. Российским провинциям проще. Там многие схожие проблемы давно уже решил Интернет.

Дмитрий Лоскутов тоже избегал политики в разговорах. В курилке я

не мог не спросить его про август 2008-го. Он на удивление спокойно припомнил, что жена была на последних сроках беременности, что Тбилиси опустел – все бежали из города, а он спешил домой к жене, прикидывая, попадет их район под бомбежку или нет.

В Липках Дмитрий выглядел радостным. Единственное, что его тревожило, – это как он впихнет в багаж те килограммы новых книг, которые раздавались участникам. Дима, распахивая их по сумкам, приговаривал, что в Тбилиси таких книг не найдешь. Хочется верить, что русский поэт будет бывать в России чаще, чем раз в восемь лет...

А из нашего окна...

Делегаты из ближнего (а некоторые – из дальнего) зарубежья участвуют в форумах всего несколько лет, притом что само название мероприятия по-прежнему содержит слова «молодые писатели России». И эта Россия очень разная. Одна очаровательная (и, кстати, одаренная) девушка, сверкавшая в Липках разнообразными нарядами, в последний вечер, когда ужинали перед погрузкой в автобусы, старательно заворачивала пирожки в салфетки. – Сейчас приеду домой, в холодильнике шаром покати, а до ближайшего продуктового магазина, между прочим, идти полчаса, – пояснила она.

– Где же ты живешь? – удивился я, пытаюсь прикинуть, где это в Москве такие отсталые районы.

– В самом центре... У меня с балкона видно Кремль...

Все на контрастах. Разговорились с юношей из глубинки – обитает в райцентре одной из неприметных среднерусских областей. Называть регион не хочу по причинам, которые скоро станут понятны. Лилась обычная для нашей среды беседа: где издаваться и публиковаться, на какие конкурсы лучше обратить внимание и т.д. Картинки областной литературной жизни, нарисованные нашим собеседником, были, как всегда, удручающи. Но – есть местный толстый журнал. Название нам, правда, ничего не сказало, но это уже что-то.

Дискуссия
о современной
литературе.
Сергей Филатов
и Дмитрий Бак

– Почему туда не отнесешь свои рассказы?

Парень машет рукой:

– Там только за деньги...

Так-то ничего шокирующего. Мало ли частных изданий, публикация стихов или прозы в которых – только за «взносы». Многие провинциальные альманахи лишь на такие средства и издаются... Однако выясняется, что ситуация не совсем такая. Журнал государственный, содержится местными властями. Никаких «взносов» официально нет. Главный редактор, соответственно, чиновник (руководитель пусть маленького, но госпредприятия). Деньги авторы несут ему. По сути, взятка. Есть неформальный прейскурант: сколько стоит роман, сколько стоит рассказ... Юноша рассказывает не то что с обреченностью, а просто с таким бесстрастным видом, будто так и должно быть. Мы начинаем горячиться. Доказывать ему, что с этим беспределом надо как-то бороться. Столичный критик, затесавшийся в наши ряды, страстно советует парню идти в ОБЭП, получать меченые деньги, устраивать «подставу». Не ради публикации какого-то рассказа, бог с ним, и не в копеечных, по сути, суммах дело – просто из принципа. Но разговор как-то постепенно вянет. Ибо – кто всем этим будет заниматься, кому это надо?..

Потом задумываешься: почему стала возможна такая феодализация?

Думаю, по двум причинам. Первая: «большой литературе» все эти местные структуры, а по сути, и региональные литературные процессы, стали не очень-то и нужны. Дело

даже не в том, что московские журналы и премии замкнулись в своей самодостаточной «тусовке», в чем их часто обвиняют. Они, может быть, и не вполне замкнулись. Но многих провинция интересует только на уровне имен. Логика примерно такая: вот обнаружился Иванов Иван Иванович, самородок из глухомани, пишет классные вещи. Так пусть печатается у нас, бывает у нас. А что там у них, в этой глухомани, происходит – это не особо интересно. Это заведомый шлак. Вот и выходят в губерниях никому не известные журналы и альманахи, работают какие-то катакомбные клубы и объединения, все это не встроено ни в какие системы, информации даже друг о друге минимум, люди варятся в собственном соку. Печатают на принтере брошюры, которые никем толком не будут прочитаны. И этот каменный век вообще-то мало отличается от ситуации в Грузии... В принципе, сегодня делается уже много, чтобы это преодолеть. Запущен специальный сайт – «Новая литературная карта России». В «Новом мире» ежемесячно выходят обзоры новых книг и периодики. В «Знамени» появились рубрики «Нестолличная Россия» и «Незнакомый журнал»... Но все это пока охватывается урывками, фрагментами.

Главный редактор журнала «Дружба народов» Александр Эбаноидзе ведет встречу с молодыми прозаиками (слева – Захар Прилепин, справа – Сергей Шаргунов)

Вторая причина в том, что в регионах, как для общественности, так и для властей, культура – на последнем месте. Попробовал бы в той же среднерусской области директор завода или еще какой-нибудь руководитель, пусть и малого масштаба, так же нагло, размеренно, в течение многих лет, практически в открытую брать взятки. А если речь о журнале или альманахе, даже название которого в регионе нетвердо знают, то кому какое дело, кто превратил его в свою вотчину и как они вообще там существуют...

Пожалуй, такие проекты, как Форум молодых писателей России, премия «Дебют» и им подобные тем и хороши, что позволяют ребятам из провинции увидеть другую жизнь, но не «перетаскивая» их в столицы, а давая возможность воспринять свою малую родину и свой литературный пейзаж частью одного пространства, одной литературы. А когда есть социальные сети, сотовая связь и прочие блага цивилизации, никакие границы и часовые пояса уже ничего не значат. Новое поколение писателей растет другим и уже не замкнется в своих захолустных мирах.

Кстати, о птичках, то есть о рыбах

Распорядок дня в Липках был железный: сколько бы ни засиживались юные – и не очень – литераторы в круглосуточном баре, к 10 утра все как штык являлись на свои семинары, ну а после обеда начинались «лекции» в актовом зале. Считалось, что посещение их обязательно, однако многие, как выразился один из литературоведов, манкировали. И тут, опять же, сказывалась разница в возрасте и жизненном опыте (как следствие – интересах). Когда в пансионат приехал известный экономист Михаил Задорнов, то на его выступление, посвященное кризису и прогнозам, пошли в основном те, кто постарше. А когда на сцену выходили старшие писатели, то наполняемость зала прямо зависела от их известности у широкой публики, и эту странную для профессиональной среды «попсовость» никак не удавалось преодолеть. Как бы ни

были необычны рассказы Алексея Варламова о Платонове, Алексее Толстом, Булгакове, Грине (на протяжении многих лет Варламов работал над их биографиями для серии «Жизнь замечательных людей»), на Дмитрия Быкова сбегалось больше народу. Закон жизни...

Организаторы мероприятия справедливо решили, что не обязательно «кормить» молодых писателей лишь их коллегами, пусть старшими, пусть популярными. Главное – чтобы человек был интересный. Расчет оправдался. Когда в Липки приехал летчик-космонавт Алексей Леонов – старенький, но в щегольском френче серометаллического оттенка, и уголок алого платочка был идеально подобран под орденские ленты двух звезд Героя Советского Союза, – набился полный зал. Леонов держал внимание мастерски. Начав по-свойски («А с Алтая есть кто?.. Ты?..»), он расписывал не парадные стороны космических побед, а больше «травил байки»: «На орбите мы должны были провести опыт с рыбками... Они были в контейнере с водой, но он, к сожалению, разгерметизировался... В бортовом журнале был вопрос: как себя чувствуют рыбки? Мы написали: рыбки чувствуют себя хорошо, они умерли...» Впрочем, помимо веселья было затронуто и немало серьезных тем. В Леонова влюбился весь зал. Спустя несколько дней, когда торжественно закрывали Форум, один из немолодых мастеров вышел на сцену и сказал, обращаясь к делегатам: «Отдельное спасибо вам за ту десятиминутную овацию, которую вы устроили Леонову. Я прослезился. Это ведь наша молодость. Спасибо за то, что для вас это так же дорого». Такие встречи ценны и тем, что начинающие писатели – как исследователи человеческих душ (при всей одиозности этой, чуть измененной, формулы) – учатся спорить, что-то воспринимать критически. Леонову задали вопрос о скандале с не присвоением космонавту Максиму Сураеву звания Героя России. (Разумеется, Леонов отозвался об этом крайне негативно.) Но почему-то «за счет» летчиков Андрея Ламанова и Евгения Новоселова, спасших жиз-

Алексей Леонов и молодые писатели

Дмитрий Быков – автографы

ни десятков пассажиров и посадивших неисправный Ту-154 на заброшенный таежный аэродром. – Почему работа космонавта, который много месяцев готовился к полету, провел уникальные работы на орбите, очень многое сделал, – это не героизм, а посадка при выпущенных шасси и работающем двигателе на аэродром, пусть и аварийная, – оценивается выше? – спросил Леонов. Впрочем, небольшие разногласия никак не влияли на симпатию Алексея Леонова и слушателей – взаимную: наш собеседник радовался, что в зале так много молодых лиц, и рассказывал про наших ровесников – молодых ребят из Центра подготовки космонавтов им. Ю.А. Гагарина. Было приятно, что Алексей Леонов сравнивает нас с ними. И в этой связи обратила на себя внимание еще одна маленькая деталь. Гость несколько раз упомянул московскую гостиницу «Юность». Мол,

«мы с Юрой (Гагариным) были в «Юности» и пошли в тамошнюю парикмахерскую бриться...». Я и раньше встречал упоминания об этой гостинице как о месте «тусовки», говоря современным языком, прославленных космонавтов 60-х. Сегодня это – ничем не примечательная, довольно старая «стекляшка» возле третьего транспортного. Но именно в ней проводится премия «Дебют». И именно там каждый год живут и «тусуются» пишущие ребята из разных уголков России... Эта тоненькая ниточка, может быть, и выглядит смешно, но дело даже не в ней и не в гостинице. Просто приятно чувствовать преемственность. Может быть, одна из главных задач Форума молодых писателей России и близких ему проектов – как раз в том, чтобы дать ребятам из разных уголков страны и ближнего зарубежья ощутить себя преемниками творческих, думающих русских людей прошлого. ■

Любовь Румянцева [Санкт-Петербург], фото Ольги Шурухт

«ЗДЕСЬ – ПАПА, В ТАДЖИКИСТАНЕ – БАБУШКА»

НЕ ВСЕ ИЗ ЭТИХ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ ХОРОШО ГОВОРЯТ ПО-РУССКИ. НО ЭТО НЕ ЗНАЧИТ, ЧТО ОНИ НЕ МОГУТ РИСОВАТЬ, РАССКАЗЫВАТЬ О СВОИХ СЕМЬЯХ, УВЛЕЧЕНИЯХ И ДРУЗЬЯХ, МЕЧТАТЬ О БУДУЩЕМ. ОТ ДЕТЕЙ МИГРАНТОВ В ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕМЯ ПРИНЯТО ОТМАХИВАТЬСЯ ТАК ЖЕ, КАК И ОТ ИХ РОДИТЕЛЕЙ, – ОДНИМ ОБИДНЫМ СЛОВОМ: «ПОНАЕХАЛИ!» НЕ СЛУЧАЙНО ВЫСТАВКУ В МУЗЕЕ АННЫ АХМАТОВОЙ НАЗВАЛИ «ПАРАЛЛЕЛЬНЫЙ ПЕТЕРБУРГ» – ВЕДЬ «ПОНАЕХАВШИЕ», ЖИВЯ В ТОМ ЖЕ САМОМ ГОРОДЕ, ЧТО И МЫ, СУЩЕСТВУЮТ В ПАРАЛЛЕЛЬНОЙ ВСЕЛЕННОЙ, О КОТОРОЙ КОРЕННЫЕ ЖИТЕЛИ КУЛЬТУРНОЙ СТОЛИЦЫ ЧАСТО НЕ ИМЕЮТ НИ МАЛЕЙШЕГО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ.

В ОТ УЖ ЧЕГО НЕ ОЖИДАЕШЬ УВИДЕТЬ В МУЗЕЕ АННЫ АХМАТОВОЙ В ФОНТАННОМ ДОМЕ, ТАК ЭТО... маршрутку. Обычную оранжевую «газель», вид которой уже стал неотъемлемой частью любого городского пейзажа.

Да что говорить, «южный» водитель, громко разговаривающий по мобильному телефону на своем языке и с некоторым трудом понимающий просьбы пассажиров, – это тоже привычная ежедневная картина.

«Мы специально в самом начале нашей выставки поставили маршрутку, – рассказывает аспирант Высшей школы экономики, социолог Вероника Костенко. – Это стереотип, ставший «символом» приезжих из других стран. Мы подчас сталкиваемся с «параллельным Петербургом» исключительно по утрам в транспорте, он вызывает в нас только раздражение. Таким образом мы бьем по эмоциям взрослых посетителей, умышленно столкнув их с болезненной реальностью. Те, кто не отшатнется и пойдет дальше, увидят другую сторону жизни приезжих. Кстати, для детей и подростков экспонат «маршрутка» – просто увлекательный аттракцион: можно сесть внутрь, посадить сзади пассажиров, поругать. Ни о каких стереотипах юные водители пока представления не имеют».

Выставка «Параллельный Петербург» – единственный в своем роде проект, причем сразу по нескольким параметрам. Во-первых, чтобы устроить ее, объединились социологи из лаборатории социальных исследований Высшей школы экономики и петербургские художники, что само по себе – редкость. Во-вторых, пока это одна из немногих реальных попыток познакомить

одних жителей города с другими и помочь им если не подружиться, то хотя бы понять друг друга.

«В городе постоянно действуют какие-то программы толерантности, но, по сути, дело ограничивается только наружной социальной рекламой о многонациональном Петербурге и «Лезгинкой» во время отчетных выступлений, – говорит Вероника Костенко. – Это, конечно, хорошо, но пользы мало. Мы решили обратиться к подросткам, живущим в городе».

Сами себе журналисты

Выставку готовили полгода. Сначала за работу взялись социологи. Они отправились в школы, где, говоря чиновничьим языком, «силен этнический компонент». В основном это оказались учебные заведения в центре города, но были и в пригородах – например, в Пушкине, в окрестностях которого осел цыганский табор. Социологи провели интервью более чем с 200 детьми и подростками от 7 до 16 лет, представляющими армянскую,

азербайджанскую, греческую, грузинскую, ингушскую, лезгинскую, осетинскую, таджикскую, цыганскую, узбекскую, чеченскую, черкесскую и другие диаспоры. Детей расспрашивали о семье, о национальных праздниках, о любимых местах в Петербурге, о том, каково это – быть мигрантом.

«Если бы мы – взрослые и незнакомые дяди и тети – начали спрашивать наших респондентов о самом сокровенном, да еще и перед камерой, то они мало что нам рассказали бы, – уверена Вероника Костенко. – Поэтому мы придумали такой ход – разработали список вопросов, чтобы дети их задавали друг другу. Такая игра в журналистов. Сработало очень хорошо – почти все открыто и подробно рассказывали своим одноклассникам о своей жизни в Петербурге. Конечно, в каждом классе много как русских, так и нерусских детей, но мы решили, что не будем разделять их – в опросе участвовали и те, и другие».

Интервью могут дать далеко не все участники этой выставки. Первоклашки – это чаще всего дети выходцев из Средней Азии – пока не освоили русский язык.

«Нам очень помог Красный Крест, который занимается как раз такими детьми, – рассказывает Вероника. – Многие из них чувствуют себя очень одиноко в незнакомом городе, где они толком даже не могут со сверстниками поговорить. Мы предложили им лечь на картонку, обвести свою фигуру по контуру и раскрасить ее потом красками и кусочками ткани.

Результаты детского творчества теперь можно увидеть на выставке. Особенно хорошо удалась фигурка девочки – в цветных штанах, где каждая штанина своего цвета, с улыбкой на нарисованном лице, лукаво прищуренными глазами. «Это сделала семилетняя Малика, – объясняет Вероника. – Она совсем плохо говорит по-русски, но когда мы ей чуть ли не жестами объяснили задание, она взялась за него с большим рвением и подошла творчески. Ей очень хочется общаться, ведь пока ни с кем, кроме своей семьи, она дружить не может. Вот она и самовыражается». Некоторые первоклашки не ограничились только рисунками. Они еще и подписали свои «портреты»: «Мамедов Эльшан, папа Искандер, маму зовут Сайду».

«Папа был здес, папа был рат»

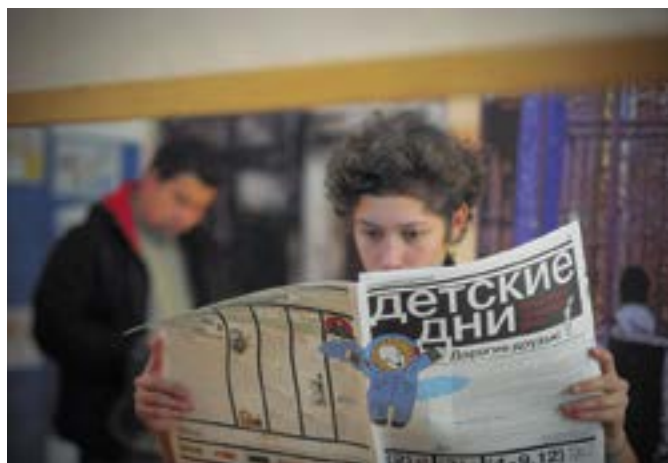
Для детей чуть постарше предложили другой способ самовыражения: взять старый чемодан и вместе с художниками разукрасить его – «положить внутрь» самые яркие моменты жизни. Задачу перед детьми поставили непростую – нарисовать свою жизнь и в родной стране, и в Петербурге.

Один из чемоданов мог бы сам по себе стать отличным уроком толерантности для тех, кто любит раздраженно ворчать, что, мол, гастарбайтеры не только сами сюда на заработки приезжают, но еще и семьи свои перетаскивают! Второклассник из Узбекистана вырезал из бумаги самолет, а рядом с ним – фигурку мужчины с цветами. И подписал (орфография со-

хранена): «Папа был здес, мы с мамы прилетали из Узбекистана вдвоем. Папа был рат!» В этих по-детски безграмотных строчках чуткий зритель прочтет многое: и дружную семью, вынужденную разлучиться, и радость встречи отца с сыном и женой, и тоску одинокой жизни в чужом городе. Может быть, именно такая нехитрая детская поделка уберезет хотя бы одного из посетителей выставки от слова «понаехали».

Есть, кстати, чемоданы, где родная страна ребенком воспринимается уже лишь как место для летнего отдыха. «Меня зовут Азар. В июле уехал в Азербайджан. Мне понравилось. Там есть игрушки и фрукты. А потом я уехал домой в Россию». На чемодане нарисованы цветы и фрукты, отдельно приклеен большой красно-зеленый кружок, для ясности подписанный: «арбуз». Кто-то рисует два дома, оба одинаково родные – ведь «здесь – папа, а в Таджикистане – бабушка».

«В старших классах больше выходцев из Кавказского региона, и они уже куда больше интегрированы, – делают выводы социологи. – Их родители переехали в Петербург в 90-е годы, некоторые даже раньше, дети выросли в России и чувствуют себя здесь как дома – кроме тех случаев, когда им грубо напоминают об обратном. А в младших классах сейчас учатся выходцы из стран Средней

Азии, чьи родители приехали сюда всего несколько лет назад. Этим детям труднее, многие из них признавались, что хотят обратно домой». «Есть люди хорошие, а есть расисты, – рассуждает в интервью 12-летняя грузинка. – Могут на улице обругать, обозвать нехорошим словом. Мне не страшно, но очень обидно. За что? За то, что у меня волосы темного цвета? Я ведь говорю по-русски не хуже их самих!» «О том, что в Петербурге не все гладко с толерантным отношением к приезжим, знают везде, – вздыхает Вероника Костенко. – Показательно уже и то, что школы, в которых мы проводили опросы детей, попросили не афишировать их номера. Чтобы лишние люди не знали, что в такой-то школе учится много представи-

телей национальных меньшинств. Но в проекте «Параллельный Петербург» мы не ставили задачу рассказывать о проблемах мигрантов. Проблемы есть, никто не спорит – в центральных районах не случайно оказалось много приезжих: их родители вскладчину снимают комнаты в коммуналках, многие живут в расселенных домах, предназначенных под снос. Но мы хотели показать одним детям, как живут другие дети. И как выясняется, между теми и другими не так много различий, как кажется на первый взгляд». Для тех, кто приходит на выставку и участвует в «уроках толерантности», проводимых социологами, действительно становится открытием, что их сверстники, хоть и выглядят по-другому, имеют странные на слух

имена, говорят с акцентом, на самом деле мечтают о том же самом, о чем и все дети в их возрасте.

«Я хочу стать ночным диджеем, но моя мама не одобряет ночного образа жизни, – рассказывает 15-летняя армянка. – Поэтому я пойду в экономический колледж».

«Я хочу стать футболистом!» – повторяют друг за другом 11-летние одноклассники – из Грузии, Армении, России.

«Я мало времени провожу с родителями, – рассуждает 14-летний школьник, чьи родители приехали из Чечни. – То школа, то друзья, еще танцами занимаюсь. Поэтому считаю, что надо проводить с ними все главные праздники – и мусульманские, и русские».

«Цыганские свадьбы куда веселее русских, – рассуждает девочка из цыганской семьи. – Там всегда по 200 человек гостей. Вы знаете, сколько у меня братьев и сестер? Только не смейтесь – 14!»

Правда, за редким исключением старшие дети главными праздниками называют свой день рождения и Новый год – ничем не отличаясь в этом от своих «местных» сверстников. Да и в Петербурге многие из них уже облюбовали свои любимые места – от стандартных Эрмитажа и Невского проспекта до тайных закоулков, где «хорошо думается».

«Я очень люблю крышу на Стремянной улице, там люблю порисовать», – рассказывает один. «Очень здорово гулять по набережным каналов», – говорит другой.

«Я веду уроки толерантности и вижу, что те, кто к нам приходит, по большей части настроены позитивно, – говорит Вероника Костенко. – Им нравится сама выставка – тем, что тут можно трогать все экспонаты, отвечать на вопросы, рисовать. И к сверстникам своим других национальностей дети относятся со здоровым интересом, пытаются запомнить названия национальных праздников, слова приветствия на чужом языке. Главное – чтобы они избавились от предрассудков, в том числе и привитых родителями. Начинать надо с детей. Если детям мигрантов помочь интегрироваться в наше общество, то в следующем поколении никаких проблем уже не будет». ❶

Оксана Прилепина, фото Андрея Семашко

Самая
большая в мире
русская печь –
к сожалению,
не действующая

ЛЕГЕНДА О СОТВОРЕНИИ МИРА

ТРИ ГОДА НАЗАД ЭТОЙ ИДЕЕЙ загорелся московский бизнесмен Руслан Байрамов. Собрав единомышленников и около тридцати организаций, он создал компанию «Этнодеревня» и благотворительный фонд «Диалог культур – единый мир». «Чтобы узнать человека, надо побывать у него дома», – вспомнил старую народную мудрость Руслан и за основу своего музея решил взять так называемые этнодворы. Если говорить проще: традиционное жилище какого-либо народа с двором. На каждый такой этнодвор

На 83 гектарах калужской земли поместятся 52 страны. Не верите? И зря. К 2012 году под Боровском должно быть завершено строительство уникального культурно-образовательного центра «Этномир».

в «Этномире» выделяется не менее гектара. И, между прочим, в некоторых этнодворах уже живут представители этих самых народов. Так, в культурно-образовательный центр переехали семьи из Белоруссии, Украины и Туркмении. К 2012 году вся инфраструктура должна быть закончена, и «Этномир» будет состоять из 52 этнодворов со всех континентов. Пока же полно-

стью построены «Россия», «Украина», «Белоруссия» и «Север». В следующем году откроется улица Мира, на которой будет представлена архитектура, характерная для разных стран. Будут здесь культурно-образовательные центры, гостиницы, рестораны и даже дендропарк. А территорию украсят различные скульптуры. Некоторые из них можно увидеть уже сегодня: Маленького принца, Арину

Украинский двор

Печки
в «Этнодворе»
топятся
постоянно,
в них даже
пекут хлеб

Родионовну с маленьким Александром Пушкиным, мать Терезу и даже Конфуция и Лао Цзы. Единственное, чего в «Этномире» нет и не будет, – это культовых сооружений и религиозных проповедей.

В целом проект оценивается в 300 миллионов долларов, сейчас в него вложено более 10 миллионов. Руслан Байрамов ломает голову, по какому сценарию реализовывать

проект дальше. «Первый – частно-государственное партнерство, но государство сейчас занимается другими проектами, – говорит Руслан. – Второй сценарий – взять кредит лет на двадцать в западных банках. Самый лучший – третий. Но он и самый тяжелый: предложить странам строить у нас свои этнодворы». Такая договоренность есть с Непалом, сейчас идут аналогичные переговоры с Китаем и Индией. Из российских регионов готовы обсуждать эту идею Карачаево-Черкесия и Якутия.

Руслан Байрамов говорит, что с самого начала планировал, чтобы «Этномир» перерос в этнопоселение. «Здесь будут жить 3000 человек – работать, продавать свою продукцию. Сейчас мы уже готовим рекламный ролик:

мол, заселяем «Этномир» хорошими людьми». Под «хорошими» подразумеваются те, кто умеет зарабатывать на жизнь собственными руками, причем продукт творчества должен представлять этническую или экологическую ценность. Желающие тут жить и работать должны будут либо сразу выкупить свой участок земли, либо в процессе налаживания мелкого бизнеса получать в «Этномире» зарплату, а затем взять ипотеку и выкупить землю. Кроме того, на территории будет размещен образовательный центр с авторскими методиками обучения, но пока нет ни энтузиастов, ни соответствующих программ. Вся земля продаваться не будет, чтобы в итоге этнодеревня не превратилась в банальный дачный поселок.

Белоруска
Екатерина
Поклонская
снимает хлеб

Елена Мазурина,
экскурсовод,
мастерица,
специалист
по кукле

«Когда мы только начинали, юрты поставили, то не продавали алкоголя и мяса, – рассказывает Руслан. – Продержались только полтора года, потому что даже первые поселенцы, современные кочевники, без этого не могли. А сам я вегетарианец уже семь лет. В общем, мы открыты для изменений. Но куда наша энергия пойдет, во многом зависит от нас».

Печка: пылесос, кювез и метеостанция

Проходим ресепшен, минуем двухметровых Конфуция и Лао Цзы, пару юрт, гирлянду из 52 флагов разных стран над головой, оставляем позади стройку улицы Мира с

незавершенными гипсовыми имитациями домов Индии, Латинской Америки, США, Италии, Греции и попадаем на огромную зеленую равнину с лесами и избами. Добро пожаловать в «Россию»!

Двенадцать этнодворов с разными типами изб (они, кстати, отличаются главным образом расположением печи и крыльца). В центре «России» стоит самая большая в мире печь, конечно, не функциональная. Кажется бы, эта часть рассчитана в основном на иностранцев, чего мы-то про свою родину не знаем?! Но, послушав час-другой экскурсовода, каждый, к своему стыду, понимает: мы почти ничего не знаем! Пробелы призваны

Кукла Семья:
сесьмое «я»,
мужчина,
надежно
укрыт

заполнить около 30 экскурсий, а также мастер-классы по изготовлению народных кукол, хлебопечению и гончарному искусству. За все экскурсии в «Этномире» отвечает старший экскурсовод Евгения Затока – ученый-биолог, приехавшая сюда из

Туркмении с сыном Иваном, выпускником истфака. Иван ведаёт в «Этномире» секцией детских игрушек – ох, есть во что у него поиграть и детям, и взрослым: прототипы йо-йо, юлы, городков, разные «накидушки», подвижная групповая забава «свиньи»... В свободное время Иван увлеченно создает аналог знаменитого томского кукольного театра «Два+Ку». Создатель театра «кукол на запястье» Владимир Захаров уже согласился учить Ивана мастерству.

Евгения Затока заводит нас в избу Великоустюжского района Вологодской области, это – северосреднерусский тип избы: в ней крыльцо поднято на уровень пятого венца (бревна), а печь стоит так, что устьем (место, куда кладут дрова и горшки) смотрит в окно или стену, противоположную двери. В сених висит ботало (большой колокольчик, который привязывали на шею коровам, лошадям), цеп (им молотят зерно), поняга (она же крошны – станковый рюкзак из бересты), пестерь (закрытый берестяной рюкзак) и прочая утварь. Переступаем через 30-сантиметровый порог (чтобы не задувало), а Евгения командует: «Бросайте дрова в печь!» В процессе растопки печи выясняется, что дрова надо класть под углом

Гончар Владимир показывает кувшин в любимой технике японского декорирования

Три кувшина на переднем плане обожжены в молоке из магазина, мастер этот цвет считает некрасивым

45 градусов к топке и аккуратно двигать кочергой, иначе горшки с едой упадут в огонь. «Сколько профессий печки вы можете назвать?» – не дает она нам дремать. Елене хорошо, она недавно и внимательно читала Александра Афанасьева, Бориса Рыбакова и Марию Семенову, общалась с бабушками. А мы стоим и позоримся. Все знают про тепло, свет, приготовление еды. Но оказывается, в печи «допекали» недоношенных младенцев, как в кювезе. В первые минуты жизни клали на лопату и свалили прямо в топку, по необходимости процедуру повторяли. В печи люди парились: залезали через узкое отверстие внутрь, а вместо мыла использовали

вымоченную в воде золу. В подпечье зимой жил мелкий домашний скот: куры, утки, даже телята и бараны. Деревянная пристройка к печи, прообраз гардероба, называлась голбец, в Калужской области – казенка. Там переодевались, сушили одежду и лекарственные травы, часто оттуда шел лаз в подпол. Печь также служила «метеостанцией» – по тяге делали прогноз погоды на день. Она использовалась как вытяжка, в ней сжигали отходы – кстати, из-за этого подметать пол всегда начинали от двери к печи, а вытягивание пыли можно еще назвать эффектом пылесоса. В печи жил Огонь, которому древние славяне поклонялись, за печкой – Домо-

вой, и он хулиганил, если домочадцы вели себя плохо. Домового ублажали, бросая угощение под печь. За печью же висели обереговые куклы от болезней. «Про куклы лучше пусть вам расскажет Леночка Мазурина, экскурсовод Музея русской печи, мастерица, жительница близлежащего города Боровска», – советует Евгения.

На счастье

Россия богата двумя с половиной тысячами разновидностей кукол, и про них многое знает статная мастерица Елена с открытой улыбкой и невероятно плавными движениями рук. «Были в России куклы из лыка, соломы, глины, дерева. Я провожу ремесленные мастер-классы по семейной обереговой кукле из лоскутиков», – начинает она. Для оберега детей во многих регионах традиционно делалась многослойная кукла Рванка, она же Кормилка и Капуста, – из рваных лоскутов без использования иголки. Если Рванку выставили в окно – это знак женихам, значит, можно свататься. Чем больше на шее куклы платков, тем богаче жениха она приманит, а если девушке удастся добыть кусок рукава от одежды любимого и сделать куклу из него – то уж наверняка этот парень и станет мужем. «Для мальчика грудастая Капуста была своеобразным тестом, – прищуривается Елена. – Если он ее разглядывает со всех сторон – значит, пора ему подыскивать невесту». Кукла Семья представляет собой мать с пятью младенцами, надев на деревяшку. «Шесть «я» мы все видим, – объясняет мастерица, – а седьмое «я» – это мужчина, опора дома. Разная реакция людей на такую информацию. Одни говорят – дубина, другие – под юбкой. Но изначально в русской кукольной традиции мужчину изображало полено, завернутое в тряпку».

Свадебная кукла называется Неразлучники – две яркие бело-красные фигурки с одной общей рукой. Нарядные Неразлучники делались свекровью, вешались впереди свадебного поезда, притягивали к себе взгляды и тем самым оберегали от сглаза. Затем они становились оберегом на всю семейную жизнь, и, если портились, значит, вбирали в

Хакасская юрта изнутри (отверстие в потолке, конечно, не застеклялось). Чем больше в юрте углов, тем дом богаче

Стол из женской половины среднеазиатской юрты

себя что-то дурное вместо людей. Когда на Русь пришло христианство, славяне еще долго хранили Неразлучников в красном углу.

В день свадьбы мать дарила дочери зольную куклу – оберег женщины, внешне очень простую. Смысл в том, что для счастья не нужно ничего, кроме мешочка золы. Матери определяли уровень семейного счастья дочки по тому, насколько кукла чумазая, как часто ее брали в руки и плакали, вспоминая родной дом. Одна из самых странных кукол – Кувадка (или Куватка), это несколько простеньких куколок северных регионов России, связанных между собой нитками. «На Севере очень долго сохранялся обряд Кувады,

связанный с рождением ребенка, – рассказывает Елена. – Считалось, что самыми не защищенными от злых духов были беременные женщины и только-только рожденные дети, поэтому женщину на время родов отправляли в баню на краю села». В момент родов мужчина сидел в предбаннике на лукошко с яйцами, символами жизни, и издавал истошные крики до тех пор, пока не слышался крик новорожденного. По поверьям, злые духи, услышав вопли, прилетали, озирались по сторонам, искали женщину, а вместо нее находили кукол на стенах предбанника. Кувадок сжигали сразу после обряда, который просуществовал до середины XVIII века.

Жилища индейцев
Северной Америки,
с них начался
«Этномир»

Убранство
хакасской юрты

Куклы-Лихоманки Огня (от жара), Кашля, Чихея, Ознобея и т.п. делались один раз в год по осени во время длинного заговора, который читала бабка-ворожея. Старшая женщина дома должна была успеть скрутить не меньше двадцати Лихоманок, положить их за печь и сжечь по весне. «Во время детских дней рождения мы делаем простенькую куклу как «отдарок на подарок» – была такая традиция дарения вместо спасибо у виновников торжества, – говорит Елена. – Часто предлагаю сделать краснотлицую Берегиню дома, традиционную в Калужской области, и нашу местную игровую куклу-пеленашечку, которая спит в лапте». Елена проводит занятия не только на территории «Этномира», иногда ее приглашают в другие города на мастер-классы для педагогов.

Ощущение вечности

На других подворьях тоже много интересного. Например, в украинской избе иногда строили дымник – маленькое высокое помещение, куда выходил черный печной дым, где коптилась солонина и защищались от паразитов вещи. На белорусском гумне есть редкие вещи: нож для торфа, лучковые пилы ручной работы, тачка на палке, которая использовалась как детская коляска. В бедные 40–50-е годы украинские и белорусские хозяйки придумали украшать дома бумагой, изрезанной орнаментами, – из нее делались даже занавески. Екатерина Поклонская три года назад с мужем переехала в «Этномир», оставив должность директора Школы ремесел в деревне в Минской области. В этой деревне много веков

жили ее предки, там до 17 лет жил и сын, там Екатерина сама основала музей. «Три года назад я узнала на выставках и фестивалях, что есть такой проект под Боровском, хоть и в зачаточном состоянии, – рассказывает Екатерина. – Опыт организации музея у меня есть, я всегда интересовалась народной культурой. Уже не говоря о том, что сама являюсь ее хранителем и носителем. Уезжая, мы с мужем на своем огороде в 25 соток посеяли пшеницу, чтобы земля не пустовала. Муж вот ездил обрезать сад». Екатерина уникальна тем, что хранит не только древние знания, но и умения. Например, она может брать из печи горячие горшки голыми руками. «Моя бабка умела, и я могу, – просто говорит она. – Я, конечно, не умею полчаса держать, просто взять кипящий котел из красной от жара печи и – переставить, не проблема. Это концентрация восприятия на короткий промежуток времени. Йоги это делают, и я вот». Готовность хлеба она проверяет на глаз. Кладет хлеб на левую ладонь, сгибает левую руку в локте и правой рукой хлопает по левой в районе локтя. Если хлеб подпрыгивает, иногда сантиметров на двадцать, значит, не сырой. В ее подворье все сделано с любовью. Над дверью висит подкова «рожками» вниз. «Ошибки нет, – улыбается Екатерина. – В европейской культуре дом – полная чаша. У белорусов другой менталитет и другие запросы в жизни. Нам лишь бы никто не мешал, не внедрялся. Мы мыслим

Украинская изба:
печь белая,
расписная и
маленькая

В такой зыбке
ребенок спал где-то
до полугода, потом –
на печь к старикам

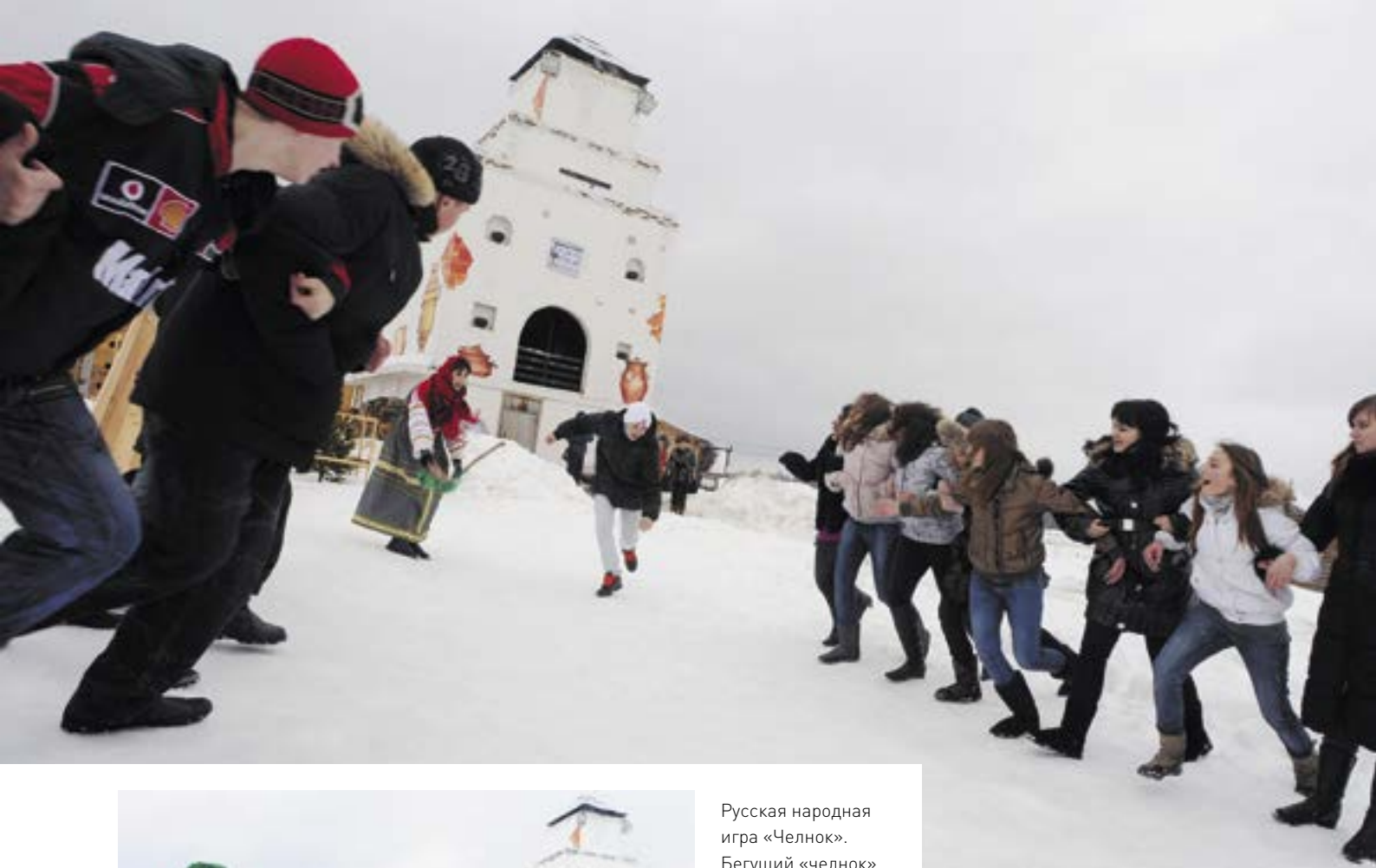

так: проходя через дверной проем, человек освобождается от негатива, то есть все, что в нем есть плохого, остается в том куполе, который изображает подкова «рожками» вниз. А в дом он входит чистым, с добрыми намерениями, с какими бы ни шел изначально». Белорусское подворье «Этномира» – это смесь изб селянских и богатых – фольварковых. Важнейшая примета фольварков (мыза, фактически усадьба, название пришло из Речи Посполитой. – Прим. ред.) – мастерские. Здесь это хлебопекарня, где ловко управляется Екатерина, ставит тесто и готовит квас по старинным рецептам, учит всех желающих.

Другая мастерская – гончарная. Ку-старя здесь изображает удивительный мастер Владимир Сенкевич, прекрасный художник. Он занимается «гончаркой» уже 24 года. Работал на Борисовском комбинате декоративно-прикладного искусства при Художественном фонде СССР. Комбинат делал штучные изделия, до 300 штук в год, и все они расходились по центральным художественным салонам страны. За глазурованные гончарные миниатюры, горшки на тарелочках размером до 1 сантиметра, Владимир даже занял второе место в престижном конкурсе, организованном Русским музеем. В его мастерской стоят каминные вазы,

из которых поражают две. Одна исполнена в технике сухой кисти – кажется, что она сделана из бронзы. А вторая – в японской технике декорирования. На сосуде Владимиру удалось отобразить движение воды между камней.

Владимир сгребает со стола в сторону поделки гостей «Этномира» (он проводит групповые и индивидуальные мастер-классы), наливает для нас в крынки кофе и начинает обычные славянские разговоры «за жизнь». Про школьные мечты о БАМе, детство за полярным кругом, советскую традицию кормить обедом всех ребятшек с детской площадки без разбора «свой-чужой», про свою по-

Русская народная игра «Челнок». Бегущий «челнок» должен успеть проскочить между смыкающимися рядами

Современная молодежь уже не знает, что в этой народной забаве эффективнее бить сбоку, а не по голове

терянность в коммерческой среде. «Я собирался завязать с керамикой, – сказал он. – Когда скатываешься на мелкие поделки, возникает кризис идей. К тому же мои ученики зарабатывают намного больше меня, от этого тоже опускаются руки. И одиночество... Скажу честно, я, конечно, могу хорохориться, но мастера такого плана, как я, во многом зависят от доброго слова. Пройдет кто-нибудь, скажет замечание – пусть он хоть трижды дурак и не прав – я не буду спать ночами. И думать: поет на моих крынках птичка или не поет, есть в ней ощущение вечности или нет». Глину для своих творений Владимир берет на берегу ближайшей

речки, сушит, колет на мелкие фракции, из нее делает массу, снова высушивает, затем разводит – готово. Из этой массы лепит произведение, сушит, а перед обжигом... макает в деревенское молоко. Эта старинная техника называется молочением, она придает изделию благородный темно-коричневый тон. Однажды Владимиру вместо парного молока принесли магазинное с годовым сроком годности, он чуть не задохнулся от химических дымов и испортил горшок. К глине у Владимира отношение особое. Впитав в себя опыт северных народов, он белую глину... употребляет внутрь: разводит в банке с водой и

каждый день понемногу пьет. Говорит, потому и не болеет. «Гончарка» – это не какой-нибудь фаянс или фарфор, – философствует мастер, – потому что она дышит через множество пор. Она делается из живой глины, которой много сотен и тысяч лет. А я всю жизнь делаю крынки. Почему? На протяжении жизни человечества самая популярная у людей книга – Библия, а самое популярное изделие – крынка для молока». Несмотря на лирику, обычную для художников, Владимиру очень нравится идея «Этномира». Он даже в минуты вдохновения написал про него сказку. О том, как собрались «дядьки» пить чай с мармеладом, поговорили и устроили этнопоселение. О нем узнали люди со всего мира, начали съезжаться. НАТО узнало, бросило вооружение, занялось прокладыванием железных дорог в «Этномир», полетели туда дирижабли. И вскоре «Этномир» стала вся планета. Удивительно, но сказка Владимира созвучна тайным планам Руслана Байрамова. «Такие «Этномиры» я хочу построить по всему миру, – говорит Руслан. – Для начала в Казахстане и Европе, а потом и на других континентах». Но пока все силы брошены на Калужскую область. ❶

РАССТРЕЛ

Юлий Беднов*

ЕЩЕ ЗАСВЕТИЛО ДЕД ВЫХОДИТ ЗАТВОРЯТЬ СТАВНИ. КАКОЕ-ТО ВРЕМЯ СУМЕРНИЧАЕМ, ГЛЯДЯ, КАК ТЕМНОТА ПРИБЫВАЕТ, ЗАПОЛНЯЕТ ЩЕЛИ В СТАВНЯХ. ПОТОМ УХОДИМ В СТОЛОВУЮ, К СТАРОЙ КЕРОСИНОВОЙ ЛАМПЕ. ДЕД ПОДВОРАЧИВАЕТ ФИТИЛЬ И ГОВОРIT: «КЕРОСИНА ОСТАЛОСЬ ПОЛБИДОНА».

МЫ УКЛАДЫВАЕМСЯ СПАТЬ. Дед гасит лампу, и темнота наваливается на меня. Я выглядываю из-под одеяла. Темнота стала прозрачной, и мне видна комната, «заросшая» темными силуэтами. Братишкина кровать – напротив. Ему тоже не спится. Очень тихо... Никак не привыкну к тишине... Всего несколько дней не бьют наши, а кажется, что немцы были всегда, что все устоялось и останется навеки как есть... Я устал... Устал ждать бомбы, снаряда, немца. Я хочу спать!

Просыпаюсь от стука в дверь. Вскрываю в ознобе. Никак не попаду в штанину ногой. Дед зажигает лампу. Все, полуодетые, уже на ногах. В комнату, как-то боком, робея, протискивается полицай в засаленной телогрейке. Он протирает запотевшие очки, шурится на огонь и виновато улыбается. С полицаем дворничиха. Она сонно и безучастно оглядывает комнату и уходит в тень, к шкафу.

Я знаю дворничиху давно: она женщина робкая и безобидная, а во мне почему-то поднимается на нее злоба. Полицай вытаскивает рваную грязную бумажку, слюнявит карандашный огрызок и ставит галочку. Нам предписано к 8 утра явиться к универмагу, захватив драгоценности и носильные вещи.

Полицай еще долго возится. Он складывает бумажку, тщательно вытирает карандаш, медленно застегивает телогрейку на все пуговицы и только тогда идет к выходу. В прихожей он спотыкается о трехколесный велосипед, поднимает его и бережно ставит в угол. Все с той же виноватой улыбкой похлопывает по велосипедному седлу и уже в дверях говорит: «Мы – люди подневольные... Маленькие...»

Когда мы возвращаемся в столовую, дворничихи уже нет. Никто не заметил, как она вышла.

Мы пакуемся молча, с ожесточенным рвением. Бабушка выколачива-

ет из зимних вещей нафталиновую пыль. Мама укладывает в ранец братишки букварь и тетрадки. Дед в нерешительности останавливается у книжной полки. Он вздыхает, отходит, снова возвращается, наконец, достает несколько книг и увязывает их в стопку. Братишка тщетно уговаривает деда взять велосипед. К утру приходящая забита чемоданами и тюками. Мы меняем белье и одеваемся во все выходное. Дед поровну делит деньги. Бабушка пытается нас накормить, но, хотя мы легли голодными, есть не хочется. Мы отказываемся. Бабушка приводит соседку Доброву. Они обе о чем-то шепчутся, всхлипывают. Доброва усаживает нас перед дорогой, а братишку крепко обнимает и крестит. Она не переставая плачет и причитает: «Бог даст... Бог даст – уладится...» Когда бабушка отдает ей ключи, Доброву трясут рыдания. Бабушка и мама тоже плачут навзрыд.

Напоследок дед заводит часы. Пусть время не останавливается... Мы уходим, когда часы бьют семь. Они провожают нас торжественным погребальным звоном...

Из подъездов и подворотен хмурых громадин появляются маленькие сторбленные люди в повязках: они, как и мы, – евреи. Они тяжело навьючены домашним скарбом. Люд-

ские ручьи сливаются в реку, и река эта от дома к дому, от перекрестка к перекрестку становится все шире. «Тюки... Кругом – тюки...» – говорит мама. Дед хмурится.

В гетто тоже живут...

Возле универсама нас уже ждут солдаты. Я вглядываюсь в их лица, перехватывая взгляд молодого немца. Он смотрит на меня с острым любопытством.

Универсам завален вещами. Мы, как и все, складываем вещи отдельно. Дед привязывает к чемодану найденную им где-то фанерную бирку и старательно выводит на ней наши фамилии и адрес.

На мостовой люди выстраиваются в колонну. У выхода на нас насккивает взрослый дегина с резиновым шлангом. Он не переставая орет: «Los! Tempo! Antzeten!» («Быстро строиться!»). Братишка затравленно жмет к матери, а мы с дедом подхватываем бабушку под руки и уволкиваем ее от немца, который заносит над ней резиновый шланг. Бабушка повисает у нас на руках и то и дело оглядывается.

Мы пристраиваемся в хвост колонны. «Простите, вы не знаете, зачем нас собрали?» – обращается к деду женщина. Дед не любит делиться догадками. Он пожимает плечами. «Наверное, в гетто... – продолжает женщина. – Или в концлагерь... Но зачем тогда вещи? Дети? Старики?...». «Видимо, в гетто...» – цедит дед. Женщина оживает: «Да, конечно... я такая мнительная... Впрочем, это профессиональное... Все врачи мнительны. Я, правда, не практикующий врач. Я вела микробиологию в мединституте... Мужа призвали в начале войны, а меня направили в госпиталь. Вообще, я ужасно невезучая... Госпиталь эвакуировался, я уже собиралась выезжать, написала мужу... А тут привезли партию раненых... Их уже нельзя было вывезти... Муж, конечно, уверен, что я в Краснодаре...»

Бабушка вдруг начинает беспокоиться. Она не заперла чемодан – при перевозке все растеряют. Она посылает меня с ключом. Я нахожу вещи на своем месте, никто ничего не трогал. В чемодане все цело. Я запираю чемодан, проверяю, хорошо ли привязана бирка с нашей фамилией.

Едва я становлюсь в строй, как колонна приходит в движение. Немцы выравнивают ряды и считают людей. Рослый немец разделяет резиновым шлангом слипшуюся человеческую массу. Каждый взмах отсекает пять человек. Второй, розовощекий, с маленьким ротиком, кажется рядом с рослым мирным и безобидным. Он смешно вытягивает шею, беззвучно считает, шевеля губами, а когда выходит задержка, что-то быстро вписывает в блокнот и недовольно морщится, как человек, которого отрывают от интересного дела. Семьи пытаются встать в один ряд, и резиновый шланг снова и снова рассекает сцепившиеся пальцы. Впереди резинового шланга суeta и движение, сзади – ровные пятерки, молчание, окаменелость... Немцы приближаются... Нас как раз пятеро... Когда взмах шланга совершает над нами злое колдовство, мы каменеem вместе, в одном ряду, и радостно стискиваем друг друга пальцы. Розовощекий немец останавливается рядом с нами. Он вытирает лоб большим белоснежным платком. Я до тошноты ощущаю, как он удовлетворен. Его стараниями бесчисленные людишки сколочены в надежный гигантский плот, который теперь, именем родины, можно сплавлять к месту назначения. И колонна трогается.

На недавно безлюдных тротуарах теснятся люди. Они стоят на протяжении всего нашего пути, спрятавшись от дождя под выцветшими плащ-палатками, рванными клеенками, промокшие и притихшие. Трудно отделить себя от них. Мы жили вместе. Вместе вышагивали на демонстрациях. Ломились во время футбольных матчей в окна трамваев. По воскресеньям парились на песчаных отмелях...

Дойдя до городского сада, мы сворачиваем с главной улицы и поднимаемся в гору. Мы в пути уже около часа, а все еще неизвестно, куда и зачем нас ведут. Если в гетто – почему просто не оцепили наш район? Если в концлагерь – зачем им старики и дети? Страшная догадка... Я заставляю себя выговорить это ледяное слово... «Смерть». Раньше я даже внутренне не произносил его.

Оно было запретным, как имя Бога. Нет!.. Немыслимо!.. Бред!.. Подряд всех – невозможно!.. Мы – мирное население, у войны есть законы... наконец, это бессмыслица, чистая бессмыслица! Мы были свободны. Нас оповестили через старичка-полицая. Вначале мы шли без конвоя – одни. Мы могли уйти в любой из всех этих дней, мы могли сделать это до последнего часа...

Лица конвойных спокойны, обывденны. В их глазах нет злобы, которая нужна для ЭТОГО. Время от времени они лениво покрикивают на нас. Мы идем долго, наверное, третий час.

Далеко за последними хатами нас останавливают. Нам дают опривиться. Едва мы трогаемся, как по цепи конвоиров прокатывается какая-то команда. Солдаты суетливо теснят нас к правой обочине... Мимо громыкает колонна военных плоскомордых грузовиков. «Итальянцы», – говорит кто-то. Солдаты, приподнимая мокрые брезентовые тенты, разглядывают нас с недоумением. «Wohin? Wohin?» – спрашивает шустрый смуглый солдатик и улыбается нам и немцам одинаково благожелательно. Грузовики лениво, вразвалку покачиваясь и подпрыгивая на ухабах, скрываются в тумане. «In anderes Reich» («На тот свет»), – смеется вдогонку немец с резиновым шлангом. Я пытаюсь перевести ответ. «In anderes Reich...». Я не дока в немецком, перевожу буквально – «В другую империю»... Чепуха какая-то...

В поле за поселком колонну останавливают. Люди сбрасывают рюкзаки, ставят сумки, разминаются. Бабушка вытаскивает из авоськи распознанные лепешки, но мы отказываемся. Есть не хочется. Наша колонна разбредается в загнанное встревоженное стадо. Люди, охваченные смятением, оставляют сумки с бесценной едой, уходят, возвращаются, снова уходят... Они слепо тычутся в серо-зеленую изгородь конвоя и тоскливо ходят вдоль нее, как запертые звери. Они подолгу выясняют что-то у конвоиров. Дед куда-то исчезает и долго не возвращается. Наконец приходит. Растерянный, разбитый. Он отвечает неохотно: «Никто ничего не

ЕВГЕНИЙ ГЛАДКАЯ

знает...» Потом дед уходит снова. Я иду следом за ним и слышу, как он спрашивает конвоира: «Herr... Alle erschossen?» («Господин... Всех расстрелять?») «Ach, kwatsch! (Чепуха!)» – морщится немец, как человек, которому докучают глупыми вопросами. – «Registrieren». – Немец показывает на ладони пальцем, как нас регистрируют. Дед идет к другому конвоиру, тот отвечает, пристально разглядывая дедову нарукавную повязку: «So was hat doch keiener gesagt». («Такого никто не говорил».)

Впереди засуетились. Конвоиры отсчитывают людей и ведут в сторону кустарника. Туда, куда только что ушло несколько немцев. Немцы не гонят их, не понукают. Задний конвойный поднимает споткнувшуюся старуху. Неожиданно доносится жесткая дробь автоматной очереди... Одновременно из поселка выходит большой отряд полицаев. Они идут напрямик через поле гуськом, сосредоточенно смотрят под ноги, и каждый несет на плече мокрую ржавую лопату. Я не успеваю еще ни о чем подумать, как над толпой взмывает неистовый тысячеголосый женский крик. Я вижу бабушку – разодранный криком рот, прижатые к вискам кулаки, вижу деда – раздавленные в синюю

нитку губы, слезящиеся на ветру красные глаза, вижу братишку, зажавшего ладонями уши... Я вижу маму, склонившуюся над братишкой, и ее трясущиеся плечи. Я осознаю, что пришла смерть... Я понимаю это со всей ясностью запоздалого прозрения. Смерть смотрит на меня сквозь тысячи глаз. Нет мыслей. Нет сомнений. Нет надежд... Есть смерть в облики мокрой ржавой лопаты и тридцать тысяч человек, умирающих вместе.

Дед подводит ко мне братишку и говорит: «Уходите!» Голос у него тихий и твердый. Я повинуюсь как загипнотизированный. Бабушка не прощается с нами. Она что-то бормочет, медленно раскачиваясь, сжимая виски кулаками. Мы зовем ее. Бабушка все раскачивается, шепчет и, сжав губы, напевает какой-то колыбельный мотив. Она смотрит мимо, как слепая. Она не видит нас в помутившемся, качающемся мире... Мы целуем ее и подходим к маме. Она беззвучно рыдает, кусая губы. Не вытирая слез. Братишка всхлипывает и размазывает по ее лицу варежкой слезы. Мама наклоняется к нему и повязывает развязавшийся шарф тем же бессознательным движением, каким всегда делала это, собирая его в детский сад. Мама долго, в молчаливом исступлении

гладит братишку по щекам, потом, не выпуская его руки, целует меня в переносицу – этот поцелуй я помню с того же времени, что и себя, – и тихо, страстно твердит: «Для чего? Для чего?... Любовь, роды, надежды... Для чего?» Дед уговаривает ее с мягкой настойчивостью. Наконец он находит какие-то слова, и она порывисто откликается: «Да! Да!.. Уходите!.. Уходите!!!»

Я стою обессиленный, потерянный, чувствуя, что не могу сдвинуться. Я стою и смотрю, как беззвучно рыдает мама. Тогда дед целует нас, сухо и деловито, и жестко говорит: «Уходите. Скорей!»

Я срываю с себя и братишки нарукавные повязки, и две намалеванные чернилами на белой тряпке шестиконечные звезды падают наземь. Огромное пространство, огороженное конвоем, бьется в предсмертных корчах. Нас охватывает людской водоворот, и кружит, и гонит, как сорванные с якоря лодки. Толпа напирает на посты, и конвой вызывает подкрепление. На нас, как в атаку, несутся желтые кожанки. «Мадьяры...» – гудит толпа, отступая от цепи конвойных.

Мы освобождаемся из переплетенных, перекатываемых страхом тел и подходим к конвоиру. Я говорю ему, что мы – русские... «Юда! Юда!..» – кричит подлетевший венгр. В ярости он толкает меня пятерней в лицо. Тупая злоба смотрит на меня сквозь волосатые пальцы. Мы снова пробиваемся сквозь толпу. Немцы гонят оставшихся вперед – на место ушедших. Людская река медленно движется нам навстречу. Мы выбиваемся из сил, одолевая мощное встречное течение. Я прижимаю к себе братишку и, нагнувшись, распеваю плечом людской поток. Мы выбираемся из гудящей толпы недалеко от железнодорожного переезда. Мы идем от конвоира к конвоиру и каждому говорим, что мы русские. Они прогоняют нас, и мы идем дальше. За нами увязывается хромая высохшая старуха. Она несет на руках заплаканную девочку с большой красивой куклой. Когда девочка поднимает куклу, та открывает глаза и удивленно смотрит на происходящее. На руке у куклы повязка, «Ма-

гендовид»... Старуха упрямо твердит мне, что ее внучка – русская.

Я прибавляю шаг. Братишка теребит меня, просит остановиться, а я еще крепче стискиваю его руку. Он не поспевает за мной, спотыкается и плачет. Мы заходим в тупик. Несколько постов на железнодорожной насыпи преграждают нам дорогу. Я долго и горячо уговариваю конвоира пропустить нас. Я говорю ему, что мы – русские, что сюда попали случайно. В каждом моем слове – отчаянье последней попытки... Я смотрю на немца – и долго его не вижу. Передо мной большое серо-зеленое пятно, за которым начинается жизнь...

Прихрамывая, подходит старуха. Она показывает на девочку, в испуге прижавшую к себе куклу. Немец что-то отвечает, виновато, словно оправдываясь. Он растерянно переводит взгляд на соседних конвоиров.

Неожиданно девочка поднимает куклу. Кукла произносит «мама» и смотрит на немца большими доверчивыми глазами. Что-то смещается в немцах. Сначала стекленеет взгляд, потом вспышка гнева распахивает зрачки – и я вижу в них разрушающее, как взрыв, озарение совести. «Los! Raus!» («Быстро! Прочь!») – дико кричит немец, убирая винтовку. Мы с братишкой прыгаем с насыпи. Опешившая старуха не трогается с места, и я возвращаюсь, хватаю ее за руку. «Скорее!.. Бежим!» – тороплю я ее.

Я едва стаскиваю ее с насыпи. Девочка закрывает лицо руками. Немец рыдает, навалившись на винтовку. С ним истерика. Соседние конвоиры недоуменно глядят нам вслед и идут к своему товарищу.

Мы бежим к поселку и, еще не добравшись до первых домов, наталкиваемся на немцев. Видимо, это расквартированные здесь солдаты. Они без ремней, без оружия, в руках – котелки с супом. Один из немцев спрашивает: «Juden?» Молодой, но уже стойкий рефлекс связывает меня с этим словом. Все мое существо сразу же отзывается смятением. Оцепенело смотрю в немигающие глаза немца. Надо что-то сказать. Но я чувствую, как меня сковывает тот страшный гип-

ноз, который парализует жертву перед гибелью.

Зато братишка выскакивает вперед и надрывно кричит: «Нихт Юда!.. Русс!» Они уходят, весело смеясь происшествию.

Мы с братишкой останавливаемся у первой хаты, старуха с девочкой идут дальше и исчезают за крутым изгибом дороги. Постучавшись в окно, я прошу пить. «Заходите у хату», – говорит хозяйка. Мы мешкаем – она подозрительно заботлива... Тогда хозяйка повторяет приглашение ласково и ненавязчиво.

Хата полна людей. На скамьях и табуретках – взвинченные, не замолкающие женщины, измученные нервной радостью, в которую они сами не верят.

Мы вернулись в жизнь, спрыгнув с эшафота. Теперь надо заново обжигать мир, изменившийся в полчаса до неузнаваемости.

«Я – грузинка, – рассказывает, не переставая тяжело моргать, полная задыхающаяся женщина. – Я провозжала знакомых... Как я вырвалась?..» «Меня втолкнули в колонну возле универсама...».

«Я – армянка... Я предъявила паспорт...».

Никто никому не верит... И я никому не верю... Только, неожиданно открыв это, я ощущаю такое одиночество, что впервые задумываюсь, стоит ли жить.

Когда скрипит дверь и входит хозяйка, все затаивают дыхание. Иногда хозяйка прислушивается, тревожно поглядывая на печь – там укрыты овчиной два мальчугана.

Отогревшись, мы уходим.

В ельнике мы спотыкаемся о какой-то сверток. Это – ребенок. Его припорошило снегом. Он – в белом кружевном конверте, перехваченном голубой лентой. Лицо заботливо прикрыто. Теперь только замечаю, что вдоль тропы лежат дети. Должно быть, одна из колонн услышала наш крик, и матери сумели оставить детей в ельнике. Их очень много. Один выпростался и захлебывается от плача. Я неумело пеленаю его и сую валяющуюся в снегу пустышку. Мы уходим... Под заснеженными елями бугрятся маленькие могилки, а в них – не осознающая себя

дотлевающая жизнь. Вымерзающие ростки человеческие...

Поздним вечером мы входим в какое-то село. Братишка хнычет, я его одергиваю. Барабаню в дверь освещенной хаты: «Можно переночевать?» Молодая хозяйка, отталкивая высыпавших на порог ребятишек, разглядывает нас с нерешительным любопытством. Наконец говорит: «На полу места много...» Вот, мы лежим на овчине, в протопленной хате, и я шепчу братишке: «Никому не говори, что ты еврей». Братишка всхлипывает и утвердительно кивает. Скоро он засыпает. Его теплое влажное дыхание согревает меня. Он тихонько посапывает. Ему, наверное, не так одиноко. А я одинок – одиночеством старшего.

Хочется кричать. Яростно, иступленно, как кричали сегодня женщины перед смертью. Отчаяние бродит во мне, сатанеет. Я знаю – нам не выжить. Шестидесят тысяч рук тянут нас в могилу... Тридцать тысяч жизней отсечены от меня, и я чувствую их, как ампутированные ноги.

Братишка шепотом спрашивает, умерла ли мама совсем или ее жизнь перешла в другую тетю. И узнает ли его мама, уже чужой тей, при встрече. А его, если убьют и он станет другим мальчиком, узнают? Я не отвечаю – только глажу по голове, он сладко всхлипывает и засыпает.

За окном беснуется, завывает безутешный ветер. Он гремит оторванной где-то жестянкой. И когда сон одолевает меня снова, мне кажется, что это не ветер, а смерть – большая хищная птица – бьется об оконное стекло, расправив ржавые железные крылья. ■

*** Юлий Михайлович Беднов (23 июня 1925 – 17 января 1997) родился на Украине, в Днепропетровске. В 1942 году попал в концентрационный лагерь «Бухенвальд», где и находился до конца войны. В 1947-м экстерном окончил школу с золотой медалью и поступил в Московский станко-инструментальный институт. Работал начальником отдела в «Станкоимпорте».**

Ксения Бобровиц, фото Михаила Чикина

ИСПОЛНЕНА АНГЕЛЬСКОЙ КРЕПОСТИ

ПОКА В ЭТОМ ПОСЕЛКЕ ЦАРИЛО «ВОЕННОЕ БРАТСТВО», ЖИЗНЬ БЫЛА ПРОСТОЙ И НЕПРИТЯЗАТЕЛЬНОЙ: ГЕНЕРАЛЫ ГУЛЯЛИ ПО ДАЧНЫМ УЧАСТКАМ СРЕДИ ЛИП И ФЛОКСОВ, ИХ ДЕТИ И ВНУКИ НА ВЕЛОСИПЕДАХ ГОНЯЛИ КУПАТЬСЯ НА КАНАЛ... НАСТАЛИ ИНЫЕ ВРЕМЕНА: В ПОСЕЛКЕ ПОНАСТРОИЛИ ВЫСОКИХ ЗАБОРОВ, ВДОЛЬ КОТОРЫХ ТО ШАТАЮТСЯ, НЕ ПОДНИМАЯ ГЛАЗ, СТРОИТЕЛИ, ТО ЦАРСТВЕННО ПРОПЛЫВАЮТ ЧЕРНЫЕ БЛЕСТЯЩИЕ АВТОМОБИЛИ.

В СЕ ЗДЕСЬ БЫЛО УСТРОЕНО так, чтобы гарантировать спокойные дни боевым генералам и маршалам: прекрасный вид на канал, на Икшинское водохранилище, великолепный хвойный бор, близость к Москве, а главное – возможность встречаться с друзьями. После Победы сам Сталин подписал постановление Совнаркома об улучшении жилищных условий офицерам Красной армии – так возник и отстроился поселок Трудовая-Северная. Кадровые военные высшего офицерского состава, прослужившие более 25 лет, получали земельные участки под дачи в бессрочное и бесплатное пользование. Сегодня поселок разделит участь многих подобных «дачных кооперативов» советской поры. Наследники распоряжаются землей в соответствии со своими наклонностями. Одни режут свои гектарные участки и распродают по кусочкам «банкам» и предпринимателям. Другие сбегают на это пепелище Истории от московских пробок и проблем. Сбегают сюда – в неподвижность потерянного, в зачарованный мир шуршания старых пластинок. Наверное, это правильно, потому как лишь прошлое не может ни пре-

дать, ни измениться. Оно останется таким, каким мы его помним. Или хотим помнить.

На краю поселка, почти у самого водохранилища, стоит белый дом, один из немногих уцелевших при постсоветской модернизации. Надежный и крепкий, построенный по типовому проекту Министерства обороны. Перед главным фасадом – как на параде – выстроились ряды прибранных к зиме пионов. Тщательно выметенная ровная дорожка ведет к боковому крыльцу. Видно, что на участке работают каждый день.

...Конечно, я готовилась к встрече. Официальные регалии Екатерины Катукowej занимают несколько строк: ветеран труда, ветеран Великой Отечественной войны, вдова дважды Героя Советского Союза маршала бронетанковых войск Михаила Ефимовича Катукова. Такой список мог бы предполагать официальный и сто раз повторенные речи, что польются «без бумажки».

Но я попала совсем в иную атмосферу. Екатерина Сергеевна сама вышла встречать гостей. Улыбка и искрящиеся глаза выдают энергию этой женщины. Крепкое пожатие сухой теплой руки придает спокойствие и уверенность. Прохожу че-

рез кухню с довольно спартанской обстановкой и оказываюсь в просторной гостиной. Практически все пространство занимает длинный обеденный – скорее, банкетный – стол... Хозяйка с домочадцами собиралась обедать, тут же усаживают и меня. Из низкого буфета является бутылка коньяка. Екатерина Сергеевна подмигивает и наливает всем по чуть-чуть: «За ваше здоровье! Имято (кивок на тех, кто за рулем) – никак, а нам можно! Вот ты сидишь, где всегда садился Хрущев, а здесь всегда садился Брежнев, вот тут – Путин сидел в свой последний приезд. Ешьте, ешьте, сегодня суп чудесный! Давай, Ксения, выпьем!»

«Чудеса» советской судьбы

Судьба сотен молодых людей тогда начиналась одинаково: по комсомольской путевке отправлялись они в колхозы, на дальние стройки, некоторые поступали в институты... Особенным для Екатерины Катукowej оказалось то, что она была направлена сразу в отдел руководящих партийных органов центрального аппарата ЦК ВКП(б), стенографисткой. Так из коммуналки у Савеловского вокзала красивая девочка 17 лет попадает совсем в иную обстановку. Она выросла в большой и очень бедной семье. Отец – железнодорожник, мать – работница фабрики «Ралле» (сейчас – «Свобода»). И в те времена для нее оказаться в автомобиле или поговорить по телефону было чудом.

Екатерина Сергеевна рассказывает об этом почти телеграфным стилем, короткими, отточенными фразами: «Ходила, стенографировала. Писала сначала 90, постепенно довела до 200 слов в минуту. Тогда компьютеров не было.

Стенографировала и Сталина. Было так. Я приходила: «Можно?» – «Садитесь, товарищ, будем работать». А «товарищу» 18 лет! Если бы Сталин был «хулиган», он бы меня не пропустил, не обошел бы вниманием! Но он был корректен. Спрашивал: «Товарищ, когда принесете стенограмму?» – «Минут через сорок». – «Хорошо». Ходил мягко, когда диктовал. Стул отодвигал, сажал. Когда я ухо-

дила, стул убирал за мной. В общем, культура чувствовалась. Таким я его запомнила». А потом серьезно так добавляет: «Предупреждаю: я – не сталистка!»

С кем только не сталкивалась эта хрупкая девушка в начале своей карьеры! С Молотовым, с Калининым, с Ворошиловым, со всеми командующими фронтами. Здесь же встретила и своего первого мужа – Алексея Захаровича Лебедева, комкора и героя Гражданской войны. Он воевал у Буденного и заслужил два ордена Красного Знамени. Поселились в доме на Арбате, в Старо-конюшенном переулке, где давали квартиры всем членам аппарата ЦК. Просторное жилье – три комнаты, ванная. «Можете представить, что означала для меня ванная, когда я привыкла ходить за километр на колонку за водой? – восклицает Ека-

терина Сергеевна. – Ведь все детство мы носили воду в две бочки, мама велела всякий раз наносить сорок ведер. У нас с Алексеем Захаровичем никакого богатства не было, тогда это было не принято. Все работали как каторжные. Планировали пятилетки, строили заводы. Дачи у нас не было, мы ездили от аппарата ЦК партии в дом отдыха в Серебряном Бору, путевка – 2,60. В субботу уезжали, там отдыхали. Если зима, то – лыжи, летом – бильярд, грибы и картошка печеная, пели песни».

Многими много раз и по-разному описаны эти годы. Одни вспоминали молодость и жажду жизни, другие – ночные ожидания шагов на лестнице.

Годом боли и беды называют его – 37-й. Для Екатерины Сергеевны он прошел мягко. Она приходила в аппарат ЦК и видела, что меня-

лись таблички на дверях кабинетов. Спрашивала: «Что? Почему?» – «Враг народа. Арестован». И верила, потому что считала, что «наши органы ошибиться не могут». Думала, правда – враг проник в аппарат. Прозрение наступило, когда пришли арестовывать мужа. Так бывало со многими.

Все – по обычному сценарию. В ночи, в спящей квартире раздается пронзительный телефонный звонок. В трубке – пустота, не ответ – гудки, холодок – черной стрелой в сердце. Через некоторое время звонок в дверь. Трое военных, двое понятых. И унижительный, долгий, методичный обыск – с полдвенадцатого до пяти утра. «Когда моего мужа, Алексея Захаровича Лебедева, уводили, я побежала за ним: «Леня, Леня, неужели и ты – враг?» Он мне сказал: «Я чист как слеза младенца». – «Ты меня найдешь?» Он сказал: «Найду». Но больше я его никогда не видела. Месяц спустя и меня арестовали. Я просидела полтора года в Бутырской тюрьме. Помещение – вот, как эти две комнаты, нары в три этажа, сто человек. Двигались от «параша» – к форточке. Форточка – крошечная, и тоже одна на сто человек. Сидела с женой Королева, с женой Рудзутака, с женой Отто Юльевича Шмидта. Все – по статье 58 пункт 17 – «недопущение на врага народа». То есть на мужа. Одна я получала 50 рублей, на них раз в десять дней можно было в лавочке купить сушки, чеснок, конфеты-«подушечки». Но я же не могла одна по-тихому съесть, делилась с сокамерницами. Допрашивали меня, били, насиловали. Я все это испытала. Но это – моя судьба. А что я должна была делать, дорогая моя? Я – дочь своей эпохи, так мне положено Богом. Я должна была все это вытерпеть».

Тюрьма и война

Но ее освободили. В августе 39-го. Она на себе познала смысл выражения «шарахаться как от зачумленной». Дело не в том, что по дороге из тюрьмы от одетой не по летней погоде девушки в шерстяном платье, с шубой в руках, пахнувшей дезинфекцией, шарахались соседи по

В доме маршала Катукowa в поселке Трудовая-Северная организован музей славы танкистов-гвардейцев

троллейбусу. Изгнанную из аппарата ЦК за «потерю бдительности» стенографистку, вышедшую из Бутырки, никто не хотел брать на работу. Удалось пристроиться на радио, работать в бюро стенографистов редакции «Последние известия» Всесоюзного радиокомитета.

...Трудно сегодня представить первые месяцы войны, а особенно – зимние дни 41-го, когда на подступах к Москве уже стояли немцы. Тогда многие в городе всерьез думали, что Москву сдадут.

В 4-й танковой бригаде полковника Катукowa было только 49 танков. У Гудериана – 560. Танкисты Катукowa бросили клич: «Один советский танк должен бить двадцать немец-

ких». Так и было, рассказывает Екатерина Сергеевна. Бои велись методом танковых засад, за который враги прозвали Катукowa «генералом Хитрость». Это только встретившие сопротивление немцы говорили, что их побеждают «генерал Грязь» и «генерал Мороз». На самом деле в ход шли любые ухищрения: рыли ложные окопы, выставляли деревянные танки, камуфлировали их под настоящие. Валили деревья, устанавливали на позициях – чтоб были похожи на пушки.

«Настоящие окопы и настоящие боевые точки были в 4–5 километрах дальше, сзади, – говорит Екатерина Сергеевна. – Каждый танк имел четыре-пять позиций, выскакивал

из засады и бил врага прямой наводкой, потом возвращался на исходную позицию. Еще не забывайте, что на каждый израсходованный снаряд надо было акт писать. А снарядов не хватало. Вот так и воевали. В одном только бою Катукow наколотил у Гудериана 133 танка. И Гудериан остановился. Написал, что ему мешает погода. Этими 49 танками танковая бригада отбила атаки и помогла не пустить врага в Москву». «Меня отправили с Ильей Эренбургом и Юрием Левитаном брать интервью у Михаила Ефимовича в район Волоколамска, – рассказывает Екатерина Сергеевна. – Интервью мы сделали, танкисты сообразили маленький фуршет... Катукow подошел ко мне и говорит: «Останьтесь со мной». Ему только за несколько месяцев до этого прооперировали почку, а жена его умерла еще в 40-м. Я подумала – лучше с Катукowым останусь, чем меня будут попрекать все время, что я враг народа. У меня не было никакой «такой» мысли в начале, любовь пришла после. Он был очень интересный человек, настоящий эрудит, знал четыре языка и относился ко мне по-товарищески».

Екатерина Сергеевна была старшиной медсанвзвода танковой

Катя Иванова (Катукова) попала в аппарат ЦК по комсомольской путевке

Одна из последних фотографий маршала Михаила Ефимовича Катукова, 1976 год

бригады. Так она навсегда связала свою судьбу с Катуковым и прошла всю войну вместе с мужем. Не пряталась за его спиной, не пользовалась положением, шла вслед за пехотой, за танками. Во время одной только Курской битвы вынесла 49 раненых. В книге воспоминаний «Памятное» она пишет: «Не женское это дело – стоять против танков. Но стояли же! Так велика была наша любовь к Родине». 24 июля 1945 года М.Е. Катуков шел в колонне 1-го Белорусского фронта по Красной площади, а она получила приглашение на Парад Победы. Вместе жили в Германии, в 50-м переехали в Москву в связи с учебой мужа в Академии Геншта-

ба, потом – в Бобруйск, на новое место службы. Вернулись в Москву уже в 1955-м.

«Надо быть хорошей вдовой»

...О своей матери Екатерина Сергеевна говорит с нежностью: «Красивая, маленькая, вся кругленькая. Черные волосы, в которых почти не было седины до самой смерти. Ходила быстро, чуть не бегом...» Да не свой ли портрет она пишет? Да... неудивительно, что мамыны слова стали для нее девизом в жизни: «Катя, деньги – грязь, отдай и пойди вымой руки. Человек стоит столько, сколько может отдать». Это не заклинание, которым Екатери-

на Сергеевна пытается заговорить меркантильный мир наш, это – глубокое и прочувствованное мнение, это – принцип жизни.

В массивном дубовом шкафу на полочке хранится обычное «дело», с бязевыми тесемками – аккуратно подшиты в нем все чеки за вещи, купленные Катуковыми в Германии. Хотя сейчас можно приходить с проверкой! На каждую мелочь есть документ, ни к чему не подкопаешься, никто не сможет обвинить... или заподозрить Екатерину Сергеевну, что «попользовалась» она своим положением «королевы Саксонии». Именно так звали ее в 45-м, когда Катукова назначили командующим бронетанковыми и механизированными войсками в Германии. В наше время почти странно слышать, как в те времена мучилась Екатерина Сергеевна от того, что жила вдалеке от Родины. Михаил Ефимович тоже подтрунивал над ней: «Дурочка, это же самое лучшее твое время! Ты никогда больше не будешь так жить!» Да, конечно, разъезжала на трофейной машине Геббельса, но никак не могла привыкнуть к заграничной жизни. В том маленьком мирке, замкнутом круге знакомств невинное желание Екатерины Сергеевны сделать приятное мужу – заказать две тарелки саксонского фарфора с их портретами – чуть не стоило ему карьеры... А дома не было больше-

го счастья, чем сесть на трамвай и весь день кататься по Москве за 10 копеек. Вот и говорит она теперь, слегка улыбаясь: «Жить за границей – это потеря времени, потеря жизни... Вы-то понимаете меня, Ксения!» Хотя и с пользой провела Екатерина Сергеевна время в Германии – язык выучила, окончила четырехгодичный курс в Институте марксизма-ленинизма, – но приравнивает жизнь в Саксонии к военному периоду: «Мы только на одиннадцатый год пришли с войны».

8 июня 1976 года Михаила Ефимовича не стало. 39 лет была замужем. 33 года как мужа нет. 70 лет носит она фамилию Катукова. Были женихи, но не вышла Екатерина Сергеевна замуж. Она утверждает, что «мало быть хорошей женой. Надо быть еще и хорошей вдовой, что значительно труднее». Вот только совсем не подходит ей слово «вдова». Любой человек начинает ощущать ток невероятной силы, исходящий от этой невысокой женщины. Она умеет, поддерживая общую беседу, еще и каждому сказать вполголоса что-то очень личное, свое.

Но что же подразумевает Екатерина Сергеевна, когда говорит о звании «хорошей вдовы»? «Жены декабристов ставили часовни, а мы в память о своих мужьях и отцах ставим танки». Идея создать музей-мемориал памяти Михаила Катукова и гвардейцев-танкистов появилась после ежегодной встречи ветеранов 1-й танковой бригады. Ветеранов становилось все меньше, ценные документы, свидетельствующие об их подвигах, лежали в архивах. Музеи были созданы в 1977 году и в московской квартире, и на даче маршала в Трудовой-Северной. Гвардейцы, живущие в разных уголках страны, помогали собирать уникальные материалы.

А потом при встрече с Ларисой Васильевой, дочерью конструктора Н.А. Кучеренко, создателя Т-34, решено было организовать музей танка. Так 6 декабря 2001 года, день в день с началом контрнаступления под Москвой, открыли на Дмитровском шоссе в Подмосковье, в деревне Шолохово, Музейный комплекс «История танка Т-34». Ведь именно

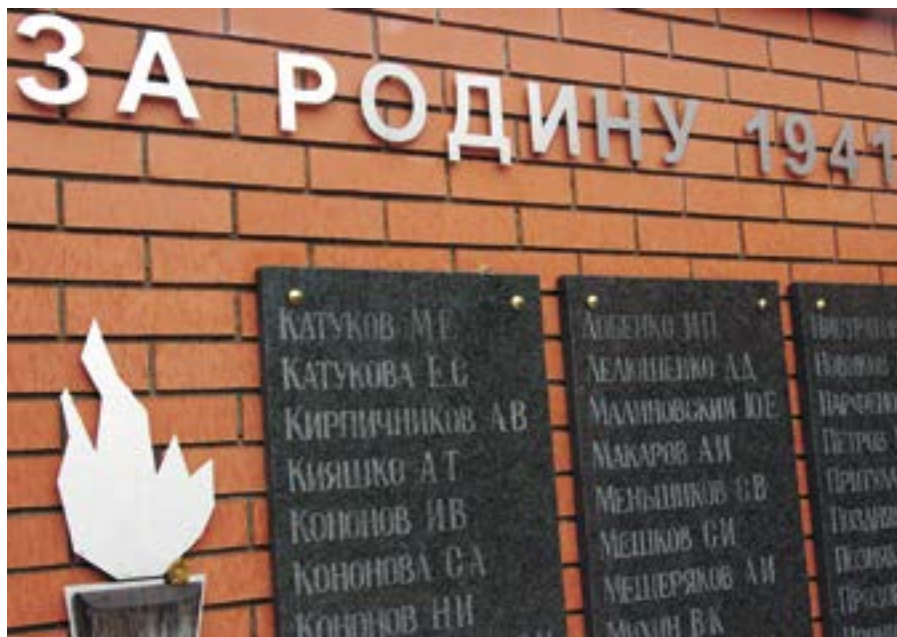
от этого места батальоны Т-34 – «ласточки в танковых войсках» и «грозное оружие Победы» – под командованием Катукова пошли в наступление на Лобню и Красную Поляну. Именно за эти бои часть получила звание «гвардейская», Катукова наградили орденом Ленина, а английское правительство – высшим военным орденом Великобритании. На вручении награды архиепископ Кентерберийский сказал: «Защитив Москву, Катукос спас Англию».

«Спешите делать добро»

В доме, как и в саду, полный порядок. Уютно и покойно: размеренно токает ярко начищенный маятник напольных часов, шумит чайник на кухне, пощелкивает радиатор.

На дальнем краю стола лежат книги, блокноты, ручки – здесь явно работают. Что это будет? Новая книга? Екатерина Сергеевна пока сама не знает. Но с удовольствием вспоминает, как впервые начала писать. «Я все время говорю: спешите делать добро! И умеете смеяться! Хохотать! Чем я Катукова взяла – я ему наизусть читала Мопассана. Я много в библиотеках читала. Сейчас у меня у самой библиотека большая. Читала, читала. А потом меня спросили: «А когда ты сможешь написать?» Вот я взяла и написала. Сама все».

Не успеваю опомниться, а на столе появляются и появляются толстые книги, Екатерина Сергеевна подписывает мне одну за другой: «На острие главного удара» маршала

Катукова, свою «Памятное»... Одно- временно она успевает рассказать об одном из сборников. Читаю название: «Так было... Выдержки из книги отзывов». В нем – письма, воспоминания, отклики посетителей музея и гостей дома.

Прошлое. Настоящее. Надежды на будущее. Память. Все это для Екатерины Сергеевны неразделимо. Она говорит: «Совсем умирает то, что сами хороним». Как многому, как многим она благодарна. Знаменитая фраза «Никто не забыт...» включает для нее не только давно ушедших людей и прошлые события, но и все нынешнее. Все и всех, кто помогал в поисках, кто хоть как-то причастен к главному делу ее жизни – не дать кануть в Лету именам фронтовых товарищей. Уточняет: «Поисковые отряды ведут благородную работу, разыскивают людей. Всем приятно узнать, где могилы их предков. Я узнала с их помощью, где захоронен мой первый муж, Алексей Захарович Лебедев. В «расстрельной книге» записаны и он, и я. Я сидела в тюрьме. Он расстрелян. Великое дело они делают. Молодежь у нас прекрасная, а Россия была, есть и будет».

Екатерина Сергеевна показывает мне новые записи. Сколько же в ней силы и энтузиазма! Вот – готовится к встрече с молодежью, вот – «наблюдает» за телевидением. Ни одна передача не ускользает от строгого и придирчивого внимания: катастрофическое со-

стояние современного русского языка беспристрастно фиксируется крупным почерком в блокноте. И я вдруг понимаю, откуда такая популярность, почему Екатерина Катукова сегодня – нарасхват! Ее приглашают часто, повсюду, она с радостью отзывается. В свои почти 97 лет она полна воспоминаний о прошлом... но! – очень современна. Многие молодые люди могут похвастаться столь прекрасной, правильной речью, прямоотой и образностью выражений. Она из тех, про кого говорят «за словом в карман не лезет», возникает смутное ощущение чего-то знакомого от ее рассказов... Ну да! Конечно! Вот он – настоящий человек из народа, Платон Каратаев в женском обличье. Она – цельная, умеет хранить то, чего никак нельзя ни предать, ни растерять. Пусть все вокруг меняется, но есть последний рубеж. Внутренний рубеж.

Стоит вспомнить показательный случай: книга воспоминаний была написана почти сразу после смерти маршала Катукова, в начале 1977 года, но не была издана из-за прямых и нелюбезных характеристик высшего руководства армии и страны. Но и тут не отступила бывшая фронтовичка, ни слова не согласилась исправить и покривить против своих убеждений. Результат – книга «Памятное» вышла только в 2000 году, издана при поддержке Благотворительного фонда памяти писателя Владимира Чилихина.

Екатерина Сергеевна не устает повторять: «Я – жена полководца, который спас нашу Родину. 14 фронтов мы прошли. Я не хважусь. У меня 5 орденов и 41 медаль. Китель весит 7 килограммов, тяжело носить. Поэтому не хважусь. Но самое дорогое, что есть у меня, – это гвардия, как вы видите. Я приняла за эти 33 года, что нет Катукова, около 12 тысяч людей. Прекрасная молодежь ко мне приезжает! Но я, дочь своей эпохи, своей великой Родины – России, никогда не изменю своим идеям. Я коммунист с 1933 года. Убеждений вам не навязываю, но их не меняю, потому что со мной рядом стоят мои гвардейцы, стоит Катуков».

...Всплыли в памяти слова Екатерины Сергеевны, сказанные несколько лет назад на встрече с молодежью, занимающейся поисковой работой. Так неожиданно прозвучали они в устах коммунистки и ветерана, что хотелось обязательно спросить об этом, но в разговорах о танках, войне, гвардейцах, о делах человеческих – забылось. Не были мне понятны те ее слова: «Живите долго. Не огорчайтесь, смотрите часто на небо. Там тоже идет жизнь, которую мы не замечаем. Я верю в потусторонний мир. Когда меня спрашивают, кем я хочу быть, я отвечаю – вороном. Когда меня спрашивают о моем желании, я отвечаю: умереть последним ветераном этой войны. Видите, как много я хочу». Вдруг, теперь, после нашей встречи, их смысл стал ясен. Это так просто – всей жизнью и делами вошла Екатерина Сергеевна в ряды великого воинства, защищающего Россию на протяжении веков. Воинства, что и на небесах, и на земле хранит свою страну и живет этим служением. Есть такие слова у Флоренского – воин «исполнен великой ангельской крепости». На обратном пути, уже в машине, я открыла подаренную книгу. «Дорогая Ксения! Побольше и почаще улыбайтесь! Спешите делать добро людям. Ваша Екатерина Катукова». 📖

Любовь Румянцева [Санкт-Петербург] фото Антона Беркасова

ВЕЛОПРОГУЛКИ ПОД ВОДОЙ

ВОСКРЕСЕНЬЕ. ЗДАНИЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МОРСКОГО ТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА – ИЛИ, ПО-ПРОСТОМУ, КОРАБЕЛКИ – ЗАКРЫТО И ПУСТЫННО. ВЛАДИМИР ТАРАДОНОВ ВСТРЕЧАЕТ НАС НА ВАХТЕ И ВЕДЕТ ПО ЛЕСТНИЦАМ И БЕЗЛЮДНЫМ КОРИДОРАМ В СВОЮ ЛАБОРАТОРИЮ. ОБШАРПАННЫЕ СТЕНЫ, МЕБЕЛЬ СОВЕТСКИХ ВРЕМЕН, ЗАВАЛЕННЫЕ ЧЕРТЕЖАМИ СТОЛЫ – НИЧТО ЗДЕСЬ НЕ АССОЦИИРУЕТСЯ С МОДНЫМ СЛОВЕЧКОМ HI-ТЕСН. НО ИМЕННО ЗДЕСЬ, В КОРАБЕЛКЕ, УЧЕНЫЕ ИЗОБРЕТАЮТ САМУЮ ЧТО НИ НА ЕСТЬ «ВЫСОКУЮ ТЕХНОЛОГИЮ» – ПЕРВЫЙ В МИРЕ... ПОДВОДНЫЙ ВЕЛОСИПЕД.

ЗАВЕДУЮЩИЙ ЛАБОРАТОРИЕЙ Владимир Тарадонов работает по выходным уже минимум лет десять – с тех самых пор, как стал разрабатывать идею подводного велосипеда. – А как иначе? – удивляется он. – Выходные – это два единственных дня, когда никто не звонит, можно

спокойно заняться наукой, подумать, почертить. Моя семья меня, конечно, за это проклинает, но и они уже смирились с моим графиком. Благо жена тоже вышла из Корабелки, понимает мои устремления. В будни приходится организационные вопросы решать, к телефону подходить. А в выход-

ные – тишина! Только вот пресса вроде вас беспокоит.

Пресса и телевидение Владимира Тарадонова действительно любят. Интерес репортеров понятен: не каждый день встретишь изобретателя подводного велосипеда! Правда, сам изобретатель от внимания журналистов уже устал.

– Лучше бы нас власти любили, а не ваша братия, – ворчит он. – С 1998 года над подводным велосипедом работаем, а до сих пор еще не сделали опытный образец. Никакого государственного финансирования, приходится самим доставать средства, урывать из других наших проектов... Я уже решил – пока опытный образец готов не будет, никаких больше «концертов» перед прессой, а то стыдно уже. Но мы прорвемся – деньги вроде собрали, дело движется, хотя и медленно. Если все будет хорошо, то первый аппарат мы спустим на воду следующим летом.

Оранжевая летающая тарелка

За разговором заходим в одну из комнат лаборатории, где прямо рядом со столами сотрудников стоит... оранжевая летающая тарелка. Именно такие ассоциации в первый момент вызывает изобретение Тарадонова и его сотрудников. Большой стеклянный прозрачный шар чуть меньше человеческого роста, окруженный оранжевым диском.

– Оранжевый цвет выбран не случайно, – объясняет ученый. – Его лучше всего будет видно спасателям, если аппарат выйдет из строя и пойдет ко дну. Но такого произойти не должно – для безопасности велосипедистов предусмотрен балласт в виде 50-килограммовой свинцовой плиты, прикрепленной ко дну аппарата. Если аппарат опускается ниже положенных 30 метров (максимальная для изобретения глубина погру-

жения), то срабатывает датчик давления, плита автоматически отделяется и падает на дно, а велосипед всплывает на поверхность. Есть и другие надежные способы защиты, вплоть до «нагубников» для пассажиров – мини-аквалангов, дающих кислород на 15 минут – чтобы выплыть в случае аварии.

Внутри велосипеда все выглядит примерно так, как внутри автомобиля: кресла для двух пассажиров, напротив каждого кресла – не руль, а штурвал, похожий на компьютерный джойстик. Внизу педали – их и надо будет крутить, чтобы аппарат двигался и маневрировал под водой. Попасть в кабину можно через люк сверху.

– Воздух будет поступать в кабину из баллонов с кислородом, в кабине работает система регенерации углекислого газа, есть кондиционер, лазерный эхолот, спутниковый навигатор, пульт звукоподводной

связи, – перечисляет Владимир Тарадонов.

Кабина велосипеда выглядит настолько заманчиво, что каждый второй посетитель начинает уговаривать изобретателя пустить внутрь и «порулить».

– Да что вы, это же демонстрационная модель, выставочный образец, – смеется ученый. – Он же сделан из пластмассы. Хотя многие считают, что это уже готовый аппарат – однажды на Военно-морском салоне, где мы представляли наши разработки, подошел какой-то полупьяный посетитель, достал чековую книжку и сообщил мне, что он покупает наше изобретение прямо сейчас. Еле я его отговорил, что не стоит покупать большую пластмассовую игрушку. К сожалению, так и происходит – многие рвутся покупать готовые велосипеды, но вкладывать деньги в разработку никто не хочет.

Модель будущего подводного велосипеда пока похожа на яркую игрушку для детей

Русское ноу-хау никто не понял

На самом деле подводный велосипед на научном языке именуется так: «сухой многоцелевой подводный аппарат с мускульным приводом». Аналогов ему в мире еще нет. Пять патентов на это уникальное изобретение Владимир Тарадонов получил начиная с 1998 года. С тех пор никто – ни в России, ни за границей – так и не смог построить подобного рода аппарат.

– Иностранцы заинтересовались сразу, – рассказывает ученый. – Кто только к нам в лабораторию не приезжал за эти десять лет – ученые из Европы, США, Южной Кореи, Гонконга... Китайцы так вообще с линейками весь агрегат использовали, чтобы понять, «как это будет работать». Но есть несколько ноу-хау – кроме тех, что запатентованы, – о которых мы никому не рассказываем. Видимо, до них еще никто не додумался. Да если бы и додумался, дорогое это удовольствие – разрабатывать подобный подводный аппарат. Даже для американцев.

Подводные аппараты существуют в мире уже давно – это дорогостоящие и тяжелые батискафы с винтовыми движителями и подруливающими устройствами. Они требуют много энергии, поэтому обвешаны аккумуля-

ляторными батареями, непрозрачны и не могут управляться своим «хозяином» – для них нужен либо штурман-подводник, либо целый экипаж.

– Говорят, у Абрамовича на его яхте есть один такой аппарат, – говорит Тарадонов. – Но, по сути, это мини-подлодка без иллюминаторов, рассмотреть подводные красоты из нее невозможно. А стоит такая «игрушка» 1,5 миллиона долларов.

Эффект чайника

Объяснить, в чем ноу-хау именно тарадоновского велосипеда, довольно сложно. Главное отличие – велосипед работает не на винтовых движителях, а благодаря особым роторным движителям и эффекту Коанда. Людей, далеких от физики, эффект Коанда в действии обычно очень раздражает – они могут наблюдать его, когда наливают воду из чайника: вода зачастую каким-то непонятным и неприятным для домохозяйек образом льется не только в чашку, но и на стол, потому что часть струи «приклеивается» к носику чайника и стекает по нему.

– Эффект чайника знают с 1936 года и давно используют в авиации. Он работает и в нашем изобретении, – объясняет Владимир Тарадонов. – Выдуваемая из плоской щели на выпуклую поверхность подводного аппарата вода «прилипает» к этой поверхности на относительно большом расстоянии от щели. При этом на поверхности возникает разрежение. То есть пассажиры крутят педали, педали приводят в действие роторные движители, посредством этих движителей вода всасывается в носовые щели и выталкивается через другие щели на корпус. Тут-то эффект Коанда и проявляет себя – на носовой оконечности возникает пониженное давление. Законы физики таковы, что аппарат автоматически будет двигаться в сторону пониженного давления, то есть вперед. Именно благодаря этому мускульных усилий двух человек (и им не надо быть олимпийскими чемпионами по велоспорту!) достаточно, чтобы развить скорость в два-три узла. Находиться под водой наш велосипед сможет около четырех часов. К изобретению Владимира Тарадонова кое-кто из российских ученых

отнесся скептически – мол, ерунда, профанация. А вот западные сразу заинтересовались.

– Видя наши финансовые трудности, многие предлагали перенести работу над разработками к ним, – вспоминает изобретатель. – Китайцы так вообще предлагали перевезти к себе всю лабораторию и полностью финансировать наши исследования. Но я тогда отказался. Я же патриот все-таки. Не хочу работать за границей. А деньги... Главный девиз нашей лаборатории – надо создавать новые технологии, а деньги – это лишь следствие их реализации.

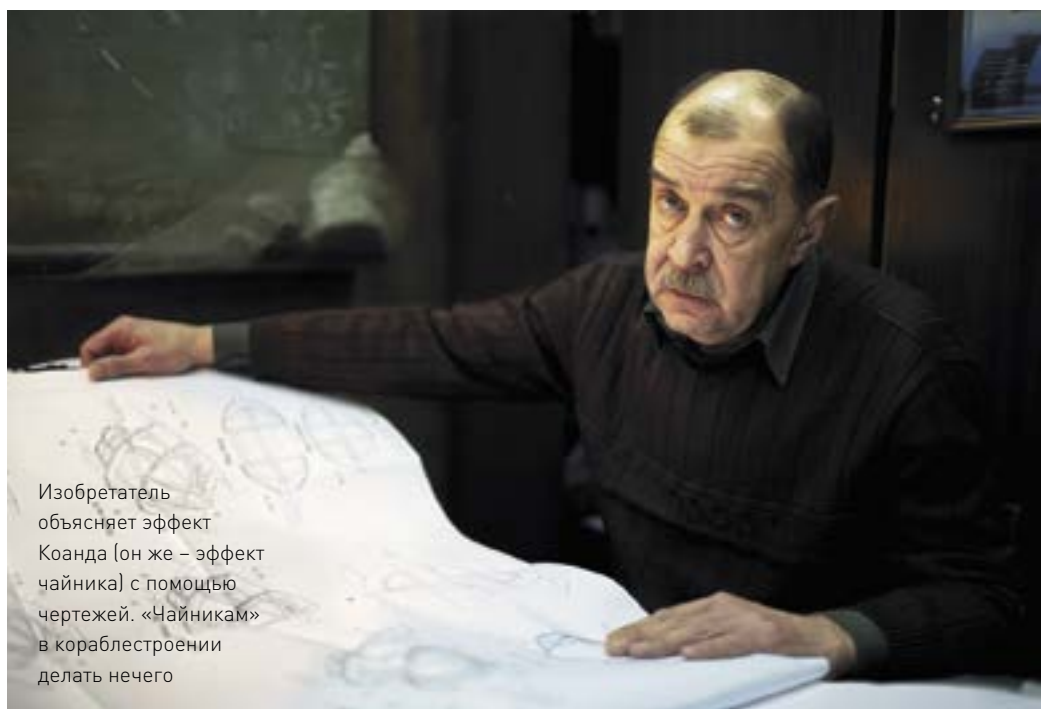
Но российских инвесторов подводный велосипед не заинтересовал. Бывало, приходили люди, говорили: «Мы вам завтра 10 миллионов, а вы нам через два месяца – готовый аппарат». Владимир Тарадонов на это отвечал: «Девять беременных женщин за месяц родить не могут. Создание подводного аппарата технологически требует определенного времени». От государства ученые Корабелки поддержки тоже давно не ждут.

– Что вы, кому в нашей стране наши изобретения нужны? – горько вздыхает изобретатель. – У нас одни нанотехнологии на уме сейчас. Почему-то под словом «инновации» в России подразумевают знания, превращенные в деньги, а не «обновление», то есть создание новых технологий.

Первое погружение – на Черном море или на Ладоге

Сейчас главная задача петербургских ученых и конструкторов – собрать такой опытный образец подводного велосипеда. Уже почти все готово – стекла, железный корпус. Осталось только закупить навигационную технику и собрать все воедино.

– Стекла двухслойные из акрилового стекла, – говорит Владимир Тарадонов. – Внутреннее стекло толстое – 24 миллиметра, как на подводных лодках. Внешнее, ориентированное, потоньше, 8 миллиметров, – как на бронированных «мерседесах». Стекла заказали в Германии, немцы прислали плоские листы, а на заводе в Дзержинске их обжимают на зеркальных матрицах, делая их форму обтекаемой. Кормовые и носовые обтекатели заказали фирме, которая строит стеклопластиковые яхты. Сейчас наш велосипед на петербургском заводе собирают в одно целое, но происходит это очень медленно. Наша цель – все-таки прорваться и создать опытный образец, протестировать его и доказать, что наш велосипед действительно отвечает всем заявленным характеристикам. Мы много раз тестировали модели велосипеда в бассейне, считывая все технические параметры, но это только полдела.

Изобретатель объясняет эффект Коанда (он же – эффект чайника) с помощью чертежей. «Чайникам» в кораблестроении делать нечего

В этом бассейне Владимир Тарадонов и его коллеги провели много дней, испытывая свое изобретение на прочность

Как только опытный образец будет готов, ученые и инженеры повезут его либо на Ладожское озеро, либо на Черное море – тестировать. В Неве проводить испытания бессмысленно: вода настолько грязная, что видимость у велосипедистов будет нулевая. От желающих стать первым в мире подводным велосипедистом, как говорит Владимир Тарадонов, отбоя нет, но доброволец уже выбран – им станет адмирал в отставке, опытный подводник Михаил Кузнецов. Он лично погрузится под воду и прокатится «с ветерком». Кстати, первый подводный велосипед (ученые дали ему имя Blue space – «Голубой космос») недолго сможет бороздить водные просторы – участь его незавидна.

– Мы будем испытывать первый образец до полной поломки, – объясняет изобретатель. – Надо будет выявить все возможные недостатки, чтобы откорректировать чертежи для изготовления серийных экземпляров.

Дальнейшая судьба подводных велосипедов уже не будет зависеть только от воли их «отцов».

– Я ведь не фанатик подводного велосипеда, не сумасшедший изобретатель, помешанный на своем детище, – говорит Тарадонов. – У нашей лаборатории есть и другие разработки, не менее интересные, – подводные корабли, которые американцам и не снились, недавно придумали контейнерный энергоблок для арктических районов, который может снизить потребление горючего почти вдвое... Ведь дело нашей лаборатории – научно-исследовательские и опытные работы. Производством велосипедов мы заниматься не будем. Тем более что для этого нужно построить настоящее производство, в российских реалиях это сделать почти невозможно. Так что я не исключаю, что первый завод, где с конвейера будут сходиться наши велосипеды, появится где-нибудь в Европе. Годика через три. Может, пять...

Корабелка всегда славилась своими разработками – от подводных лодок до крейсеров

На поиски Атлантиды

Главный вопрос, который задают скептики: а зачем он, собственно, нужен, этот подводный велосипед? Кто на нем будет кататься?

– Да кто угодно, – разводит руками изобретатель. – Управлять им несложно – примерно так же, как и автомобилем. Надо будет пройти определенные курсы, получить «права». Стоить серийный экземпляр будет, по нашим подсчетам, от 30 до 70 тысяч долларов. Кататься на нем можно и туристам, рассматривать красоты морских глубин (недаром бизнесмены из Египта приезжали, хотели купить готовый аппарат, говорят, по всему миру мотаются, ищут, чем бы еще пресыщенных туристов удивить). Можно использовать для хозяйственных целей: разведения рыб, исследования водоемов. Для промышленных целей – осмотр трубопроводов, мостов. Кое-кто поговаривает, что для военных и контрабандистских целей велосипед тоже может пригодиться – ведь ни один радар не засечет стеклянный аппарат. Да и вообще – зачем стремиться только в космос, если две трети нашей родной планеты, скрытые Мировым океаном, абсолютно не изучены?! Суша уже вся истоптана, давно пора окунуться под воду и познакомиться с морским миром и его обитателями. Да и затонувшую Атлантиду пора разыскать... 📍

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Дмитрий Полетаев [Нью-Йорк]

«НЕУПИВАЕМАЯ ЧАША»

В ЮЖНОМ БРУКЛИНЕ, ОДНОМ ИЗ РАЙОНОВ БОЛЬШОГО НЬЮ-ЙОРКА, КОТОРЫЙ ДАВНО УЖЕ ОБЛЮБОВАЛИ ДЛЯ СВОЕГО ПРОЖИВАНИЯ ВЫХОДЦЫ ИЗ СТРАН БЫВШЕГО СОВЕТСКОГО СОЮЗА, СЕГОДНЯ НАЙДЕТСЯ МАЛО ЛЮДЕЙ, КОТОРЫЕ НИКОГДА НЕ СЛЫШАЛИ О ПРАВОСЛАВНОМ СВЯЩЕННИКЕ ОТЦЕ ВАДИМЕ. И НЕ ПОТОМУ, ЧТО НА БРАЙТОН-БИЧ-АВЕНЮ НЕСКОЛЬКО ЛЕТ НАЗАД ОТКРЫЛАСЬ НАКОНЕЦ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ, ГДЕ ОН СЛУЖИТ. А ИЗ-ЗА ТОГО УДИВИТЕЛЬНОГО СЛУЖЕНИЯ, КОТОРОЕ ОН ДЛЯ СЕБЯ ИЗБРАЛ.

Отец Вадим, если бы лет 10 назад вам сказали, что на Брайтон-Бич будет православный храм, вы бы поверили?

— Как раз именно 10 лет назад и была предпринята первая попытка. Я тоже пытался достучаться

до владельцев домов. Мы хотели снять в аренду хоть какое-то помещение, чтобы открыть здесь церковь. Именно здесь, в центре чрезвычайно разросшейся тогда русскоязычной общины. Церкви здесь не было. Был прекрасный старинный собор, он есть и сей-

час, конечно, на Пенсильвания-авеню, но это довольно далеко отсюда. К тому же он был построен 100 лет назад, а за два последних десятилетия русскоязычное население сместилось в Южный Бруклин. И, например, какой-нибудь бабушке с Брайтона уже тяжело ехать на Пенсильвания-авеню. Это далеко, добираться неудобно... Словом, необходимость открыть храм именно здесь назрела уже тогда. Но от местных домовладельцев мы получили даже не резкий отказ, а категорическое возражение. Мне тогда сказали: «Ни за какие деньги! Мы не позволим вам служить здесь. Вы распугаете всех наших клиентов-иудеев».

Мы-то понимали, что это далеко не так. Во-первых, отнюдь не все местные жители иудеи. Уже 10 лет назад все больше и больше стало приезжать православного народа из Грузии, России, Белоруссии, Болгарии, с Украины, так что демографическая картина иммиграции сильно менялась.

И церковь в конце концов была открыта, причем сравнительно не-

С теми, для кого
«американская мечта»
так и осталась иллюзией

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

далеко отсюда. Открыта в первую очередь стараниями отца Георгия Калаура, в Бенсонхерсте. Это итальянский район, и создание там христианского храма не встретило никаких преград. Я тоже ему помогал тогда, в меру своих сил. Но вот Брайтон, центр русскоязычной общины, продолжал оставаться «незаятым».

– Вы так нежно отзываетесь о Брайтоне... Но ведь Брайтон у многих ассоциируется и с некой эмигрантской «пересылкой», куда попадаешь по необходимости, сразу после приезда, и откуда мечтаешь поскорее выбраться в «американскую жизнь», навстречу «американской мечте»!

– Так было, безусловно. Но в последнее время наметились сдвиги. На Брайтон стали возвращаться люди, которые полностью состоялись. Вполне обеспеченные семьи. Здесь появилось огромное количество клубов, ресторанов... Стали возводить новые высотные кондоминиумы. Есть на них состоятельный покупатель. Правда, как только появились новые обитатели на шестисотых «мерседесах», сразу

Икона Божией Матери «Неупиваемая Чаша» – икона Богородицы, происходящая из Введенского Владычного монастыря Серпухова. Известна с 1878 года, почитается в Русской церкви как чудотворная. Образ известен тем, что, по мнению верующих, молящиеся перед ним могут получить исцеление от болезней, в том числе от алкоголизма и наркомании.

стало заметно расслоение общества, сразу стала видна бедность. Больше обозначился социальный контраст.

При этом сюда по-прежнему стекается огромное число людей, которые не нашли себя в «американской жизни». По разным причинам, но в основном для того, чтобы здесь начать все сначала, попробовать найти работу без знания английского языка. Приезжая сюда, они видят пляж, океан, расслабляются, думают, вот

он – праздник жизни! И часто не замечают, как с таким настроением вновь оказываются чужими на этом празднике...

– И о них вы печетесь?

– Совершенно верно. Вместе с этой кажущейся легкостью на Брайтон пришли и наркотики, и еще большее число людей стало оказываться «за бортом» и нуждаться в спасении души своей. Вот совсем недавно я попал в одну квартиру... Меня туда направил наш прихожанин. Когда я вошел в квартиру – ужаснулся! Боже мой, это был настоящий притон! Алкоголь, наркотики... Причем полиция знает об этой квартире. Время от времени устраивают рейды, аресты. Так вот когда я туда вошел, один человек прямо бросился ко мне со словами: «Батюшка, спаси! Вызволи меня отсюда!..» Да, вот так... Но так редко бывает. В основном злобствуют, угрожают.

– Отец Вадим, слух о том, что есть такой «странный» батюшка, который ходит по притонам, по подворотням и буквально из-под бордвока* вытаскивает совершенно опустившихся людей, распространился у нас быстро. У многих ваша самоотверженность вызывает восхищение, но скажите – а вам не бывает страшно?

– Да, честно говоря, иногда бывает. Но у нас уже выработались некоторые правила. Во-первых, никогда не ходить по одному, со мной всегда идут двое-трое наших братьев из Дома трудолюбия. Они, кстати, хорошо знают все эти злчные места. Когда-то они и сами были в том положении, в каком находятся сейчас эти несчастные, но выбрались же, с Божьей помощью, – не пьют, живут у нас при приходе, готовятся к нормальной жизни.

– А как эти ваши выходы осуществляются практически? Расскажите поподробнее...

– Выходим мы обычно вечером, когда стемнеет и бездомные собираются в своих, прости господи, норах. Как правило, начинается пьянство, безобразия всякие. Мы подходим к таким местам, зажигаем свечи, ставим икону Богородицы и начинаем громко молиться.

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Душеспасительные
беседы на Брайтоне

Обед для неимущих
во времянке,
построенной
прихожанами
церкви

Сначала с этими несчастными происходит нечто похожее на шок – все смолкают, потом я громко предлагаю: «Не хотят ли братья и сестры помолиться за спасение души своей?..»

– И что?

– Ну, бывает, что и с ножами кидаются, беснуются, грозят, но редко. Господь милует! А бывает, что и молятся... Да с какой силой и верой, вы бы видели! Больше, кстати, молятся...

– Возвращаясь к началу нашей беседы – как все же возник приход здесь, в центре Брайтона? По-моему, он носит имя св. Иоанна Кронштадтского?

– Нет, приход наречен во имя чудотворной иконы Богородицы «Неупиваемая Чаша». А вот Дом трудолюбия, поименованный в честь святого праведного Иоанна Кронштадтского, находится за церковью...

Когда нам все же удалось найти наше первое помещение, где мы вначале открыли часовенку, то быстро поняли, что нам нужно куда-то пристроить тех несчастных, которых мы вытаскиваем почти с того света, которые тянутся к нам. Нельзя их оставлять на улице без присмотра! И вот несколько лет назад молитвы наши были услышаны – нам удалось приобрести, исключительно на пожертвования прихожан, два дома здесь, в центре Брайтона. Один из них мы переоборудовали под церковь и освятили. Относимся мы к Русской зарубежной церкви под омофором митрополита Илариона. Ну а все зарубежные церкви сейчас находятся в непосредственном ведении Святейшего патриарха Кирилла. Так что мы считаем себя частью Русской православной церкви, которая находится в рассеянии. Вот такой у нас статус сейчас...

– Расскажите о Доме трудолюбия.

– Да, ну а второй дом мы оборудовали под общие кельи для братьев-населенников. Поделили его на комнатки, поставили туда кровати и нарекли в честь святого Иоанна Кронштадтского. Чтобы к нам попасть, человек должен отказаться от пьянства и наркомании. По крайней мере, захотеть этого! А уж мы будем молиться за него и помогать. Ну, и труд, конечно! Трудом можно исцелиться. Поэтому все, что у нас делается в приходе, делается руками наших воспитанников. Вот недавно мы во дворе пристроили новую летнюю кухню, где устраиваем обеды для бездомных. О наших обедах уже вся округа знает! Все сюда собираются... Ничего, глядишь, в кого-то и упадет зерно, может, кто-то и задумается. Обеды братья сама готовит, конечно.

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Потом, мы часто выезжаем на различные церковные мероприятия, такие как «субботники» в Ново-Дивеевском женском монастыре. Помогаем там по хозяйству, ухаживать за территорией.

Ну а по прошествии нескольких месяцев, когда мы видим, что человек совсем уже становится на ноги, исправляется, начинаем ему помогать, подталкиваем его к поиску работы. А там, глядишь, он уже и сам начинает и квартиру снимать, и хозяйствовать. Вот так, с Божьей помощью, и происходит возрождение...

– Отец Вадим, а как у вас возникла идея именно такого служения?

– Честно говоря, идея эта изначально не моя, но была представлена мне одной необычной встречей. Как говаривал в своих проповедях владыка Антоний Сурожский, «любая встреча в жизни от Господа, а вот как мы распорядимся этой встречей, зависит уже от нас». И вот такая встреча произошла однажды в моей жизни. Позвонила нам в церковь, старосте, одна молодая женщина, причем даже не православного исповедания. Сказала, что хочет обратиться к нашей пастве, что занимается проблемой бездомных русских и что среди них очень много наших единоверцев. Ну мы, естественно, решили предоставить ей слово. И вот, как сейчас помню, однажды после литургии эта молодая особа, не зная наших церковных традиций, прямо в спортивном костюме выходит на амвон и так запросто обращается к пастве: «Уважаемые,

Таинство причастия

Обход «владений». В поисках страждущих

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

а вы знаете, что ваши православные единоверцы умирают на улицах Брайтона?»

Все сконфузились, зашумели и даже, по-моему, не очень-то восприняли ее слова, а мне они прямо-таки врезались в сердце. Я вдруг почувствовал тогда, что вот оно, то, что я искал! И я прямо чуть не полетел к ней, через толпу людей, шипящих на нее. Еле успел у нее тогда взять телефон – ее прямо-таки вытолкали из храма. И когда на следующий день она провела меня впервые по всем тем значным местам на Брайтоне, я понял, что отныне приложу все силы, чтобы помочь этим несчастным. И в этом я вижу свое служение... Вся моя проповедь ребятам состоит из нескольких слов: «Давайте вместе выкарабкиваться!»

Мы не ставим себе задачу спасти кого-то, так как дело Спасения – в руках Божьих. Все, что мы можем сделать, – это показать ребятам, за

которыми уже, казалось бы, замкнулись двери адовы, что ЕСТЬ СВЕТ и этот СВЕТ зовет к себе.

Буквально сегодня к нам пришло письмо от Святейшего патриарха Кирилла первоиерарху Русской зарубежной церкви митрополиту Илариону. В нашу убогую общину решено передать частицы мощей старцев оптинских. Неужели по нашей праведности? Как раз наоборот! Очевидно, видят преподобные старцы, что окаянному грешнику отцу Вадиму с его помощниками никак не справиться с подобным служением. Преподобные сами решили войти в нашу общину, встать невидимым образом посреди нас и молить Творца о спасении каждой страждущей души. ❀

*Бордвок (англ. boardwalk) – вид деревянного настила, «променада», который устраивается, как правило, вдоль пляжей, любимое место прогулок американцев.

Лада Клокова, Александр Бурый,
фото Александра Бурого

КАК РОЖДАЕТСЯ СКАЗКА

КТО НЕ МЕЧТАЛ В ДЕТСТВЕ ХОТЬ КРАЕМ ГЛАЗА УВИДЕТЬ, КАК ДЕД МОРОЗ И СНЕГУРОЧКА ЗОЛОТЯТ ОРЕХИ И РАСПИСЫВАЮТ ЧУДЕСНЫЕ ШАРЫ, А СИМПАТИЧНЫЕ БЕЛОЧКИ И МЫШКИ АККУРАТНО СКЛАДЫВАЮТ ИХ В ПОДАРОЧНЫЕ МЕШОЧКИ? НУ, ПО КРАЙНЕЙ МЕРЕ, ИМЕННО ТАК ВЫГЛЯДЕЛ ЭТОТ ПРОЦЕСС НА ЯРКИХ НОВОГОДНИХ ОТКРЫТКАХ. ПОМНИТЕ?

ОТПРАВЛЯЯСЬ В ПАВЛОВО-ПОСАДСКИЙ РАЙОН на фабрику «Иней», мы, естественно, не ждали встреч ни с Дедом Морозом, ни с сообразительными белочками. И совершенно не представляли, как на самом деле тяжело рождается хрупкая новогодняя сказка.

Стекло и пламя

...Спокойно разговаривать здесь невозможно, можно только кричать, да и то – бесполезно: гул мощных вентиляторов и шипение газовых горелок не прекращаются ни на минуту. Стеклодувный цех – «горячий», то есть вредный, на пенсию стеклодувы уходят в 45 лет. «Работа тяжелая, – смущенно улыбается старший мастер фабрики и наш гид Нина Ивановна Мелкозерова, – все выходят отсюда полутухлые и полуслепые. Во-первых, шум – слышите какой. Во-вторых, целый день нужно смотреть на огонь. В-третьих, стеклянная крошка». Нина Ивановна раньше была заведующей

местным детским садиком, но в 1975 году садик закрылся, и педагог пошла работать стеклодувом. Сегодня за смену стеклодув выдувает 200–250, как здесь говорят, «изделий». В прежние времена норма доходила до 600 игрушек в день. Похожие на длиннющие шприцы трубки медицинского стекла нагреваются, разделяются на фрагменты, из которых выдуваются шары или домики, зайчики и прочая елочная «радость». Причем у каждого «изделия» оставляется длинная «ножка», на фабричном языке – «усик». Работа стеклодува требует постоянного внимания и концентрации. И

не только потому, что для каждого вида игрушек существует своя система хитрых «подкруток» и «поворотов». Случалось, что и горелка падала на стеклодува. Или раскаленная пульпа прожигает одежду, а лопающееся стекло обжигает руки. «Вот, видите эти пятна? – Нина Ивановна показывает свои руки. – Это – ожоги. Стекло лопается и разбрызгивается, попадает на кожу и прилипает. Нужно быстро-быстро его снять. Но ожог все равно останется». Оказывается, поэтому здесь и не принято надевать наушники, чтобы спастись от шума: если стекло лопается, стеклодув успевает услышать этот звук и может вовремя среагировать. – А почему девушка в наушниках сидит? – интересуемся мы (одна из стеклодувов действительно работает в солидных наушниках). – Ну... Молодая еще, к шуму не привыкла, – смеется Нина Ивановна.

Серебро, алюминий и лаковые ванны

Прозрачные шары и фигурки после стеклотрувного цеха отправляются либо на серебрение, либо на металлизацию. Разница – существенная. Если шар прошел серебрение, он

светится как бы изнутри, а игрушки, «пережившие» металлизацию, имеют, как говорят на фабрике, «поверхностный» блеск. Первые выглядят, конечно, привлекательнее, но и требуют больше усилий и ручного труда.

Сначала в каждый шарик впрыскивается определенная доза раствора серебра, дистиллированной воды и аммиака. Затем без промедления шарик опускается в ванну с горячей водой и встряхивается до тех пор, пока вся внутренняя поверхность не покроется серебром.

Вот и понятно, почему стеклодувы оставляют «усики» – как иначе производить с будущей елочной игрушкой все эти манипуляции?

Металлизация проходит иначе. В огромный цилиндр, диаметр которого больше человеческого роста, рядами укладываются и закрепляются «изделия». В вольфрамовые спирали вставляются алюмине-

вые проволоочки, установка закрывается, и из нее откачивается воздух. Затем нагревательный элемент раскаляется до 1200 градусов, барабан начинает вращаться, а частицы распадающегося в вакууме алюминия распыляются и оседают на игрушках. Весь цикл длится около полутора часов.

Ряды обработанных серебром или алюминием шаров, подсыхающих на специальных стойках, похожи на маленькие спутники, готовые к запуску в космос. Красота!

Но всю эту красоту безжалостно окунают в емкости с разноцветными лаками. Тоже вручную. Шарик снова берут за «усик», опускают в лак, отряхивают и втыкают в поддон с песком. Теперь все эти яркие, блестящие шары будут сохнуть. Они уже радуют глаз, но игрушками еще не являются.

ВСЕ ИГРУШКИ – НА УЧЕТЕ

«ИНЕЙ» – ОДНА ИЗ СТАРЕЙШИХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ФАБРИК, РАБОТАЕТ ОНА С 1937 ГОДА! ТАК ЧТО В МУЗЕЕ, КОТОРЫЙ ДЕЙСТВУЕТ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ, МОЖНО ИЗУЧАТЬ ИСТОРИЮ XX ВЕКА С ПОМОЩЬЮ ЕЛОЧНЫХ ИГРУШЕК: В ВИТРИНАХ ХРАНЯТСЯ СВИДЕТЕЛИ ЦЕЛОЙ ЭПОХИ.

Первые игрушки здесь делали из прессованного картона и ваты. Из картона их вырезали на небольших станках, затем опускали в густую массу клея, сверху наносили краску и слюду. А игрушки из ваты делали вручную.

Во время войны фабрика, конечно, не работала. А к началу 50-х годов на «Инее» начали делать игрушки из стекла, которые выдувались на керосиновых горелках и расписывались весьма незамысловато. Причем современных «колпачков» у них не было. Такие фигурки имели внизу металлическую прищепку. Наверняка у многих такие старые игрушки еще хранятся в домашних «коллекциях». С начала 50-х годов появились стеклянные бусы на проволоочном каркасе. Из них даже делали снежинки и пирамидки, которые назывались «конструкторами». А после того, как в 1956 году на советские экраны вышел фильм «Карнавальная ночь», на фабрике запустили в производство очень симпатичные миниатюрные будильнички, которые шли в магазинах нарасхват. Чуть позже додумались расписывать игрушки фосфорными красками: эта находка тоже пришлась по душе покупателям, всем хотелось, чтобы новогодняя елка светилась в темноте.

В 1961 году по вполне понятным причинам фаворитами производства стали всевозможные спутники, космонавты и шары с изображениями ракет. Кстати, именно

с этого момента верхушки для елок стали делать не в виде звезды, а в виде стилизованных ракет. Тогда же окончательно перешли на «колпачки», отказавшись от использования в игрушках прищепок.

Еще одна популярная тема в начале 60-х – всевозможные овощи и фрукты и, конечно же, пресловутая хрущевская кукуруза, которая висела буквально на каждой елке. Тогда же начинается производство мини-елок с наборами мини-игрушек – свидетельство того, что многие советские граждане все еще живут в коммунальных квартирах.

В 1965 году – в годовщину Победы – елки украшали красными шарами с соответствующей символикой: серп и молот, звезда, Кремль, Царь-пушка...

В начале 70-х помимо игрушек начинают выпускать разнообразную елочную мишуру, столь привычную сегодня и столь дефицитную в те годы.

Конец 70-х и начало 80-х – витрина наполнена пустыми прозрачными шариками со скромными единичными рисунками. На фабрике их называют «голье» и говорят, что выпускались они тогда, когда количество преобладало над качеством.

Современные игрушки легко отличить даже от тех, которые делались в конце 80-х. Самые распространенные узоры на них двух видов: это либо православная тематика, либо узоры, не несущие никакой «идеологической нагрузки». Да и украшать их стали богаче: в ходу бисер, ленты, стеклярус, банты, присыпки, используют даже специальные лаки для создания эффекта кракелюра. Есть и совершенно уникальные экземпляры: шары, рисунок и узоры на которых вырезаются... лезвием! Правда, мастеров таких остались единицы, да и работа слишком трудоемкая. Над одним таким шаром, украшенным с помощью лезвия, художник корпит больше месяца.

Скоро на них с помощью трафарета и тоже вручную нанесут «базовый» рисунок, а затем еще раз высушат. И вот только после этого за них возьмутся художники.

Кстати, трафаретов – множество. И двуглавый орел, и мишки, и снегурочки, и зайчики, и белки, и снежинки... Чего там только нет!

«Фунтики» и «усики»

Самый красивый цех на фабрике, конечно, художественный: мастерицы сами расписали белоснежные стены сюжетами на новогодние темы. Здесь, в отличие от остальных помещений, царит тишина и даже некоторая торжественность.

Глаза просто разбегаются: сияющие шары и игрушки всех цветов радуги повсюду. Вот уж действительно – такое не каждый день увидишь. Наверное, не мы первые, войдя в цех, замираем с ошарашенным видом, потому что, глядя на нас, художницы понимающе улыбаются и переглядываются.

– Вы, конечно, привыкли ко всей этой красоте. А мы такое в первый раз видим, это же просто чудо какое-то!

– Конечно, привыкли. – Нина Ивановна тоже улыбается, но как-то грустно. – Пригляделись и посмотре-

лись давно. Чудо не чудо, а работа-то непростая.

Художницы быстрыми отточенными движениями водят по шарикам... нет, не кисточками, а «фунтиками». Из тонкой полиэтиленовой пленки сворачивается кулек, у него косо надрезается острый конец, сам «фунтик» заполняется водоэмульсионкой, подкрашенной акриловой краской, и все – «инструмент» готов к работе. Оказывается, если раскрашивать

игрушку таким «фунтиком», а не кистью, рисунок получается более выпуклым и «живым». Роспись по трафарету или без него – просто на гладкой поверхности – происходит в несколько этапов. Сначала обрисовываются детали одного цвета, затем – другого, после – выполняются завершающие штрихи. Правда, кисти художницы тоже используют, но в основном в росписях, требующих очень тонкой и тщательной прорисовки деталей.

Пока краска еще не успела высохнуть, применяют блестящий порошок – разноцветную «присыпку». Сыпят ее щедро, не жалея – ложками. Затем шарик встряхивают и весь лишний порошок, не прилипший к краске, осыпается. Каждая мастерица за рабочий день расписывает не менее 50 шариков. В это трудно поверить, но факт остается фактом. «И больше расписывают, – подтверждает Нина Иванов-

на, – например, 30 шариков с одним рисунком и 40 – с другим». Еще пару лет назад, до кризиса, на фабрике работал специальный дизайнер, который придумывал каждый год новую серию рисунков. Сейчас дизайнера нет, художники сами разрабатывают и предлагают рисунки, их обсуждают и оценивают, а потом «запускают в производство». Есть одна хитрость: рисунок для игрушки не может быть слишком сложным и

замысловатым, поскольку его должны суметь повторить все работающие на фабрике художники.

«На каждое изделие есть свой образец, – поясняет Нина Ивановна, – они у нас хранятся отдельно и выдаются художникам. Когда мастер разрисовывает партию, этот образец стоит перед ним, он его просто копирует».

Образцы красуются на стойках и полках, и каждый, между прочим, имеет свое название. Вот этот густо-красный с серебристо-зелеными разводами – «Ягодка», белоснежный, как будто сплетенный из кружева, – «Снежинка», а вот этот большой темно-синий с сияющим, почти настоящим инеем – «Морозище». Другой, переливающийся всеми цветами радуги – «Павлин», небесно-голубой, усыпанный цветами – «Незабудка», нежнейший розовато-красный – «Коралл». Каждый из них хочется взять в руки... А от огромного черно-зеленого шара с фантастическими узорами оторваться вообще было трудно.

...Но нам пора идти дальше. Уложенные в большие картонные коробки игрушки несут на следующую «операцию», после которой они должны приобрести почти товарный вид. Здесь, в небольшой комнатке, у игрушек с помощью электрического резака отрезают те самые «усики».

Затем в игрушки вставляются «колпачки» с петлей, и всё: «изделия» готовы к последнему этапу – упаковке. Сначала упаковщицы самостоятельно складывают коробочки из бумаги или пластика, после чего каждая игрушка получает свой новый «дом», из которого ее извлекут уже те, кто будет украшать елку.

Капризная елочная мода

– Вот только одно непонятно: почему такие прекрасные новогодние игрушки – редкость в наших магазинах?

– Да потому что китайская штамповка все наводнила, – разводит руками генеральный директор «Инея» Людмила Невструева. – Как нам с ней тягаться? У нас же ручная работа, наша продукция заметно дороже, покупатель же в магазинах выбирает то, что подешевле. А у нас, например, материалы для производства, которые мы закупаем в Польше, Германии, на Тайване, в России, дорогие. Да и с объемами штамповки наши объемы не сравнить. Мы сейчас в год выпускаем всего 70 тысяч изделий. А крупным торговым сетям нужно гораздо больше. Да и нет у нас денег, чтобы бонусы сетям платить. Мы работаем в течение года, а зарабатываем только в последние три месяца.

Ну а чтобы нарастить производство, нужно взять на работу новых стеклодувов и художников. У нас их было больше до кризиса, но в итоге штат пришлось сократить. А вы знаете, сколько времени уходит на то, чтобы подготовить стеклодува или художника? Полгода-год. Мы же сами сотрудников учим.

Зато в последнее время наметилась очень ободряющая тенденция: к нам все чаще стали обращаться мелкие частные торговые компании. Они покупают нашу игрушку и говорят, что все уже насытились китайскими подделками, покупатели хотят свою, российскую игрушку – родную и ручной росписи. Так что потихоньку дела налаживаются.

– Мода добралась даже до елочных игрушек, как известно. Глядишь, в одном году модно елку черными игрушками наряжать, в другом – красными с золотым узором. Производители как-то обмениваются друг с другом своими задумками, новыми рисунками и т.д.?

– Что вы! Как правило, фабрики тщательно скрывают свои новые разработки. Конкуренция. Даже на больших специализированных выставках производители обычно выставляют на стенд свою старую продукцию. Новые образцы показывают только клиентам и только в каталоге. И это притом, что практически все производители каждый год обновляют свои коллекции.

– То есть все друг за другом следят?

– Конечно. И следят, и перенимают новшества. Вот, например, лет пять назад мы начали выпускать игрушки с выпуклым рисунком – остальные российские производители тут же сориентировались. И все следят,

естественно, за тем, что выпускают производители за рубежом. Всегда надо быть в курсе.

– Есть ли игрушки, которые в любой год пользуются одинаковым спросом у покупателей, или вкус ежегодно меняется?

– Каждый год все происходит по-разному. Угадать, чего захочет потребитель, очень сложно. Вот, например, в позапрошлом году у нас лучше всего продавались большие шары и верхушки на елку. Причем верхушек не хватало, все их просили. В следующий год выпустили больше верхушек, а их не покупают. Или вот, например, года два назад покупатели обычно брали то, что подешевле. А в 2009 году – в разгар кризиса – вдруг начали с руками отрывать большие дорогие шары со сложной росписью. Как вам это? Не угадаешь.

P.S.

Мы, конечно, поинтересовались у профессионалов, как должна выглядеть новогодняя елка-2011. Выяснилось, что модный тренд нового сезона – обилие ярких, чистых цветов, больших, богато украшенных шаров и фольклорных фигурок. И не жалейте стеклянных бус и мишуры! С Новым годом! ❀

ЖИВУЩИЕ ПО ВОЛЕ БОГА

Алексей Макеев

В ПОСОЛЬСТВЕ СУДАНА В МОСКВЕ ЦАРИЛО УДИВИТЕЛЬНОЕ СПОКОЙСТВИЕ. СЕКРЕТАРЬ, МУЖЧИНА ДВУХМЕТРОВОГО РОСТА, ПРЕДЛОЖИЛ МНЕ ЧАЮ, И МЫ, ПОГРУЗИВШИСЬ В МЯГКИЕ КРЕСЛА, СТАЛИ ВМЕСТЕ СМОТРЕТЬ ТЕЛЕВИЗОР. СУДАНСКИЙ КАНАЛ, СУДАНСКАЯ МЫЛЬНАЯ ОПЕРА.

ТОЛЬКО МОЛОДУЮ БИЗНЕС-вумен, которая пришла раньше меня, явно бесил этот домашний уют. Она сидела как на иголках и наконец не выдержала. «Сколько можно ждать?!» – накинулась она на секретаря. Тот нехотя оторвался от телевизора и медленно выполз из-за стола. Сказал, что все сделает через минуту, и, прибавив по-арабски «Иншалла» («Если на то будет воля Бога»), степенно удалился. Прошла минута... и 10, и 40. По коридору мимо нас проходили суданцы, такие же высокие, плечистые, с добрыми лицами. Здоровались, расплываясь в благодушной улыбке. Наконец вернулся секретарь. Он был явно чем-то доволен. Притан-

цовывая и напевая, гигант втиснул ноги под свой низкий стол. А затем с неподдельным участием обратился к женщине: «Здравствуйте, что вы хотели?» Бизнес-леди вскипела: «Это просто невозможно! Вы что, издеваетесь?! Уже две недели я к вам хожу! Все документы давно готовы. Мне виза нужна! Работа стоит, понимаете?!» Секретарь изобразил озабоченность и сделал типично арабский жест: сложил большой, указательный и средний пальцы, показав получившуюся щепотку женщине. Означает: подождите минуточку...

Я не ругался. И пусть визу получил только через год. Уже тогда понял: это нормальный суданский темп жизни.

На пароме Гумилева

Судан и Египет имеют огромную сухопутную границу – 1300 километров! Но уже много лет она закрыта, и попасть на машине из одной страны в другую невозможно. Единственное средство сообщения – паром по Нилу из Асуана в суданский город Вади-Хальфу. Маршрут существует уже не одну сотню лет. Именно этим путем проходили первые европейские исследователи Судана. На этом же пароме плыл и Николай Гумилев во время своей экспедиции в Восточную Африку в 1910 году. А отправленное им с парома письмо на родину со штампом Halfa заставило соотечественников ломать голову, что эта за «Хальфа» такая, где она находится и как он туда попал. Добравшись до Асуанской плотины, я пришел в порт. Паром оказался судном довольно приличных размеров, на которое с раннего утра начал набиваться народ. Сначала я спрятался от жгучего солнца на нижней палубе и занял жесткую полку, наивно полагая, что она находится в моем полном распоряжении. К обе-

ду на «моей» полке сидело уже пять человек. Паром давно должен был отправиться, но люди все прибывали. В итоге толпа просто выдавила меня на верхнюю палубу. Тут-то все европейцы, оказавшиеся на судне, и увидели друг друга. Мы сбились в кучу и заняли угол возле рубки капитана. Компания состояла из восьми человек: английский паренек, французская семейная пара, четыре немца на мотоциклах и я. Немцы собирались пересечь всю Африку до Кейптауна, французы планировали завершить свое путешествие в Кении. Только англичанин, скитавшийся от несчастной любви по миру, не знал, куда он едет.

Чтобы габаритные суданцы не спихнули нас с палубы в воду, пришлось перегородить наш угол, поставив палатку. К вечеру наконец-то тронулись в путь. Предстояло преодолеть около 500 км по самому большому в мире рукотворному водоему – озеру Насер. В Судане паром должен был оказаться к обеду следующего дня. Засыпали мы под звуки молящихся на палубе мусульман и плеск крас-

неющих от заката волн Нила. Выспаться, правда, не удалось: ночью нас начала заливать непонятно откуда взявшаяся вода. Я перебрался на лавку в рубке капитана, французы облюбовали крышу рубки.

Проснулись на рассвете. Первое, что увидели, – это проплывающие мимо статуи Абу-Симбела.

Шоколадная вода

Вади-Хальфа встретила нас пустынным пейзажем с почерневшими от солнца холмами. Трудно было поверить, что это – старый колониальный город, в котором кто-то живет. Суданские таможенники отнеслись к нам очень подозрительно. Француза вообще не хотели пускать. Глядя на его полуголый торс, едва прикрытый крошечной маечкой, спрашивали: «Где ваша одежда? Без рубашки нельзя!» Но потом, увидев, как он таскает на себе сразу два огромных рюкзака – свой на спине и рюкзак жены на груди, – сжалились и поставили въездной штамп. Ступив на суданскую землю, наша европейская команда разбрелась.

Немцы остались дожидаться своих мотоциклов, остальные отправились на разведку в «центр города». Я пошел посмотреть на разлив Нила. Шоколадного цвета вода, сквозь которую проглядывали колючки и кусты, затопила все вокруг. Глубина такая незначительная, что цапли и ибисы, кажется, ходят по поверхности воды.

Знаменитый разлив Нила, известный еще по школьным учебникам, сейчас можно увидеть только в Судане. С возведением Асуанской плотины в 60-х годах XX века главное ежегодное действо, тысячелетиями служившее источником жизни в Египте, закончилось. Если раньше плодородный ил, намываемый разливами, оседал на полях крестьян, то теперь весь он задерживается выше плотины. Сегодня египетские фермеры используют искусственные удобрения.

К берегу на повозке, запряженной ослом, подъехал мальчик. В привезенные бадьи он стал набирать воду, одновременно болтая со мной на вполне понятном англий-

ском. Узнав, что я собираюсь покинуть Вади-Хальфу только завтра на поезде, Абу-Азиз пригласил меня в дом своего отца – учителя местной школы.

Пить из Нила и жить до 90

Шел священный месяц Рамадан, и днем окрестности вымирали. Повозка Абу-Азиза, поскрипывая, везла меня по улочкам Вади-Хальфы. Вокруг – сплошные глиняные заборы и высушенные головы крокодилов, украшающие ворота. «Это рыбаки наловили сетями, – объяснил Абу-Азиз. – Здесь много крокодилов. И большие. Недавно недалеко отсюда выловили крокодила 6 метров длиной! В озере Насер водятся самые крупные крокодилы в Африке». Вместе с разливами и крокодилы остались по эту сторону Асуанской плотины.

Дом, в который мы приехали, был сделан из глины и песка. Современный телевизор со спутниковым ресивером, кровати и кресла в окружении неоштукатуренных глиняных стен, потолка и такого же, как на улице, «песчаного пола»...

Отец семейства крепко спал. Мы выгрузили воду и пошли погулять по городу. К нам присоединились несколько подростков – родственников и друзей Абу-Азиза. По моему настоянию взобрались на гору – хотелось запечатлеть город,

пустыню, Нил. Как вдруг слышу от одного из мальчиков: «А разрешение на съемку у вас есть?» Я прикинулся, что не понимаю, тем более что вопрос прозвучал по-арабски. Однако... Я, конечно, слышал, что еще в 80-х годах в Судане запрети-

ли иностранцам фотографировать что-либо без специального разрешения. С тех пор его вроде бы никто не отменял. Но я надеялся, что полицейские за давностью лет забыли о таких строгостях. А уж услышать требование разрешения

PHOTOS/ALAMY

ОТ СЧАСТЬЯ И СЛАВЫ ДРЯХЛЕЮТ СЕРДЦА...

Лада Клокова

СТРАННЫЙ ЧЕЛОВЕК, СТРАННЫЕ, ЧАРУЮЩИЕ СТИХИ, СТРАННАЯ, ТРАГИЧЕСКАЯ СУДЬБА.

«САМЫЙ НЕПРОЧИТАННЫЙ ПОЭТ XX ВЕКА», – СКАЗАЛА О НЕМ ЕГО ПЕРВАЯ ЖЕНА.

ТА, ЧТО ЗНАЛА ЕГО ЛУЧШЕ ВСЕХ И УЖ ТОЧНО РАЗБИРАЛАСЬ В ПОЭЗИИ, – АННА АХМАТОВА.

Почему сын врача, родившийся в Кронштадте, живший в Санкт-Петербурге, Тифлисе и Царском Селе, так мечтал о рыцарях, Прекрасной Даме, жарком небе Африки и жирафе у озера Чад? О чем думал, глядя на свое отражение в зеркале, этот худой, некрасивый мальчик? Он немного косил и шепелявил, старших чурался, сверстниками верховодил. Повзрослев, не изменил детским привычкам. Над-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. СОЛЮТАРЕВЫМ

менностью прикрывал застенчивость и нелюдимость, честь считал превыше всего, остался безнадежным романтиком и по-прежнему страстно мечтал о дальних странах. В апреле 1921 года, когда ему исполнилось 35, написал:

«...Самый первый: некрасив и тонок,
Полюбивший только сумрак рощ,
Лист опавший, колдовской ребенок,

на фотосъемку в такой глуши от деревенского мальчика...

Вернулись в дом Абу-Азиза. Я попросил воды. В стакане плескалась мутная жидкость коричневого цвета, напоминавшая разлившиеся воды Нила, которые я только что фотографировал. Здоровенный бородатый отец семейства Ахмад смотрел на меня сонными глазами и успокаивал: «Мой отец пил воду в два раза темнее по цвету. А дед вообще из Нила кружкой зачерпывал. И все здоровые были, до 90 лет жили. Так что пей, не бойся!»

После захода солнца – молитва, потом – ужин. Начинать трапезу после целого дня без еды и воды здесь принято с особого сока-пюре из фиников. Этот сок, по словам Ахмада, наилучшим образом готовит желудок к принятию пищи после голода, и делали его в Рамадан еще во времена пророка. Ели и фасолевую похлебку, и молочную кашу, и жаренную до состояния угля нильскую рыбу. Еду приправляли сильно пахнущей сероводородом солью, которую суданцам дают иловые отдели все того же Нила.

Железная дорога

На следующий день после обеда я распрощался с гостеприимным семейством и пошел на вокзал. Железная дорога из Вади-Хальфы в столицу Судана Хартум – настоящий

PHOTAS/ALAMY

музейный экспонат. Построенная англичанами еще в XIX веке узкоколейка до сих пор в рабочем состоянии. Вагоны, перевозящие пассажиров, под стать колониальной эпохе. Собственно, поэтому я и решил ехать на этом поезде: все здесь переносит во времена путешествия Гумилева.

Поезд ходит раз в неделю, поэтому пассажиров хватает. Состав уже стоял на путях, набитый народом под завязку, а в кассах творилось что-то невероятное. Небольшой офис штурмовала огромная толпа. Поняв, что через нее не пробиться, я подошел к группе людей с сум-

ками, спокойно стоящими возле поезда. «На крыше поедом, – объяснил мне интеллигентного вида парень в очках. – Сейчас ходят полицейские и гоняют с крыш. А когда поезд тронется, надо будет быстро забираться». Я решил попробовать заранее, как это – ехать наверху, и вскарабкался на крышу. Но не смог пробыть там и полминуты. На солнце железная крыша вагона раскалилась, как сковородка! На ней можно было жарить бифштекс! Парень в очках удивленно пожал плечами: «Наверное, для вас, привыкших к снегу русских, крыша слишком горячая, а нам – нормально».

Словом останавливавший дождь.

Дерево да рыжая собака,
Вот кого он взял себе в друзья,
Память, Память, ты не сыщешь знака,
Не уверишь мир, что то был я».

Через четыре месяца Николая Степановича Гумилева расстреляли где-то под Петроградом...

Когда все началось? Наверное, в 1903 году. Семья Гумилевых вернулась из Тифлиса в Царское Село. Николай – ученик 7-го класса легендарной гимназии, руководит которой Иннокентий Анненский. Нет-нет, не его декадентскими опусами бредит тогда молодой Гумилев (Анненский впервые опубликовал свои стихи только в 1904 году). Он не расстается с *Urbi et orbi* Валерия Брюсова и мечтает издать свой первый поэтический сборник – «Путь конквистадоров». Вот именно тогда это и случилось. В Сочельник у Гостиного двора Николай знакомится с юной гимназисткой Аней Горенко – гордой девочкой с серыми глазами и инопланетным профилем. Через несколько лет она будет известна всем как Анна Ахматова.

Для Гумилева все было решено: это – его Беатриче. Весной 1904 года он предлагает ей руку и сердце, 15-летняя Аня решительно отказывает. Семь лет он добивается ее любви, трудно сосчитать, сколько раз она отвечает отказом. Иногда неожиданно соглашается на помолвку, потом неожиданно разывает ее... В 1906 году после очередного отказа Гумилев уезжает в Париж, посещает лекции в Сорбонне, переводит Гюте, издает литературный журнал «Сириус», где впервые публикует стихи Ани Горенко. Вышло всего три номера журнала – Гумилев мучается от безденежья. В 1907 году возвращается в Россию: ему 21 год, нужно уладить вопрос с воинской повинностью (его признали негодным к службе), а еще Анна, которая живет с матерью в Киеве, согласилась стать его невестой. Он спешит в Киев, но встреча закончилась трагедией: она опять передумала! Гумилев снова бежит. Потом он общит Брюсову, с которым вообще переписывался долгие годы, что был в Константинополе, в Смирне, где случился роман с «какой-то гречанкой», воевал с апашами в Марселе, а затем оказался в Париже. Он несколько

Еще три часа я в панике пытался пристроиться в поезд: то атаковал толпу вокруг кассы, то пытался найти свободное место в общем вагоне. К счастью, отправление поезда задержалось до вечера. Когда в сумерках прозвучал гудок паровоза, я все-таки забрался на остывшую крышу вагона. Суданцы обрадовались моему соседству, говорили, что впервые видят на крыше европейца. Но как только поезд тронулся, оказалось, что раскаленная крыша – не единственная проблема. Вагон во время движения болтается из стороны в сторону, как взбесившийся маятник. На покато́й крыше было совершенно невозможно удержаться. Но суданцев это ничуть не смущало: люди спокойно сидели, ужинали, готовились ложиться спать.

Не проехав и километра, поезд остановился. Я слез вниз и пробрался в первый класс. Найдя относительно свободное купе, пристроился с краю. Поезд снова тронулся. Болтанка продолжилась. Теперь я с завидной регулярностью бился головой о стенку купе. Добрые соседи дали мне подушку, стало легче. Но ехать уже никуда не хотелось.

Проехав еще километров пять, поезд остановился посреди пустыни. Стоим полчаса, стоим час, два... Люди начали слезать с крыш, выходить из вагонов, укладывались пря-

PHOTOS/LAMY

мо на песок и засыпали. «Когда же мы все-таки поедem?» – спрашивал я у всех подряд. Пожилой суданец со знанием дела начал рассуждать: «Может, завтра, может, послезавтра... Поедem, Иншалла». Я вспомнил, что по железной дороге от Вади-Хальфы до ближайшей деревни 400 километров глухой пустыни. Воды у меня не было. И езда на суданском поезде показалась мне слишком обременительной. Так что я отправился обратно в Вади-Хальфу пешком.

Та еще была картина. Тусклый полумесяц в черном небе, вокруг – пустыня, а по шпалам топают стран-

ный европеец, которого сопровождает огромный гриф... Он, кстати, несколько нервировал.

Когда наконец показалась окраина Вади-Хальфы, я вздохнул с облегчением.

Непотопляемые нубийцы

Скоротав время до рассвета, с первыми лучами солнца я вышел на выезд из Вади-Хальфы и стал ждать попутную машину. Автомобильные пути вглубь страны шли вдоль Нила и казались гораздо безопаснее железной дороги.

Я расположился под навесом, где стояли большие глиняные сосуды с

раз то ли имитировал попытки самоубийства, то ли действительно пытался свести счеты с жизнью. Рассказывал Алексею Толстому, как травился в Булонском лесу, где его через сутки нашли в бессознательном состоянии. В 1908 году уезжает в Египет, пребывание на Черном континенте, видимо, излечивает его от мыслей о самоубийстве. Гумилев возвращается в Царское Село, становится участником вечеров «Башни» Вячеслава Иванова, принимает участие в создании знаменитого журнала «Аполлон» и «Общества Ревнителей Художественного Слова» (ОРХС).

Отдельная страница – Максимилиан Волошин и Елизавета Дмитриева, разыгравшие на «подмостках» «Аполлона» сомнительный спектакль «Черубина де Габриак». Гумилев подружился с ними, даже пожил у Волошина в Коктебеле. Зачем-то ловил там пауков и, запершись на чердаке, писал своих «Капитанов». Когда написал, всех пауков выпустил. Позже в Санкт-Петербурге был выбран Волошиным в свои секунданты на дуэль, которая не состоялась. И это все тоже странно, мистически странно –

ведь вскоре Гумилев сам стрелялся с Волошиным. Темная история, виной которой – все та же Черубина де Габриак, прекрасная поэтическая мистификация, а в жизни – некрасивая, хроменькая Дмитриева. Воспоминания очевидцев полны недомолвок. Вот что писал Алексей Толстой: «В прямой... атмосфере «Аполлона» возникла поэтесса Черубина де Габриак. Ее никто не видел, лишь знали ее нежный и певучий голос по телефону. ...Мистификация, начатая с шуток, зашла слишком далеко, – пришлось раскрыть. В редакции «Аполлона» настроение было, как перед грозой. И неожиданно для всех гроза разразилась над головой Гумилева. ...Но я знаю и утверждаю, что обвинение, брошенное ему, – в произнесении им некоторых неосторожных слов – было ложно: слов этих он не произносил и произнести не мог. Однако из гордости и презрения он молчал, не отрицая обвинения, когда же была устроена очная ставка и он услышал на очной ставке ложь, то он из гордости и презрения подтвердил эту ложь. В Мариинском театре, наверху, в огромной, как площадь,

ИТАР-ТАСС

водой. Из близлежащих домов стали подтягиваться люди. Я объяснил, что еду в Донголу – ближайший крупный город на пути в Хартум. Суданцы почему-то стали качать головами. Потом мне принесли кресло, как бы намекнув, что попутку придется ждать долго. Какая-то добрая женщина вынесла поднос с завтраком... Я старался не терять бодрости духа.

...За весь день я не увидел ни одной машины. Вечером мне стали предлагать перебраться в дом на ночлег, но я отказался: а вдруг в ночной прохладе появится попутка? Тогда для меня к дороге вытащили кровать! Затем один из местных жителей, Амин, пообещал завтра найти для меня транспорт.

Попутку пришлось ждать не одни сутки. А пока я решил погрузиться в жизнь суданской деревни в период Рамадана. Почти целый день мы спали. Жизнь начиналась с заходом солнца. За ночь мы три раза ужинали, а в остальное время ходили в гости пить сок. Люди здесь удивительно дружны. И неспроста. Всю эту северную половину Судана населяют нубийцы. Для них, жителей пустыни, катастрофой стало строительство Асуанской плотины. Образовавшееся в результате возведения дамбы озеро Насер затопило 400 нубийских деревень с их плодородной землей и финиковыми рощами. 80-летний Махмуд рассказывал, что, когда Нил стал выходить из берегов, они построили дома выше по берегу. Но затем вода добралась и до новых домов. Так было несколько раз. Большинство жителей Вади-Хальфы пережили четыре миграции, пока не оказались на раскаленном песке. «Сейчас здесь пустыня, – с горечью констатировал Махмуд. – А до плотины Вади-Хальфу называли «райским садом». Все здесь утопало в зелени. И электричество у нас появилось еще в 1912 году, на 13 лет раньше, чем в Хартуме... Нам сказали: уезжайте куда хотите. Большинство так и сделало. Только 2 тысячи человек со всей затопленной долины Нила собрались в Хальфе, чтобы остаться жить на родной земле. Мы оказались в пустыне, и никакой по-

мастерской Головина... произошла тяжелая сцена в двух шагах от меня...» Еще бы сцена не была тяжелой! Волошин дал пощечину Гумилеву, после чего царскосельский поэт немедленно вызвал коктейбельского коллегу на дуэль. Где она состоялась? Конечно, у Черной речки! Гумилев промахнулся, что странно для страстного охотника: видно, промахнулся сознательно. Пистолет Волошина дал две осечки... Николай Степанович требовал, чтобы Волошин стрелял в третий раз, – секунданты не позволили, развели дуэлянтов. Больше они не общались...

Снова путешествия, правда, не далекие, учеба в Петербургском университете, романы, работа над новыми поэтическими сборниками, сотрудничество с журналами и создание в пике модным теософическим обществам своего – «Геософического общества». Но главное: он готовится к своему первому большому путешествию в Африку – в Абиссинию! Пытается увлечь этой идеей Аню Горенко, но та не разделяет «дух бродяжничества». И никогда не разделяла. Уже став женой Гумилева,

демонстративно выходила из комнаты, если он заводил разговоры об Африке. Брюсову он тогда пишет: «...уехать на полгода в Абиссинию, чтобы в новой обстановке найти новые слова...» 26 ноября 1909 года в Киеве Анна Горенко, после очередного объяснения, дает ему «окончательное и последнее» согласие, но это не влияет на его планы. Из Одессы он плывет в Каир, ждет собиравшегося присоединиться к нему Вячеслава Иванова и, не дождавшись, отправляется дальше. В этот раз поездка была недолгой, до Аддис-Абебы он не добрался, в начале февраля 1910-го вернулся в Россию. Снова готовит сборники, сотрудничает с журналами, учится, посещает заседания ОРХС. Именно на одном из них в конце марта Вячеслав Иванов выступает с докладом «Заветы символизма», положившим начало долгой дискуссии вокруг этого течения. Важно и другое: именно эта дискуссия в итоге привела к созданию акмеизма, родоначальником которого и был Гумилев... 25 апреля 1910 года под Киевом, в селе Никольская Слободка, повенчались Николай Степанович Гумилев

»

мощи нам не оказывают. Поэтому здесь живут только самые дружные и стойкие люди. Даже для закупки овощей мы вместе нанимаем грузовик и отправляем его в город».

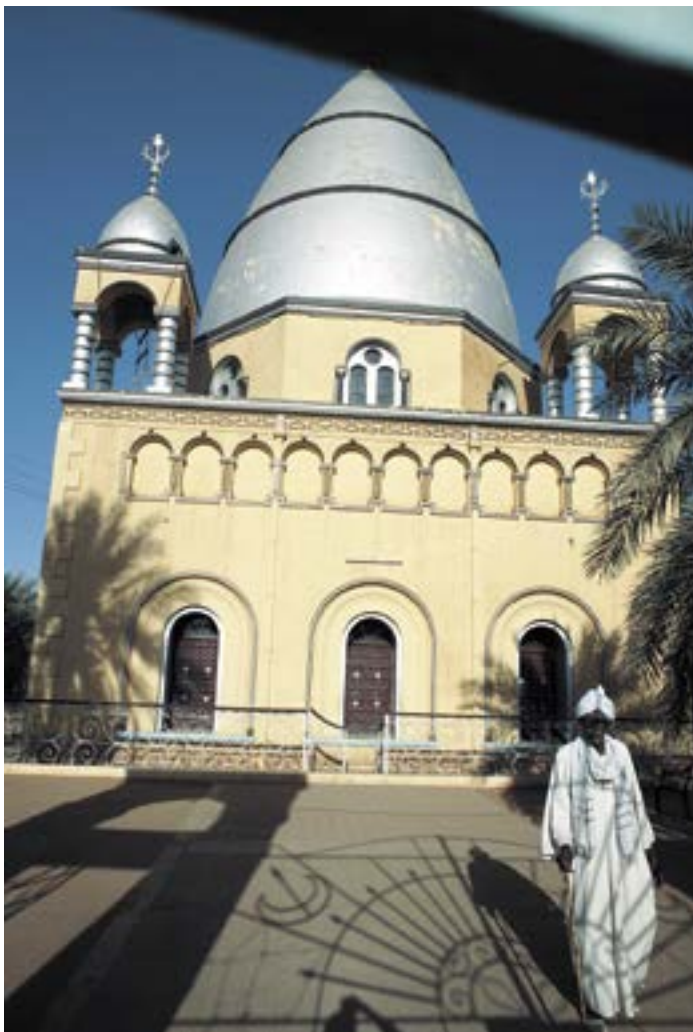
...Однажды днем с неба упало несколько капель дождя. Я побежал будить Амина, чтобы рассказать ему о таком чуде в Сахаре. Амин жутко перепугался, но затем, посмотрев на затянутое дымкой небо, успокоился: «Это не дождь, – сказал он. – Сейчас немного покапает и перестанет. В последний раз ливень у нас был лет 15 назад. Глиняные дома плавились, как лед на солнце».

На четвертый день ожидания мое терпение кончилось. Собственно, проблема состояла в том, чтобы добраться до ближайшей деревни Акаша, расположенной в 100 километрах вверх по Нилу. А далее прибрежные деревушки попадались уже чаще, и таких проблем с транспортом между ними не было.

Я объявил Амину, что иду в Акашу пешком. По деревне за мной шла целая толпа родственников и друзей Амина, к ним присоединялись соседи – все шумно обсуждали происходящее. Процессия остановилась у полицейского поста на самом выезде из Вади-Хальфы. Разбуженный полицейский недовольно смотрел на нас и качал головой. «Никого пешком не пущу! – отрезал он. – Хватит мне и одного съеденного европейца... Был тут один немец

на мотоцикле. Только отъехал от Хальфы – увидел волка. Остановился, стал фотографировать. А зверь набросился на него и слопал. Мотоцикл немца до сих пор у нас тут стоит... Сегодня будет лори, поедешь на нем, Иншалла!»

После стольких дней ожидания уже не верилось ни в какие лори, но к вечеру действительно, как мираж, в облаке пыли появился обещанный грузовик. Лори – это суданский вид общественного транспорта. На дно кузова ярко раскрашенного грузо-

PHOTOS/ALAMY

и Анна Андреевна Горенко. Жених подарил невесте новый изданный поэтический сборник «Жемчуга» с надписью: «А.А. Горенко. Кесарю кесарево». Медовый месяц провели в Париже. Ходили по музеям и выставкам, подружился с Модильяни. Конечно же, были в Булонском лесу, где Гумилев травился... Что пошло не так? Предположений – море, биографы постарались. Но не хочется даже думать об этом: изменял ли один другому? Мучилась ли Ахматова от сознания ошибки: писала ведь раньше мужу старшей сестры, своему другу и знакомому Гумилеву – Сергею фон Штейну, что нет страшнее пытки неразделенной любви, имея в виду вовсе не Николая Степановича. Но ведь и писала тому же Штейну, что любит Гумилева, что в обморок падает, когда получает его письма... Или это с самого начала была обреченная на беду затея: двум большим поэтам не ужиться вместе? Женившись в апреле на своей Прекрасной Даме, уже в сентябре покинуть ее? Трудно поверить – да как же это? Бегство – иначе не скажешь...

И опять в Африку! Добрался из Порт-Саида до Асуана, затем до порта Шеллал. Ровно 100 лет назад Гумилев плыл на пароме в Хальфу (ныне – Вади-Хальфа), с борта которого даже отправил открытку Вячеславу Иванову. Затем по железной дороге – до Порт-Судана, а оттуда в Джидду, где «очень жарко, очень грязно, удивительно зеленый цвет воды, много акул и могила Евы» – так писал Гумилев друзьям в холодный ноябрьский Петербург. Потом была Аддис-Абеба, где в гостинице его ограбили, и он просит редакцию «Аполлона» выслать ему 150–200 рублей на обратный путь. В марте 1911-го Николай Степанович вернулся в Петербург, в апреле делает доклад в редакции «Аполлона» о своем путешествии. Реакция друзей и знакомых его разочаровала...

Последнее путешествие Гумилева в Африку, во время которого он и написал свой «Африканский дневник», случилось в 1913 году, уже после того, как у них с Ахматовой родился сын. На сей раз это – этнографическая экспедиция, финансируемая Императорской Академией

PHOTOS/ALAMY

вика укладывают багаж, на который усаживаются пассажиры. Мне повезло: лори шел полупустой. По местным меркам, разумеется. Я закутался с головой в одеяло и задремал. Наша колымага, двигаясь со скоростью телеги, мерно рассекла темноту под ярким звездным покрывалом...

Четыреста километров до Донголы преодолели за два дня. По дороге несколько раз взрывались и отваливались колеса. А однажды ночью грузовик остановился посреди пустыни. Водитель и все пассажиры стали громко спорить – куда ехать? Дорогу потеряли. Строго говоря, до-

роги не было вовсе. По Сахаре тянутся лишь множественные колеи в песке, а наш водитель, пытаясь срезать путь, отклонился от Нила и заблудился. Плутали полночи, пока вдаль не показались спасительные огни деревни.

В Донголе я впервые за все время путешествия увидел асфальт. Но через несколько десятков километров он кончился. Пришлось вновь плутать по колеям в пустыне.

«Русский – это хорошо!»

Наконец-то я достиг столицы – Хартума, стоящего в месте слияния Белого и Голубого Нила. Казалось

бы, сам Бог велел построить здесь город. Тем не менее Хартум был основан лишь в 1823 году. Несмотря на расположение и оригинальное название («Хартум» по-арабски означает «хобот слона»), в городе ничего интересного обнаружить не удалось – обыкновенные урбанистические пейзажи, главным образом 70-х годов XX века. Впрочем, строят что-то из стекла и бетона, но строительство идет суданскими темпами – уже много лет.

Гораздо большее впечатление производит город-спутник Хартума – Омдурман, в народе называемый «национальной столицей». Здесь – колоритные колониальные здания, мечети, мавзолеи, старые кладбища. Главная святыня Омдурмана – мавзолей национального героя Махди. В исламе «Махди» означает «Мессия» – так прозвали суданцы своего предводителя, который в 1884 году поднял восстание против англичан и изгнал колонизаторов. Сам Махди вскоре умер от тифа, а, когда через 15 лет англичане вернули себе Хартум, мавзолей суданского мессии был взорван, останки сожжены и развеяны над Нилом. Мавзолей восстановили только в середине XX века. По понятным причинам европейцев внутрь не пускают. Но я все-таки решил рискнуть, тем более что зритель дремал на стуле у входа в комплекс. Обошел все двери небольшого куполо-

наук. Перед тем как сесть на пароход в Константинополь, Николай Степанович пишет в письме жене из апрельской Одессы: «Милая Аня, я знаю, ты не любишь и не хочешь понять это, но мне не только радостно, а и прямо необходимо по мере того, как ты углубляешься для меня как женщина, укреплять и выдвигать в себе мужчину; я никогда бы не смог догадаться, что от счастья и славы безнадежно дряхлеют сердца, но ведь и ты никогда бы не смогла заняться исследованием страны Галла и понять, увидя луну, что она алмазный щит богини воинов Паллады...» Вернулся Гумилев в сентябре.

Что дальше? Разлад в семье, романы на стороне, работа, рождение внебрачного сына Ореста (мать – художница Ольга Высотская). Рушится «Цех поэтов», созданный Гумилевым и Городецким в 1911 году. Первая мировая. Гумилев добровольцем уходит на фронт, получает за храбрость два Георгиевских креста. Его производят в унтер-офицеры, затем в прапорщики и переводят в знаменитый Александровский полк – к черным «гусарам

смерти». Революцию он не принял. В 1918-м возвращается в Санкт-Петербург и 5 августа разводится с Ахматовой. Женится на дочери историка Николая Энгельгардта – ее тоже зовут Анна. В 1919-м у них рождается дочь – Елена. До расстрела Николая Степановича Гумилева остается всего два года...

...Что за странная напасть современности: знаем пару строк, может, одно-два стихотворения большого поэта – и все. И Гумилев не избежал этой печальной участи. Большинство только и помнят «про жирафа». А ведь драгоценных строчек у Гумилева так много! Но если вы действительно хотите что-то понять о поэте, почитайте его пьесу «Гондла», написанную в 1916 году. Гондла, над которым насмеются все, кому не лень, некрасивый принц-горбун, одинокий, непонятый, страдающий, но прекрасный в своем благородстве. ТАК описать мучения души мог лишь человек, сам испытавший все это. Не поленитесь, откройте томик стихов Гумилева, чтобы встретиться с «самым непрочитанным поэтом XX века».

PHOTAS/ALAMY

образного мавзолея – заперто. Тут проснулся старик-смотритель. «Ты откуда?» – спросил он. «Русский», – честно ответил я. «А! Русский – это хорошо! – заулыбался старик. – Россия нам столько помогала...».

Он достал из кармана большую связку ключей и стал открывать гробницу.

«Ты – христианин, а я – больной»

Хотелось посмотреть Хартумский университет, точнее, кафедру русского языка, которая существует здесь уже более 40 лет. Основанный англичанами в 1903 году университет – это целый комплекс со студенческим городком, садами и аллеями. Столетнее основное здание, утопающее в зелени пальм, производит впечатление колониального дворца, поглощенного джунглями. Зашел внутрь. По пустынным коридорам бегали... обезьяны. Одна мартишка сидела на колонне и с удивлением смотрела на меня. Стал стучаться во все двери подряд. Ни одной открытой. И вдруг вижу: по коридору идет парень. Бывает же такое – Мохаммед оказался как раз студентом кафедры русского языка. Правда, первокурсником, поэтому

по-русски мог сказать только «Здравствуйте!» и «Как дела?». Прежде чем заглянуть на кафедру, Мохаммед предложил пойти пообедать. «Как? В Рамадан?» – удивился я. «В Хартуме живут не только мусульмане, – объяснил студент, – а кроме того, болеющим и путешествующим разрешается не соблюдать Рамадан. Пойдем со мной, я знаю место».

На пустынной улице остановились у брезентового занавеса. «Ну, если что: ты – христианин, а я – больной», – предупредил Мохаммед. За занавесом оказалась дверь, а за ней – какое-то непонятное помещение, похожее на склад. При свете тусклой лампочки обедали несколько человек. Столы и стулья были сооружены из ящиков. Сели за свободный «столик». Не говоря ни слова, к нам подошел «официант», принес две тарелки макарон с кетчупом, поставил две бутылки газировки, взял деньги и ушел.

Вернувшись в университет, обнаружили, что кафедра русского языка открыта. Средних лет преподаватель в строгом костюме писал срочное письмо другу в Москву. Мое появление пришлось кстати. По просьбе педагога я написал самую сложную часть письма. Кроме того, написал и письмо домой родным. Преподава-

тель пообещал: как только управится с делами, сразу же подключится к Интернету и отправит мое послание. Затем рассказал, что на кафедре учится более ста человек. «И это очень много, – с гордостью произнес он. – Из России поддержка незначительная, а объяснить чиновникам и студентам, зачем нужен русский в Судане, очень сложно... Но у нас есть еще большое наследие бывлой дружбы наших стран. Выпускников советских и российских вузов в Судане около 7 тысяч человек. Встретить их можно где угодно... только не в Вади-Хальфе. Я был два раза в Москве, но Вади-Хальфа мне почему-то кажется где-то еще дальше».

...Путешествуя по Судану, я еще не раз вспоминал слова этого преподавателя. Как-то, оказавшись в глухой деревне на востоке страны, заметил среди сидящих на улице стариков колоритного дервиша в зелено-красной мантии, обвешанного четками и «фенечками». Спросив разрешения, стал его фотографировать. И вдруг сидящий рядом суданец спросил по-русски: «Что, понравился? В Москве нет таких?»

...Чуть не забыл! Мое письмо на родину пришло только через месяц, когда я уже вернулся домой. ■